

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

98

ПАМЯТНИКИ КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

98

ПАМЯТНИКИ КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1964

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии:

*Е. А. Векилова, Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Е. И. Крупнов,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Т. Г. Оболдува (отв. секретарь),
Д. Б. Шелов* и секретари секторов Института археологии АН СССР.

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

*Е. И. КРУПНОВ*НЕКОТОРЫЕ НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ
ПЕРВОБЫТНОЙ АРХЕОЛОГИИ КАВКАЗА

Кавказский перешеек, этот своеобразный мост, связывающий древние культуры Восточной Европы и Передней и Малой Азии, еще на заре зарождения кавказоведения, в XIX в., привлек внимание исследователей мозаичной пестротой этнического состава населения и своеобразием древних культур кавказских народов.

В результате оживившихся археологических работ на Кавказе за советские годы открыты новые яркие археологические объекты, характеризующие отдельные этапы культурного развития народов Кавказа. Проведенными исследованиями археологов и представителей других смежных дисциплин были прослежены основные линии развития человеческого общества на Кавказе и уточнены некоторые вопросы, связанные с развитием местной самобытной среды и появлением различных этнических групп населения: индо-иранских, тюркских и др. Стало ясно, что многонациональный Кавказ, это — не только «своеобразный этнографический музей», как его называли авторы XIX в., но и один из древнейших культурных очагов нашей Родины и всей Европы. И в аргументации этого тезиса ведущая роль принадлежит археологии.

Казалось бы, что совокупностью накопленного богатства разнообразных исторических источников (первоклассные археологические коллекции, оригинальные этнографические и антропологические материалы, лингвистические данные и яркие письменные документы) уже обеспечивается возможность составления сводной строго научной истории этого замечательного по этнографическим и историко-культурным особенностям края. Это было бы конечным итогом деятельности историков-кавказоведов. К сожалению, практически это пока трудно выполнимая задача. И хотя изданием целой серии историй Закавказских союзных республик и большинства автономных республик и областей Северного Кавказа и созданы серьезные предпосылки для написания обобщающей истории народов Кавказа, некоторые обстоятельства серьезно препятствуют осуществлению этой основной задачи в ближайшие годы. Причины кроются в неравномерности историко-археологического обследования Кавказа и в степени изученности материальных исторических источников.

Так, до сих пор еще археологически слабо обследованы районы Предкавказья; между тем, судя по отдельным итогам полевых работ (Северо-Кавказской археологической экспедиции в Северо-Западном Прикаспии и И. В. Синицына в Калмыкии и на юге Астраханщины), эти районы таят ценнейшие памятники, важные для освещения древнейшей истории и истории культуры не только Северного Кавказа, но и Закавказья.

За последние годы усилиями экспедиции Дагестанского филиала АН СССР и СКАЭ значительно продвинулось изучение отдельных районов Северо-Восточного Кавказа — Чечни и Дагестана, но по-прежнему остаются слабо обследованными почти все высокогорные районы этих республик, особенно Чечни. Все еще «белым пятном» на археологической карте Кавказа остаются районы Южного Азербайджана, хотя, судя по отдельным ярким сигналам (великолепные комплексы бронзового оружия из Астрахан-Базара) и самому географическому положению, земли этих районов хранят ценнейшие материальные источники, важные для освещения культурных связей всего Кавказа с древним Ираном.

То же самое можно сказать и о некоторых районах Восточного Причерноморья, где довольно успешно ведутся исследования по палеолиту, раннему железному веку и античному периоду, в том числе по выяснению культуры легендарной Колхиды. Но неоправданно преданы забвению не менее важные объекты типа «Наохваму» в Колхиде или «Кистрик» и «Очемчирское селище» в Абхазии. Необходимость поисков подобных памятников и научного исследования их сейчас кажется особенно ощутимой. Без этого вся Западная Грузия долго еще будет оставаться лакуной не только в древнейшей истории Грузии, но и в наших общих представлениях о переходном периоде Кавказа от камня к металлу.

Перечисленные проблемы требуются ликвидировать в ближайшие годы. Это могут и должны сделать учреждения, ведущие археологическую экспедиционную работу в разных районах Кавказского перешейка и Предкавказья.

Еще более значительный тормоз в выполнении основной задачи современного кавказоведения в области археологии — неразработанность научной проблематики, связанной с созданием сводной истории Кавказа. Иногда слабая разработка того или иного вопроса определяется состоянием и малочисленностью исторических источников. Так, например, обстоит дело с изучением кавказского неолита; но об этом — ниже.

Нельзя не сказать об исключительном значении находки «удабнопитека» (останки высшей человекообразной обезьяны в Восточной Грузии), позволившей обосновать тезис о вхождении Закавказья в зону очеловечения обезьяны; важность этого факта очевидна, ибо «удабнопитек» признается предковой формой по отношению к человеку. В связи с открытием на Кавказе следов древнейших стоябищ людей нижнего палеолита и многих стоянок верхнего палеолита (в первую очередь в Армении, Грузии и на Северо-Западном Кавказе) встает задача организации подобных поисков и в других районах края. Повсеместное обнаружение и изучение первых мест обитания надрейнейших человеческих коллективов на Кавказе откроет перед специалистами по палеолиту широкие перспективы по разработке очень важных вопросов о времени и условиях становления примитивного человеческого общества и об отдельных этапах его развития.

В свете уже установленных археологами фактов относительной оседлости самого первобытного человека, пользования им огнем, выработанной в труде праворукости и признания определенной роли коллективной охоты в жизни первобытных людей нам кажутся совершенно неприемлемыми термины «человеческое стадо» или «стадный человек», которыми до недавнего времени характеризовали форму общественных отношений наиболее раннего периода истории человечества. В научном освещении всех этих вопросов будет заключаться большая заслуга наших исследователей палеолита.

К сожалению, следующий очень важный этап культурного развития населения Кавказа — эпоха неолита изучен очень слабо. Его изучение значительно отстало от опыта исследования неолитических культур нашего Европейского Севера и даже Юга, где за последние годы, особенно на Украине, заметны существенные сдвиги.

Исследованием таких памятников, как Агубековское поселение, Ахштырская и Воронцовская пещеры, Шиловская стоянка, и недавно открытых дагестанских объектов на Северном Кавказе, а также поселений у Ханлара, Одиши, Кистрика, определенных слоев Сакарджиле и других памятников Закавказья, по существу заложено лишь плодотворное начало изучения неолитических культур Кавказа. Но этого явно недостаточно. Мы до сих пор не знаем общей картины развития культуры этого времени на Кавказском перешейке; нет еще и четких представлений о локальности неолитических культур Кавказа. Слабая изученность кавказского неолита вообще затрудняет и задачу установления его соответствия с синхронными культурами Передней и Малой Азии, с одной стороны, и неолитом Юго-Восточной Европы, с другой. Даже сама периодизация и попытки датировки отдельных неолитических памятников Кавказа возможны пока только в предварительном плане. Между тем эпоха эта — одна из важнейших. По всем данным, в эту эпоху, очевидно, формировалось и цементировалось культурное и этническое единство далеких предков многих коренных народов Кавказа, ибо в последующее время энеолита и эпохи ранней бронзы (о чем будет сказано ниже) наблюдаются уже признаки распада былой общности. Отыскание и изучение неолитических памятников должно стать наипервейшей задачей археологов-кавказоведов на ближайшие годы.

Как выясняется, с изучением эпохи энеолита на Кавказе может быть связана разработка кардинальнейшей для истории народов Кавказа проблемы их происхождения. Известно, что Кавказский перешеек заселен древними народами, огносящимися к особой самобытной языковой семье — так называемой иберийско-кавказской. По специфическим особенностям, проявляющимся и в фонетике, и в грамматическом строе, кавказская языковая группа резко отличается от всех других языковых семей земного шара и в настоящее время сохранилась только на Кавказе¹. Это признавалось и признается современными лингвистами всех направлений в языкознании.

Допускается также, что существование на Кавказе этой языковой семьи можно фиксировать с очень отдаленного времени, якобы даже предшествующего появлению на исторической арене индоевропейских, семитических, не говоря уже о тюркских, народов. Но более точного ответа на вопрос о времени и конкретных исторических условиях возникновения широкой общекавказской этнической общности пока еще нет. В известных лингвистических работах грузинских ученых вопрос обычно сводится только к истории древнегрузинских племен, чего для решения этой проблемы в общекавказском масштабе, конечно, недостаточно, ибо в кавказскую языковую семью входят не только грузины, но и многие другие народы Северного и Южного Кавказа — абхазцы, адыгейцы, черкесы, кабардинцы, вейнахские народы (чеченцы и ингуши) и дагестанские народности. Следовательно, подлинно научное освещение этого важного вопроса нужно ставить глубже и шире и привлекать к его решению не только языковедов и археологов, но и антропологов и этнографов.

В разработке этой проблемы археологами сделаны значительные шаги: главное — установлена древнейшая культурная общность в Куро-Аракском Междуречье уже в III тысячелетии до н. э. В этом крупная заслуга Б. А. Куфтина, первым выделившим «культуру куро-аракского энеолита»² в Центральном Закавказье. Последующими археологическими работами — на Северо-Восточном Кавказе, в Дагестане, а позднее и в Чечено-Ингушетии были изучены группы памятников, представляющих (по Р. М. Мунчаеву) определенный локальный вариант более широкой культуры

¹ Кроме баскского языка на Пиренейском полуострове (древней Иберии), который сходен с кавказскими языками; отсюда и «иберийско-кавказские» языки.

² В настоящее время, по общему признанию всех археологов-кавказоведов, изучаемая культура характеризует не энеолит, а эпоху ранней бронзы, или палеометаллическую эпоху.

Закавказья. Новый накапливающийся материал с территории Северного Кавказа, включая и памятники синхронной майкопской культуры, сейчас заставляет изучать эту так называемую энеолитическую культуру в общекавказском масштабе, не игнорируя ее связей с соответствующей культурой Малой Азии (халколитические памятники Анатолии — Караз и др.). Можно не сомневаться в том, что углубленные исследования в этом плане позволят теснее связать древнейшую культуру Кавказа периода первого появления металла с культурами Малой и Передней Азии, уточнят ее датировку и установят локальные варианты, которые, очевидно, будут отражать явления уже начавшегося распада древнейшей культурной и этнической общности. Попытки лингвистов-кавказоведов, пользующихся математическим методом Сводеша, датировать факты обособления дагестанского языка (Е. А. Бокарев), или свано-занской языковой группы (Г. А. Климов), рубежом III и II тысячелетий до н. э. в свете археологических данных нам кажутся убедительными. Примерно этим периодом (точнее, концом III тысячелетия до н. э.) археологи датируют поздние памятники куро-аракского энеолита, соответствующие объекты Чечено-Ингушетии и Дагестана, а также материалы майкопской культуры. А эти памятники как будто отражают уже начало распада общекавказского единства.

Принципиально важные последние заключения советских антропологов (М. Г. Абдулелишвили, Г. Ф. Дебец, В. П. Алексеев и др.), признающих, что все коренное население Северного Кавказа, начиная от Адыгеи и кончая Дагестаном, а также всей Грузии представляет собой единый «кавказсионский» автохтонный антропологический тип, с различными вариациями.

Известно, что и по этнографическим особенностям в материальной и духовной культуре почти всех народов Кавказа прослеживается определенное единство и устойчивость. Древнейшее кавказское единство находит подтверждение и в выводах лингвистов о существовании в далеком прошлом единого кавказского языкового субстрата (Г. С. Ахвледиани, В. И. Абаев и др.) и образовании трех основных групп в кавказской языковой семье: абхазо-адыгейской, дагестано-вейнахской и картвело-свано-занской. Все это доказывает, что только в творческом содружестве археологов, этнографов, антропологов и языковедов и может быть успешно решена ведущая комплексная проблема этногенеза коренных кавказских народов.

Возможно, что одновременно с установлением истоков кавказской языковой семьи и ее материальной культуры удастся выяснить еще один чрезвычайно важный вопрос — о первом появлении индоевропейцев на Кавказе и элементов их культуры. Этот вопрос связывается с хеттами-неситами. В последнее время некоторые ученые (Б. Грозный, Ф. Зоммер, В. Иванов) считают, что индоевропейские племена хеттов проникли из степных районов Восточной Европы в Малую Азию через Кавказ. Но если хетты-неситы осели в Малой Азии и создали свое государство уже в XIX в. до н. э., то через Кавказ они должны были проникнуть гораздо раньше и нарушить общекавказское единство еще в III тысячелетии до н. э. Материально этот тезис ничем не может быть подтвержден. Наоборот, археологические материалы документируют проникновение в общекавказскую среду инородных для Кавказа элементов не ранее середины II тысячелетия до н. э., когда хетты были уже в Малой Азии. На Северном Кавказе появляются носители катакомбной культуры, в Закавказье распространяется крашенная керамика, связываемая с хеттской культурой.

Нельзя не отметить острую нужду в разрешении и «проблемы крашеной керамики Закавказья» (типа кзыл-ванкской) и в установлении отношения ее носителей к индоевропейскому контингенту населения Центральной Анатолии (Малая Азия). Более того, изучение «Кзыл-Ванка» и соответствующих материалов в Закавказье нельзя признать удовлетворительным. Известные работы И. И. Мещанинова, А. А. Захарова, А. Алекперова, Т. С. Пассек и других, к сожалению, не получили окончательного завер-

шения. Теперь же эта интереснейшая культура по непонятным причинам не изучается. Мы до сих пор не знаем кто были носители этой культуры, каков ареал их бытования и каково отношение к синхронным племенам и культурам Малой Азии?

Необходимо возбудить интерес к исследованию памятников кзыл-ванкской культуры у нашей научной молодежи. В процессе изучения в широком плане (с охватом Закавказья и прилегающих районов древнего Востока) можно будет выяснить истоки ее происхождения, степень и глубину контактов ее носителей с древними племенами и народами Передней и Малой Азии и их культурами расписной керамики (Сузы, Богазкей, Кархемыш и др.). В результатах исследования даже негативные выводы будут очень важны, так как ими, очевидно, будет окончательно решен большой исторической значимости вопрос о первом появлении на Кавказе индоевропейских племен и их культуры.

Плохо разрабатывается и проблема всемирно прославленной триалетской культуры эпохи средней бронзы (середина II тысячелетия до н. э.). До сих пор нет еще монографии, охватывающей все Закавказье и отдельные районы Передней и Малой Азии. Даже не издан полностью замечательный Кировоканский комплекс. Отсутствие широких обобщающих работ по археологическим культурам Закавказья всех этапов эпохи бронзы особенно чувствуется сейчас, когда перед историками-кавказоведами встают задачи создания сводной истории народов древнего Кавказа.

Все еще не обобщены интереснейшие материалы эпохи средней бронзы из разных районов Закавказских республик и Дагестана, хотя, несомненно, во II тысячелетии до н. э. на Кавказе бытовали и другие самостоятельные археологические культуры, еще не выявленные. Необходимо уделить больше внимания и этому вопросу.

Особое внимание следует обращать на признаки, объединяющие комплексы в особые культуры, и на элементы, разделяющие их, что облегчит задачу выделения ранее не уточненных культур на территориях различных республик и областей Кавказа и установления внутри этих культур отдельных локальных вариантов, отражающих этнографические различия племенных групп этнически однородного населения. По наблюдаемой разнице в типах могильных сооружений и погребальных обрядах, по морфологии керамики, ее орнаментике и другим признакам можно в деталях изучить древнюю культуру того или иного района Кавказа. Например, успешный опыт по изучению ходжалы-кедабекской культуры Азербайджана (Н. В. Минкевич-Мустафаева) доказывает и важность, и перспективность такой работы.

Проявляя подлинно научный подход к изучению материальных источников в широких хронологических и территориальных рамках (а не в современных административных границах отдельных республик и областей Кавказа), можно правильное наметить ареалы древних племенных групп кавказского населения, т. е. попытаться прояснить ранние этапы этнической истории народов Кавказа и по археологическим данным. Разумеется, в решении подобных вопросов требуется проявить максимальную осторожность и учитывать показания самых разнообразных источников археологии, этнографии, антропологии и лингвистики.

Наконец, ближайшими темами археологов-кавказоведов должны быть и такие, которые теперь могут решаться только вместе с представителями точных наук, например вопросы о первом появлении на Кавказе таких ведущих форм уже производящих хозяйств, как земледелие и скотоводство, таких основных металлов, как меди, олова и железа, а также о периодах их широкого распространения. Нужно помнить, что решением этих вопросов освещаются сложнейшие перемены, происшедшие в хозяйственной деятельности, в военной технике, в общественном укладе и даже в идеологии древнего населения. Но разрабатывать эти темы следует на широком истори-

ческом фоне и с привлечением большого материала, избегая узкокраеведческого подхода. Ведущаяся в этом направлении работа (исследования И. Р. Селимханова, Е. Н. Черныха и др.) рисует благоприятные перспективы, так как позволяет сделать подлинно исторические выводы, одинаково важные как для истории Кавказа, так и для истории сопредельных с ним областей, в частности для южных районов Европейской части СССР. Например, проблема взаимосвязей Мидии и Персии с Атропатеной.

Таким образом, для восстановления сводной истории Кавказа необходимы ликвидация существующих еще белых пятен на археологической карте края и более целенаправленная разработка ведущей научной проблематики.

Одной из важнейших проблем для первобытной истории народов Кавказа по-прежнему остается изучение неолитических памятников. Без успешной разработки этой ведущей проблемы многие вопросы этногенеза и ранней истории кавказских народов долго еще останутся нерешенными. Давно уже назрела необходимость приступить к монографическому изучению в общекавказском масштабе и таких монументальных объектов, как кавказские дольмены. Только созданием такой монографии советскими кавказоведами будет выполнен долг перед мировой исторической наукой.

Следует также, не увлекаясь раскопками курганов и могильников, больше уделять внимания поискам и исследованию бытовых памятников (поселений и городищ), дающих важнейшие источники для восстановления картины социально-экономической жизни древнего населения. Без этого многие замечательные культуры Кавказа — триалетская, колхидская, прикубанская, каякентско-хорочоевская и другие — долго еще будут страдать односторонностью исторических характеристик.

Таковы лишь некоторые нерешенные вопросы первобытной археологии Кавказа, успешная разработка которых будет значительным достижением советского Кавказоведения.

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

А. А. ФОРМОВ

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ
В ПЕЩЕРАХ ПРИКУБАНЬЯ¹

В довоенные годы пещерные палеолитические памятники были изучены на Кавказе только в Имеретии и в районе Сочи — Адлера. В 1950—1960 гг. археологические исследования пещер развернулись и в других районах. Стоянки эпохи палеолита открыты в Азербайджане, Дагестане, Северной и Южной Осетии и в Кабардино-Балкарии. К числу новых районов пещерных палеолитических стоянок принадлежит и Прикубанье.

В 1957 г. автор обнаружил мустьерский культурный слой в пещере у ст. Даховской на р. Белой². В 1960 г. недалеко отсюда в гроте, расположенном в 6 км к востоку от пос. Каменноостовского, найдена еще одна стоянка. В 1961 г. при раскопках здесь выявлены слои верхнепалеолитического и неолитического времени и слой, относящийся к майкопской культуре. В тот же год сотрудник Адыгейского научно-исследовательского института П. У. Аутлев открыл новый пещерный район на р. Губс, выше ст. Баракаевской (бассейн Большой Лабы)³. Шурфовка в многочисленных гротах и навесах по р. Губс указала на слои эпохи палеолита в восьми пещерах. В трех — Губской (Монашеской) пещере и Губских навесах № 1 и № 7 — заложены раскопы. Две первые стоянки исследовал П. У. Аутлев, последнюю — автор. Выразительный материал получен и при зачистке в Двойной пещере в самых верховьях Губса. Отметим также навес № 5, где найдены кости пещерного льва.

В результате работ собраны значительные коллекции, позволяющие наметить хронологию пещерных палеолитических памятников Прикубанья и сделать ряд исторических выводов.

В Губской (Монашеской) пещере П. У. Аутлев нашел более тысячи мустьерских изделий. Наряду с типичными остроконечниками, скреблами и дисковидными нуклеусами здесь есть отдельные нуклеусы, близкие коническим и призматическим, узкие асимметричные остроконечники, напоминающие острия типа шательперрон, и орудия типа скребков. Большинство орудий изготовлено из тонких пластинчатых отщепов. Все это

¹ Доклад на заседании сектора неолита и бронзы ИА АН СССР 19 января 1963 г.

² А. А. Ф о р м о в. Археологические исследования пещер в верховьях р. Белой в Краснодарском крае. «Сборник материалов по археологии Адыгеи», т. II. Майкоп, 1961, стр. 39—47.

³ Первые указания на археологические находки в пещерах у ст. Баракаевской см. Ф. А. Ш е р б и н а. История Кубанского казачьего войска, т. I. Екатеринодар, 1910, стр. 144. Шербина говорит о множестве человеческих костей, найденных в пещерах. Действительно, в ряде пещер встречены аланские погребения. При их исследовании в 1962 г. сотрудник Адыгейского НИИ П. А. Дитлер обнаружил богатый инвентарь — монеты, бусы, железные орудия и т. д.

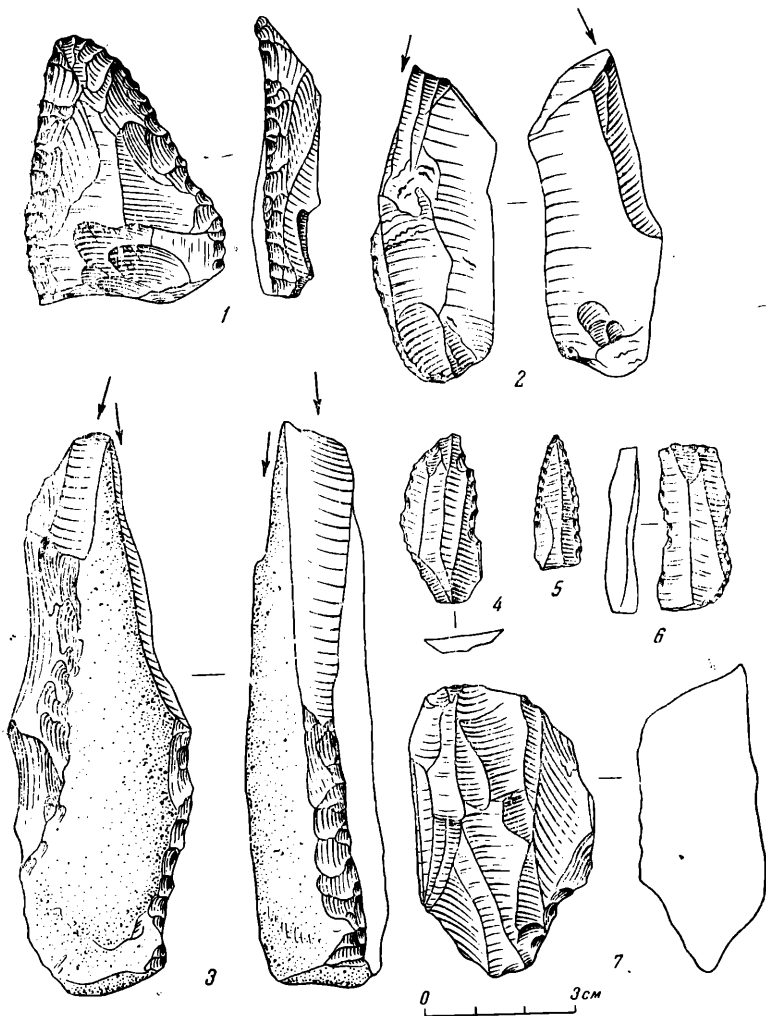

Рис. 1. Кремневые изделия из нижнего слоя Каменноостской пещеры
 1 — остроконечник, 2, 3 — резцы, 4, 5 — остря, 6 — пластина с поперечной ретушью,
 7 — нуклеус

указывает на позднемустьерский возраст памятника. Ближайший аналог Губской пещеры — стоянка Шайтан-Коба в Крыму⁴.

Находки в нижнем слое Каменноостской пещеры (около 1600 предметов) относятся, безусловно, к верхнему палеолиту. Здесь найдены резцы (30 экз.), призматические нуклеусы (40 экз.), концевые скребки (10 экз.), нуклеовидные орудия, пластина с поперечной ретушью, остря, ретушеры из галек. В то же время в коллекции есть четыре остроконечника (рис. 1—1) и дисковидный нуклеус мустьерского облика. Архаичный характер и у остального инвентаря. Почти все резцы сделаны не из пластин, а из массивных обломков. Это полиэдрические резцы с рабочим краем, оформленным несколькими сколами (рис. 1—2, 3). Боковых резцов из пластинок — единицы. Среди находок нет орудий в виде стамесок, ножей типа Ргани и каких-либо форм вкладышей. Эти особенности инвентаря дают право сопоставлять его с материалами из пещер Таро-кльде и Хергулис-

⁴ Г. А. Бонч-Осмоловский. Шайтан-Коба. Крымская стоянка типа Абри-оди. Бюлл. КИЧП, № 2, 1930, стр. 61—82.

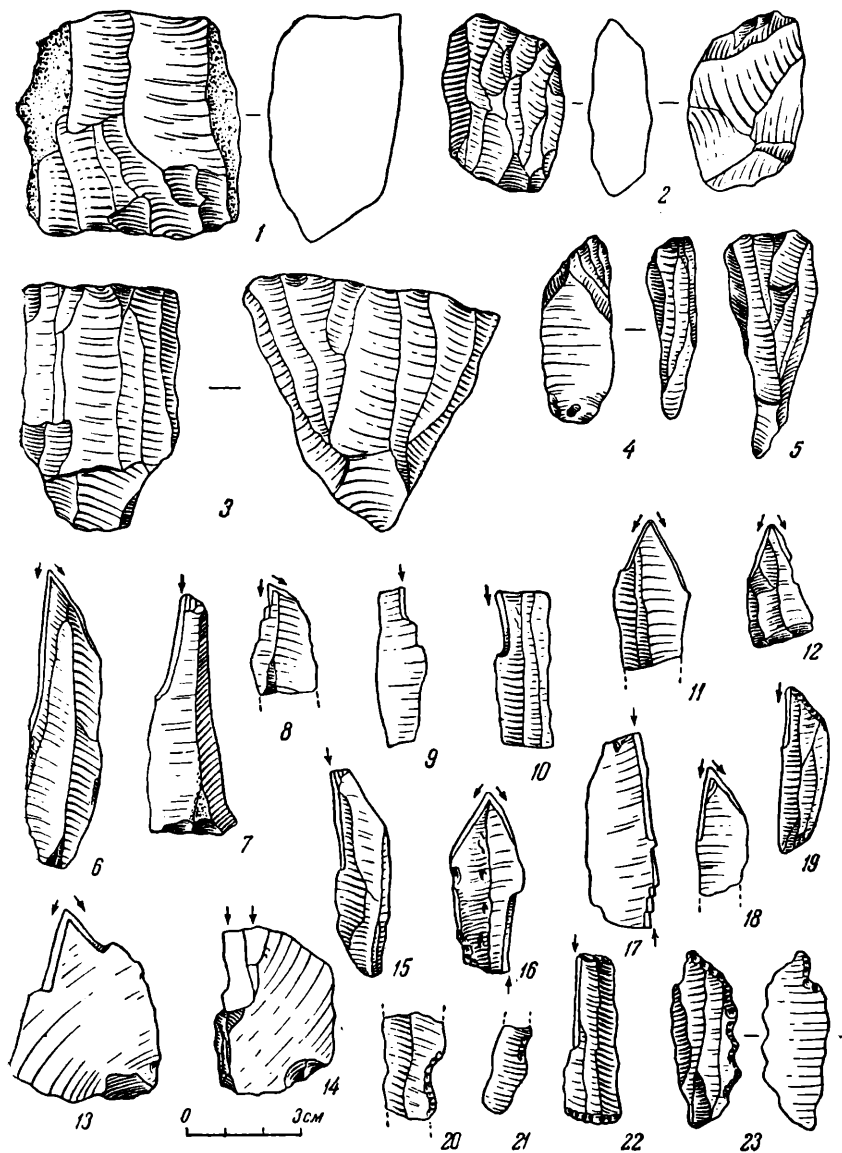

Рис. 2. Кремневые изделия из Губского навеса № 7

1—3 — нуклеусы, 4, 5 — нуклеовидные резцы, 6—19, 22 — резцы, 20, 21, 23 — пластинки с выемками на краях

кде в Имеретии. Характеризуя этими памятниками первую — раннюю группу верхнепалеолитических стоянок Закавказья, С. Н. Замятнин отмечал, что только в ней представлены орудия мустьерских форм, что здесь грубых полиэдрических резцов из обломков и отщепов больше, чем каких-либо других орудий, и что тут нет ни стамесок, ни ножей типа Ргани, ни вкладышей в виде сегментов и треугольников⁵.

Коллекция из Губского навеса № 7 сейчас самая большая. В культурном слое мощностью до 3 м найдено около 10 тыс. кремней. Облик инвентаря иной, чем в Каменноостской пещере. Если там преобладают крупные

⁵ С. Н. З а м я т н и н. Палеолит Западного Закавказья. Палеолитические пещеры Имеретии. «Сборник МАЭ», XVII, 1957, стр. 448—462.

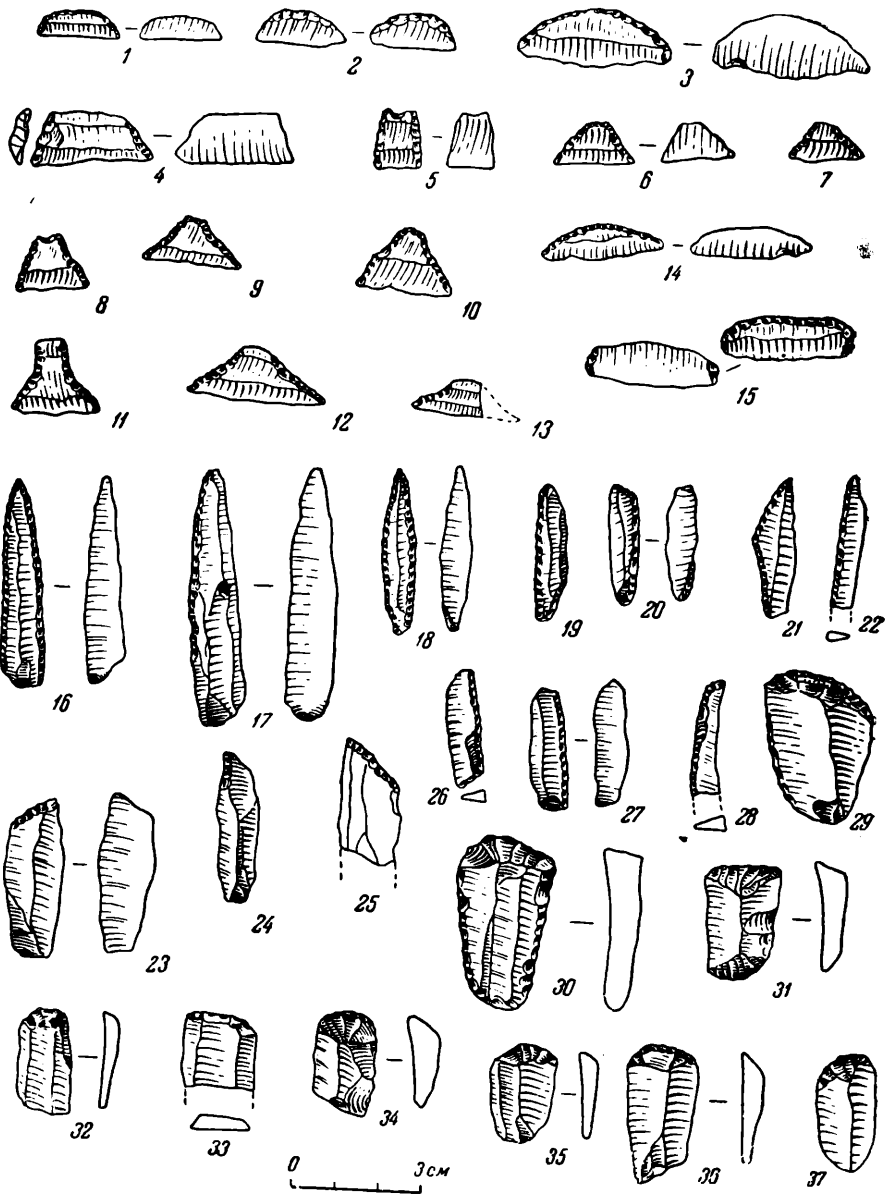

Рис. 3. Кремневые изделия из Губского навеса № 7

1—15 — геометрические орудия, 16—22, 26—28 — пластинки с притупленным краем, 23—25 — остря, 29—37 — скребки

нуклеовидные резцы, то здесь из 30 резцов только четыре полиэдрических, и то они невелики (рис. 2—4, 5). Резцы, как правило, изготовлены из тонких, хорошо огранных пластинок и принадлежат к типу угловых и боковых (рис. 2—6—19, 22). Из таких же правильных ножевидных пластинок сделаны и другие орудия — скребки (64 экз.), остря, стамески, орудия с выемками на краях, ножи типа Ргани и т. д. Больше всего в инвентаре поселения изделий вкладышевого характера: это — пластинки с притупленным краем, микролитические остря типа граветт (около 60) и геометрические орудия (рис. 3—1—22). Среди последних мы находим десять трапеций, четыре сегмента, один низкий асимметричный треугольник и пластинку с прямо срезанными ретушью концами. На Кавказе геометри-

ческие орудия появились раньше, чем на Русской равнине. Они есть уже в стоянках второй хронологической группы периодизации С. Н. Замятина — в Сакажиа и Девис-хврели. Особенно же многочисленны эти орудия в поселении Гварджилас-кде, характеризующем третью группу периодизации. Еще больше, чем геометрические орудия, характерны для этой стоянки различные разновидности пластинок с притупленным краем⁶.

Таким образом, находки в Каменноостской пещере кое в чем смыкаются с материалами из мустьерских поселений, а находки в Губском навесе № 7 предвещают широкое распространение микролитической индустрии и геометрических орудий в мезолите и неолите Кавказа.

К промежуточной ступени культуры, ко второй группе верхнепалеолитических стоянок по периодизации С. Н. Замятина, из кубанских находок, может быть, относятся материалы Губского навеса № 1. П. У. Аулев выявил здесь два культурных слоя, разделенных горизонтом обвальных плит. Внизу собрано незначительное число изделий мустьерского характера, вверху — обильный верхнепалеолитический материал: скребки, резцы, нуклеовидные орудия и т. д. Нижний слой может относиться к мустье (навес № 1 непосредственно примыкает к Губской пещере) или к началу верхнего палеолита. В верхнем же слое отсутствуют и мустьерские формы, и геометрические орудия. Такого типа материал хотелось бы считать промежуточным между инвентарем Каменноостской пещеры и Губского навеса № 7.

Итак, уже имеющийся у нас материал по позднему палеолиту Прикубанья как будто полностью соответствует всем трем этапам периодизации верхнего палеолита Закавказья, предложенной С. Н. Замятиным. Следует, однако, помнить, что эта периодизация основана только на типологическом анализе и не подтверждена стратиграфией. Как известно, созданная в 20-х годах одновременно со схемой С. Н. Замятина периодизация верхнепалеолитических памятников Русской равнины П. П. Ефименко коренным образом пересмотрена после стратиграфических наблюдений, сделанных А. Н. Рогачевым в Костенках. Одно из этих наблюдений имеет ближайшее отношение и к периодизации стоянок Кавказа: установление при раскопках Тельманской стоянки большой древности слоя с многочисленными микролитическими острями с притупленным краем⁷. Необходимо провести стратиграфическую проверку схемы С. Н. Замятина. В этой связи привлекает внимание Губский навес № 1, заслуживающий детального стратиграфического изучения. Пока же приходится контролировать типологический анализ косвенными данными естественных наук.

Исследователи пещерных стоянок Крыма установили соотношение между высотными отметками пещер и возрастом стоянок в них: чем древнее стоянка, тем выше над дном речной долины она расположена⁸. Известные на сегодняшний день пещерные стоянки Прикубанья подтверждают эту закономерность. Даховская мустьерская стоянка находится на высоте 500 м над р. Белой, Губская пещера и навес № 1 — метрах в 100 над рекой, Каменноостская пещера — в 39 м над руслом притока Белой — р. Мешоко, Губский навес № 7 — в 21 м над р. Губс.

Далее, в лаборатории Института зоологии АН УССР И. Г. Пидопличко провел определение относительной хронологии костных остатков из Кубанских пещер методом прокаливания (коллагена). Для Даховской пещеры получены коэффициенты прокаливания — 830, 805, 799, 787, 775, 775, 742, 725, 721, в среднем — 773; для Губской пещеры — 480, 430, 393, 364, в среднем — 414, для Каменноостской пещеры — 455, 409 и 293, в среднем — 386.

⁶ С. Н. Замятин. Указ. соч., рис. 12, 21, 23.

⁷ А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района, МИА. № 59, 1957, стр. 47—56, рис. 23.

⁸ Н. И. Николаев. Материалы к геологии палеолита Крыма. «Бюллетень Московского об-ва испытателей природы, отд. геол.», т. XVIII, вып. 2, 1940, стр. 39—47.

Сравнивая полученные цифры с коэффициентами прокаливания, приведенными И. Г. Пидопличко для других стоянок⁹, мы можем прийти к выводу, что Даховская пещера принадлежит к группе раннемустьерских стоянок, а Губская — к группе позднемустьерских (ср. Ахштырская пещера — 706, Кодак — 611, Тешик-таш — 580, Староселье — 388). Даже Ильская стоянка по данным прокаливания (коэффициент 518) старше находок в Губской пещере. Можно утверждать также, что стоянка в Каменномогостской пещере непосредственно следует во времени за мустьерскими стоянками и старше всех изучавшихся И. Г. Пидопличко верхнепалеолитических памятников (ср. Пушкари I — 339, Мезин — 309, Кирилловская — 308, Гонцы — 287 и т. д.).

Таким образом, косвенные данные естественных наук подкрепляют типологические заключения о хронологической последовательности пещерных стоянок Прикубанья. Намечается такая последовательность: 1) Даховская, 2) Губская пещера, 3) Каменномогостская пещера, 4) Губский навес № 7.

Какие же исторические выводы можно сделать на основе раскопок в пещерах Прикубанья? Нам представляется, что наряду со многими новыми материалами из Закавказья находки в Губской пещере уточняют наше представление об облике мустье Кавказа. В 1958 г. автор выдвинул гипотезу, что в мустьерскую эпоху наметилось группирование стоянок типа «мустье с ашельской традицией» на Русской равнине и типа «классического мустье» — на Кавказе¹⁰. Для Русской равнины в 1958 г. могли быть названы находки двусторонне обработанных мустьерских орудий на стоянках Выхватинцы, Шубное, Пещерный лог, Ильинка, Кодак, на местонахождениях Красный яр, Васильевка, Федоровка, Вольнянка, Ореховый лог, Бердыж, Бессергеновка, Новоклиновка II. Говоря о типичных для Кавказа мустьерских стоянках с инвентарем, изготовленным почти исключительно из отщепов, мы ссылались на Ахштырскую, Навалишинскую, Хостинскую, Ацинскую и Партизанскую пещеры на Черноморском побережье и на местонахождения Аширабад в Армении и Очемчери в Абхазии.

Материалы, добытые советскими археологами после 1958 г., как нам кажется, подтвердили наше предположение. На Днепровских порогах на стоянке Скеля-Орел¹¹ и на Десне на стоянке Хотылево¹² собраны большие серии мустьерских двусторонне обработанных орудий. С другой стороны, все новые мустьерские стоянки Кавказа содержат только орудия из отщепов. Таковы пещерные стоянки в Грузии: Джручуга — в Имеретии, Цопи — на границе с Азербайджаном, мустьерские слои пещер Кударо и Цона — в Юго-Осетии, пещера на р. Цхалцителе — под Кутаиси¹³, пещерные памятники Дамджили, Дашсалахлы и Азых — в Азербайджане¹⁴ и местонахождение Кумрала-када — в Дагестане¹⁵.

До недавнего времени мустьерская эпоха в Прикубанье могла быть охарактеризована только материалами Ильской стоянки — типичного памятника «мустье с ашельской традицией». Теперь раскопки в Губской пещере

⁹ И. Г. Пидопличко. Новый метод определения геологического возраста костей четвертичной системы. Киев, 1952, стр. 43, 44, 46, 50, 72, 73, 78, 80, 81.

¹⁰ А. А. Формозов. Проблема локальных различий в древнем палеолите СССР. «Советская антропология», 1958, № 1, стр. 41—42.

¹¹ А. В. Бодянский. Мустьерская стоянка у скалы Орел. КСИА АН УССР, вып. 9, 1959, рис. 2, 11—17.

¹² Ф. М. Заверняев. Хотылевское нижнепалеолитическое местонахождение. Брянск, 1961, стр. 22, 23, 28.

¹³ Г. К. Григолия. Палеолит Квемо-картли. Тбилиси, 1963; Д. М. Ташабра-мишвили. Пещеры в ущелье р. Джручулы. Сб. «Пещеры Грузии», Тбилиси, 1963. Коллекции из раскопок А. Н. Каландадзе, Н. Э. Бердзенишвили в Музее Грузии.

¹⁴ М. М. Гусейнов. Мустьерская стоянка в пещере Дашсалахлы. Изв. АН АзССР, серия обществ. наук, 1959, № 6, табл. 1—7; Он же. Пещера каменного века на Авейдаге. Доклады АН АзССР, 1959, № 1.

¹⁵ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. Материалы по археологии Дагестана, т. II. Махачкала, 1961, стр. 5—7.

дали большую коллекцию мустьерских орудий, в которой нет ни одного двусторонне обработанного изделия. Нет их и в открытой мустьерской стоянке Колосовка на р. Фарс, исследованной П. У. Аутлевым в 1958 г. Таким образом, новые находки указывают на то, что для Прикубанья, как и для Закавказья, более характерны стоянки «классического мустье», чем «мустье с ашельской традицией». Это отразилось и на облике верхнего палеолита Кавказа, где совсем нет двусторонне обработанных орудий, широко распространенных в ранних стоянках верхнего палеолита на Русской равнине. Архаичные солотвейские орудия Костенок I, Стрелецкой стоянки и Сунгиря, несомненно, связаны генетически с мустьерскими двусторонне обработанными орудиями. Поздний палеолит Кавказа характеризуют другие формы — нуклеовидные скребки и резцы, ножи типа Ргани, рано появляющиеся вкладыши.

Исследование Каменноостской пещеры, Губских навесов № 1 и № 7 и других пещер по Губсу важно в другом отношении. Совсем недавно С. Н. Бибииков писал, что «на Кавказском перешейке... почти нет местонахождений позднего палеолита», что «на рубеже раннего и позднего палеолита Кавказское нагорье было оставлено первобытным человеком»¹⁶. Даже факты, известные к 1961 г., — стоянки Джаткран и Нурнус в Армении, Дамджили в Азербайджане, нижние слои Сосруко и Чоха на Северном Кавказе, находки в гротах под Кисловодском и на местонахождениях Сага-Цука и Мекегинском в Дагестане, не говоря уже о пещерах Имеретии — заставляли с большим сомнением отнести к тезису С. Н. Бибиикова. Теперь защищать его еще труднее. Только что начатые работы в пещерах Прикубанья уже выявили здесь обильные остатки самых разных этапов позднего палеолита — от начального до финального.

При исследованиях в верховьях р. Губс, в 400 м выше по Губсу от Монашеской пещеры и навеса № 1 на том же карнизе известняков П. У. Аутлев обнаружил отвесный участок скалы со следами красной охры. Среди пятен можно различить несколько отпечатков ладони с пятью пальцами. Эта находка сразу вызывает в памяти оттиски рук в палеолитических памятниках Западной Европы — в раннем пласте изображений пещер Кастильо, Альтамира, Фон де Гом, Комбарелль, Лабатю де Сержак, Давид де Кабрере, Нио, Пеш-Мерль, Гаргас, Ляско, Труа Фрер и др.¹⁷ Скала с оттисками рук находится недалеко от Губского навеса № 1 с мощными палеолитическими отложениями, еще ближе к ней расположены навесы № 2 и № 3, где в шурфах тоже встречались кремни. Однако у самой скалы культурных остатков нет, а ее поверхность, не закрытая от дождя, сильно разрушается. И то, и другое требует от нас большой осмотрительности в заключении о возрасте памятника, тем более, что изображения рук на скалах известны на Кавказе вплоть до эпохи средневековья. Все же эти изображения выполнены в другой технике — или контур руки процарапан по скале, или изображение выбито на камне¹⁸.

Не менее интересно другое. В Губских навесах № 1 и № 7, в Двойной пещере и в навесе на притоке Губса р. Лубочной среди сотен орудий из местного кремня встречены единичные пластинки обсидиана. Месторождений обсидиана в Краснодарском крае нет. Чтобы выяснить, откуда доставлен обсидиан, мы обратились в Институт геологии рудных месторождений,

¹⁶ С. Н. Бибииков. О южных путях заселения Восточной Европы в эпоху древнего палеолита. «Четвертичный период», вып. 13—15. Киев, 1961, стр. 348, 352.

¹⁷ P. Graziosi. L'Arte dell'antica età della pietra. Firenze [1956], Tav 192, 254, 256, 257; H. Breuil. Quatre cents siècles d'art pariétal. Montignac, 1952, fig. 19, 58, 263—267, 269, 304, 312, 427, 429, 452, 456; А. С. Гуш и н. Происхождение искусства. Л.—М., 1937, стр. 42.

¹⁸ Л. Н. Соловьев. Надписи и изображения грота Агца у с. Анухва-Абхазская. МИА, № 79, 1960, рис. 4—6; В. И. Марков и н. Исследования памятников средневековья в высокогорной Чечне. КСИА АН СССР, вып. 90, 1962, стр. 47, рис. 10, 9.

петрографии, минералогии и геохимии АН СССР. Здесь В. В. Наседкин исследовал подобранные нами образцы обсидиана из Губских навесов и некоторых других поселений Краснодарского края, сравнивая эти образцы с обсидианами из разных месторождений Кавказа. Определялся показатель преломления обсидиана в натриевом свете. Выяснилось, что обсидиан из всех четырех памятников на Губсе, из мезолитических слоев Ацинской пещеры близ Сочи и Нижне-Шиловской неолитической стоянки под Адлером¹⁹ имеет одинаковую кристаллизацию и один и тот же показатель преломления — 1,487. Этой группе образцов тождествен обсидиан из с. Заюкова в Кабардино-Балкарии. Обсидиан из энеолитического поселения Мешоко²⁰ имеет меньший показатель преломления и иную кристаллизацию. Он ближе обсидианам Армении. Таким образом, источником импорта обсидиана для Северо-Западного Кавказа в каменном веке было месторождение Заюково. От Заюкова до Баракаевской — 250 км, до Сочи — 275. Но путь был, несомненно, длиннее. Ведь, направляясь в район Сочи — Адлера, надо было перевалить через Кавказский хребет. В энеолите источником импорта обсидиана для Кубани стало Закавказье, что, безусловно, связано с ролью переднеазиатских и закавказских культур в развитии майкопской культуры. Путь от закавказских месторождений обсидиана до р. Белой еще длиннее, чем от Заюкова.

При раскопках Губского навеса № 7 встречены скопления раковин улиток *Helix*. Подобные скопления нередки в мезолитических стоянках Крыма (Шан-Коба, Фатма-Коба, Сюрень II, Мурзак-Коба и др.). С. Н. Бибииков установил, что улитки употреблялись человеком в пищу после того, как их запекали в специальных ямах²¹. Скопления раковин *Helix* отмечены и в мезолитических слоях грота Сосруко и Ацинской пещеры²². Появление таких скоплений характерно, следовательно, для памятников определенного времени (что важно для уточнения возраста Губского навеса № 7), для конца палеолитической эпохи, когда наметился кризис палеолитической системы хозяйства. Исчезновение под влиянием изменений климата и истребительных загонных охот стад мамонтов, носорогов вызвало поиски других источников питания. Возросла роль собирательства. Кроме скоплений раковин, на это косвенно указывают находки в Губском навесе № 7 терочника и плиток со следами растирания. Видимо, эти камни использовались при обработке растительной пищи, собиравшейся в дополнение к охотничьей добыче.

Остатки фауны из пещер на Губсе определены Н. К. Верещагиным. В навесе № 7 больше всего костей лошади (555 костей). Костей благородного оленя — 12, зубра — 6, волка — 4, лося — 2, слепыша — 5, хомяка — 1. Остатки лошади и слепыша, как и находки костей суслика в навесе № 1 и слепыша в навесе № 5, указывают на значительную остепенность ныне лесного района в эпоху верхнего палеолита. В палеолитическом слое навеса № 7 найдена небольшая, но массивная левая плечевая кость человека. Это первая находка остатков палеолитического человека на Северном Кавказе.

¹⁹ Д. А. Крайнов. Отчет Сочинского отряда Северо-Кавказской экспедиции о раскопках Ацинской пещерной стоянки осенью 1958 года. Архив ИА АН СССР, р. I, № 1830; А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, № 102, 1962, стр. 129—147.

²⁰ А. Д. Столяр. Мешоко — поселение майкопской культуры. Сборник материалов по археологии Адыгеи, т. II. Майкоп, 1961, стр. 73—98.

²¹ С. Н. Бибииков. Об использовании улиток *Helix* в позднпалеолитическое время. МИА, № 2, 1941, стр. 140—141.

²² С. Н. Замятнин и П. Г. Акритас. Раскопки грота Сосруко в 1955 г. Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ, т. XIII. Нальчик, 1957, стр. 438, рис. 5; Д. А. Крайнов. Указ. соч.

Обсуждение

В обсуждении приняли участие О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов, Е. И. Крупнов. Они согласились с основными выводами докладчика и подчеркнули важность исследований, начатых им в районе, представлявшем собой почти белое пятно на карте палеолитических стоянок.

Д. А. Крайнов заметил докладчику, что тот почти не остановился на сходстве мустьерских орудий из Прикубанья и Крыма, свидетельствующем о связях населения этих двух районов. А. А. Формозов такого сходства не находит.

Е. И. Крупнов высказал мнение, что вопрос об импорте обсидиана следует решать не только на материалах из Прикубанья, и предложил докладчику проанализировать обсидиан из памятников Чечено-Ингушской АССР. Впоследствии А. А. Формозов передал на определение петрографам и обсидиан из Чечено-Ингушетии. В этой коллекции также удалось выделить две группы материала — заюковского и закавказского происхождения.

О. Н. Бадер высказал пожелание, чтобы была проанализирована краска наскальных изображений близ ст. Баракаевской. Это исследование сейчас проводится.

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ
ИСТОРИИ КАРАДАРЬИНСКОГО ОАЗИСА

Памятники Карадарьинского оазиса, расположенного у слияния рек Кара-Кульджа и Тар к юго-востоку от Узгена, были обследованы Южно-Киргизским отрядом в 1954 г. Здесь открыто много тепе и большое, сильно укрепленное городище, служившее, очевидно, центром оазиса в период бытования шурабашатской керамики. На одном холме-тепе найдена керамика чувствского типа, что дало основание предполагать наличие в оазисе поселений эпохи бронзы¹. В 1958—1961 гг. изучение оазиса было продолжено. Памятники, выявленные при детальном обследовании, нанесены на схематический план (рис. 4). Произведены небольшие раскопные работы на пяти памятниках эпохи поздней бронзы. В течение трех лет (1958—1960 гг.) велось исследование Карадарьинского городища, относящегося к шурабашатскому периоду². Осуществлены небольшие раскопки средневекового поселения. Проведенные работы дали значительный материал для характеристики культуры эпохи бронзы, шурабашатского и средневекового периодов и позволяют поставить вопрос об основных этапах истории сложения одного из типичных древнеземледельческих оазисов в Восточной Фергане.

В Карадарьинском оазисе насчитывается около 100 тепе и городищ. Основная группа памятников расположена на правом берегу р. Кара-Дарьи, к юго-западу от большого магистрального канала Узген-Арык. На участке длиной около 4 км и шириной до 2 км сконцентрировано около 70 памятников. На правом берегу Узген-Арыка находится до 20 поселений, разбросанных на большом расстоянии одно от другого. На низкой первой террасе, к северу от Кум-Арыка, обнаружено четыре поселения; несколько памятников выявлено к северо-западу от оазиса на северной части древней излучины Кара-Дарьи в 1961 г. Они не показаны на прилагаемой схеме памятников (рис. 4).

Наиболее ранние памятники, выявленные в оазисе, относятся к эпохе поздней бронзы. К этому времени относится Чимбайское поселение. Оно занимает небольшой холм на краю береговой террасы излучины Кара-Дарьи, примерно в 10 км к юго-востоку от Узгена (на рис. 4 обозначено номером 38). Холм овальной формы, размером 30 × 10—25 м, высотой 8 м, с трех сторон окружен глубокими лощинами-оврагами. Памятник вскрыт полностью. Площадь его — около 500 м². Толщина культурного слоя до 1 м. Строительные комплексы почти полностью разрушены. В середине

¹ Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 году. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, 1960, стр. 250—251.

² Некоторые итоги изучения оазиса и Карадарьинского городища опубликованы в кн.: Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, стр. 33—41; Он же. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118, 1962, стр. 45—46, 145—153.

холма обнаружены лишь остатки жилища с хорошо сохранившимся глинобитным полом, очагом и сильно разрушенной стеной. В полу расчищено 17 хозяйственных ям. Зафиксировано употребление в строительстве сырцового кирпича. Никаких укреплений на краю холма не прослежено.

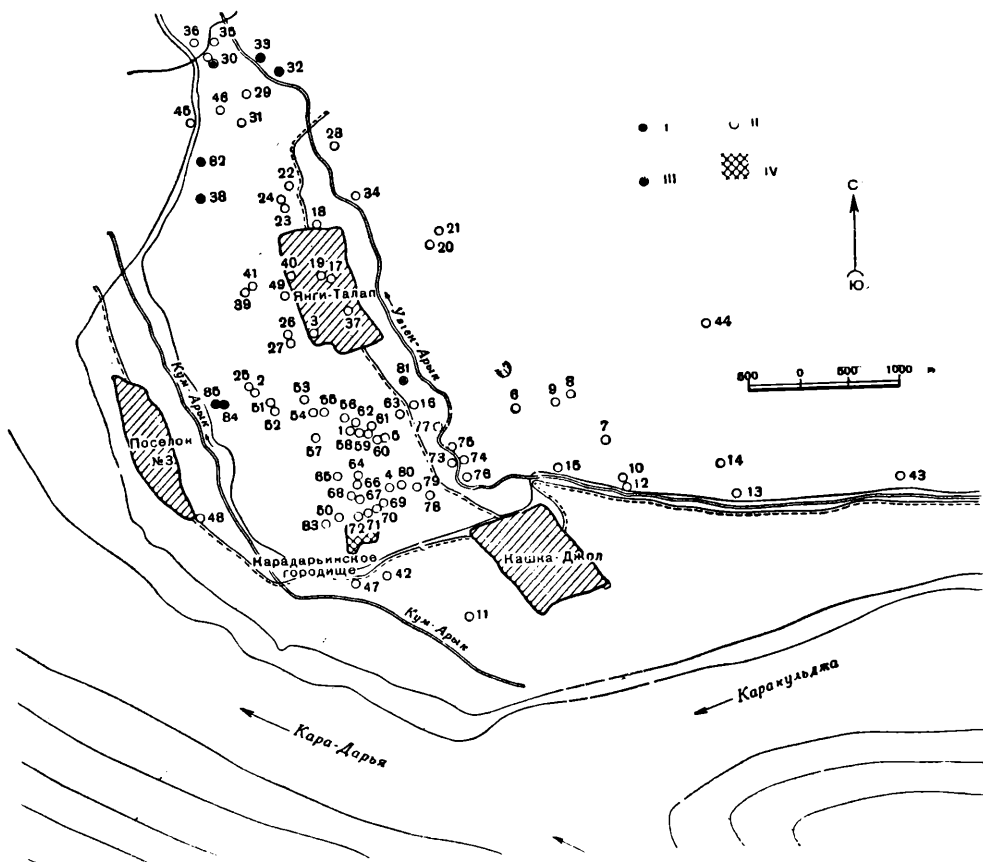

Рис. 4. Схема памятников Карадарьинского оазиса

I — памятники эпохи бронзы; II — памятники шурабатского периода; III — памятники средневековья; IV — городище; 1—85 — номера памятников по полевым записям

По размерам Чимбайское поселение отличается от всех известных поселений эпохи бронзы Ферганы; это особый тип памятников — поселок или, точнее, дом-усадебка небольшой семейной общины.

Керамика Чимбая совершенно аналогична керамике Чуста и Дальверзина. Она включает посуду с красной облицовкой, черно-серолощеную, сероглиняную кухонную и толстостенную с шамотом. Основные формы сосудов одинаковы с посудой Чуста и Дальверзина (шаровидные сосуды с отогнутым венчиком, горшки конусовидной формы, миски с перегибом бортика, чаши, жаровни). Расписная керамика не найдена.

Из прочих находок упомянем каменные серповидные ножи и заготовки для изготовления их, которые по форме, размерам и материалу аналогичны ножам Чуста и Дальверзина. Каменные орудия этого типа составляют специфическую особенность чустской культуры Ферганы и в других областях Средней Азии неизвестны. Кроме того, обнаружены шаровидные отбойники, овальный камень с углублениями на обеих поверхностях (подпятник) и обломок каменного навершия булавы. Весь комплекс находок позволяет включить Чимбай в круг памятников чустской культуры.

К северу от Чимбая в 500—800 м располагается небольшое поселение (рис. 4 — № 82), занимая холм, вытянутый с северо-запада на юго-восток размером примерно 48×40 м. В юго-восточной части его заложен в 1961 г. шурф, в котором найдена керамика чустского типа. Толщина культурного слоя — 0,6—0,8 м.

Поселения Каракочкор I и II находятся в юго-западной части оазиса, примерно в 3 км к югу от Чимбая. Первое из них занимает обособленный холм подтреугольной формы (рис. 5 — 2) на краю древней береговой террасы Кара-Дарьи (рис. 4 — № 84). В 1961 г. в северной части холма на участке около 70 м² вскрыта глинобитная, сильно утрамбованная площадка, служившая основанием — полом жилища. Толщина культурного слоя — 0,2—0,6 м. Площадь дома-усадыбы Каракочкор I, судя по раскопкам, не превышала 200 м². Керамика здесь совершенно аналогична чустской и дальверзинской.

Каракочкор II (рис. 4 — № 85) занимает узкий, вытянутый с севера на юг холм, отделенный от соседнего холма Каракочкор I глубокой ложиной. Площадь поселения (дома-усадыбы) равна примерно 60×12 м и не превышала 700 м². В небольшом шурфе в середине холма обнаружена керамика чустского типа.

С западной стороны к холму Каракочкор II примыкают остатки третьего поселения. На поверхности, в обрезах берега Кум-Арыка и в небольшом шурфе найдена средневековая, в том числе и поливная керамика. Каракочкор III — это четвертое поселение средневекового периода, обнаруженное в Карадарьинском оазисе.

К северо-востоку от Чимбая, примерно на расстоянии 2 км — еще одно поселение бронзового века (рис. 4 — № 33). Оно занимает на правом берегу Узген-Арыка обособленный холм, вытянутый перпендикулярно руслу Узген-Арыка (рис. 5 — 1). Площадь его равна 70×15 —20 м (1050—1400 м²). В шурфе, заложенном в 1961 г., найдена керамика чустского типа.

В 2—3 км от поселения № 33, на расстоянии 5—6 км к юго-востоку от Узгена на краю древней береговой террасы Кара-Дарьи у с. Дехкан находится городище. Оно состоит из нескольких холмов-тепе на обособленном участке. На поверхности здесь в 1961 г. собрана керамика чустского и шурабашатского комплексов, а также красноангобированная. Городище, по всей вероятности, многослойное, и дальнейшее исследование его может дать материалы для изучения вопросов стратиграфии поселений древней Ферганы. В 1962 г. здесь проведены небольшие раскопки.

Таким образом, в Карадарьинском оазисе выявлено шесть памятников чустской культуры эпохи бронзы. Они располагаются преимущественно на краю древней береговой террасы Кара-Дарьи, возвышающейся над низкой поймой или на небольшом расстоянии от нее (поселение № 33). На пяти памятниках обнаружена лишь керамика чустского типа и, следовательно, они однослойные. И только городище Дехкан существовало в течение длительного периода.

Большинство обследованных поселений оазиса содержало керамику шурабашатского комплекса. Среди памятников этого периода выделяется размерами, правильной конфигурацией и мощными укреплениями Карадарьинское городище, которое, несомненно, было культурным и политическим центром оазиса (рис. 5 — 3). Оно находится в южной части оазиса. Городище четырехугольное в плане, размером 320×330 м (около 10 га). С трех сторон проходят ложины — рвы, с четвертой, южной, стороны границей его служит естественный край террасы. Городище окружено оборонительной стеной с башнями, сохранившейся в виде земляного вала. На площадке видны несколько холмов-тепе и больших впадин, — вероятно, водоемов. В середине западной стены возвышается холм с крутыми склонами — остатки цитадели, которые изучались в 1958—1960 гг. Верхняя площадка ее квадратной формы, размером 20×20 м (400 м²). Она возвышается на

Рис. 5. Планы поселений оазиса

1 — поселение 33 эпохи бронзы; 2 — поселения Караюккора (I, II — эпохи бронзы; III — средневековое); 3 — Кара-Дарьинское городище; 4 — средневековое поселение 30

10 м над поверхностью городища и на 20 м над уровнем дна западного рва. Проведенные работы выявили несколько строительных периодов в истории цитадели. Это было монументальное здание замкового типа на высокой платформе, с толстыми трехметровыми стенами. Небольшие раскопки проведены и на других участках городища.

Комплекс керамики в основном сходен с шурабашатским, хотя можно отметить некоторое различие между ними. Никакой более поздней керамики не оказалось.

К следующему периоду жизни оазиса относятся памятники со средневековой керамикой. Один из них (рис. 4 — № 81) находится в центре оазиса, на левом берегу Узген-Арыка. Второй — в северо-западной части (рис. 4 — № 32), на правом берегу. Поблизости от него, на краю древней излучины Кара-Дарьи располагается средневековое поселение (рис. 4 — № 30). Оно состоит из трех отдельных холмов, вытянутых по линии северо-запад — юго-восток, возвышающихся над уровнем поймы до 50 м (рис. 5 — 4). С северо-восточной и юго-восточной стороны проходят глубокие ложины-рвы. В результате удачного использования рельефа местности поселение превращено в сильно укрепленную крепость. На юго-восточном холме, размером 70 × 30 м, в 1961 г. начаты работы в раскопе площадью немногим более 50 м². В пределах ее вскрыта часть жилого комплекса с очагами и часть помещения, шириною в 2 м, края которого выложены сырцовым кирпичом, поставленным на ребро. В раскопе найдены зернотерки, обломки жженого кирпича и стекла, а также разнообразная средневековая посуда, в том числе поливная.

Четвертое средневековое поселение — Каракочкор III, как уже было сказано, находится в юго-западной части оазиса — на краю береговой террасы.

В итоге изучения Карадарьинского оазиса можно сделать некоторые заключения по истории его сложения. Первоначальное освоение земледельцами оазиса происходит в конце II — начале I тысячелетия до н. э. (период чустской культуры). Широкое развитие земледелия и значительное увеличение количества поселений отмечаются в шурабашатский период (последние века до н. э.). Тогда были освоены участки оазиса, лежащие между Узген-Арыком и береговой террасой Кара-Дарьи, причем освоить их для земледелия можно, как это показывает анализ топографии памятников, только при помощи ирригации.

Развитие поливного земледелия в оазисе в настоящее время обусловлено функционированием Узген-Арыка. По условиям рельефа местности вода может поступать только с восточной стороны, в том месте, где сейчас проходит русло Узген-Арыка. Таким образом, можно предполагать, что широкое освоение оазиса в шурабашатский период произошло после сооружения ирригационного канала на месте современного Узген-Арыка. Дополнительным доказательством служит местоположение Карадарьинского городища, которое исключает всякую иную возможность поступления воды, кроме как из Узген-Арыка.

Сравнение количества поселений в эпоху бронзы и железа (шурабашатский период) позволяет говорить о значительной плотности заселения небольшой территории оазиса в последний период. Это свидетельствует об интенсивном ведении хозяйства, что в большей мере было обусловлено развитием древней ирригации, а также общим подъемом производительных сил древней Ферганы — эпохи Даваньского царства.

В средневековый период, по сравнению с предшествующим, резко сократилось количество поселений. Это служит еще одним доводом в пользу датировки строительства ирригационной сети шурабашатским временем. Средневековые поселения были небольшими поселками сельскохозяйственной округи средневекового города Узгена.

Обращают на себя внимание небольшие размеры всех пяти изученных памятников эпохи бронзы, которые представляют собой, вероятно, остатки

отдельных домов-усадеб. Наличие таких домов может свидетельствовать о хозяйственной самостоятельности отдельных семей. Дома расположены на большом расстоянии друг от друга, но, очевидно, в масштабе оазиса составляли определенное единство. Можно предполагать, что здесь мы имеем дело с совокупностью патриархальных семей, объединенных родовой организацией.

В подобном разбросанном расселении можно усматривать прообраз рассредоточенного расселения, характерного для последующих эпох в Фергане и в других областях Средней Азии. Оно сохраняется в Карадарьинском оазисе в шурабашатский период. Этот тип расселения был широко распространен в Фергане в так называемый период красноангобированной керамики³, в древнем Хорезме⁴ и в некоторых районах Средней Азии устойчиво удерживался вплоть до последнего времени⁵. Такая устойчивость рассредоточенного расселения объясняется, несомненно, в первую очередь исторически сложившимися социально-экономическими условиями — господством патриархальных общественных отношений. В меньшей мере оно обусловлено особенностями географической среды, которая в некоторых случаях определяла формы хозяйственной деятельности (например, можно отметить определенную зависимость типа расселения от речной и ирригационной сети). Исследования, проведенные в Карадарьинском оазисе, позволяют заключить, что истоки подобного типа расселения восходят еще к эпохе поздней бронзы.

³ Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. ТИИА АН УзССР, т. IV, 1951, стр. 40.

⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 150—152.

⁵ М. В. Сазонова. К этнографии узбеков Южного Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, 1952, стр. 282; Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. М.—Л., 1936, стр. 22; К. Л. Задыкина. Узбеки дельты Аму-Дарьи. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, 1952, стр. 366; Г. П. Васильева. Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, 1952, стр. 442.

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

К ИСТОРИИ БАКТРИИ — ТОХАРИСТАНА

(некоторые археологические наблюдения)

История одной из крупнейших культурных областей Средней Азии — античной Бактрии, средневекового Тохаристана уже многократно была предметом специального изучения; ей посвящена обширная специальная литература, включающая такие крупные работы, как обобщающие исследования Раулинсона и Тарна¹. Ограниченность дошедших до нас письменных источников, относящихся к этой территории, и неясность некоторых из них обусловили то, что уже давно для восстановления исторического прошлого большую роль играют нумизматические данные. Привлечение их позволяет восполнить некоторые существенные пробелы в наших знаниях политической истории, но далеко не всегда дает бесспорное и окончательное решение многих важных вопросов. И в изучении исторического прошлого Бактрии — Тохаристана еще предстоит сделать очень многое². Здесь решающее значение принадлежит археологии; это сейчас единственный путь получения новых фактических данных и в первую очередь по внутренней истории, которая почти не отражена в письменных источниках.

В этом плане интересны некоторые результаты работ последних лет в южных районах Таджикистана и восточной окраине Туркменистана, составивших в прошлом северную часть Бактрии.

На территории Южного Таджикистана после прекращения раскопок в Кобадянском оазисе произведены исследования памятников северной части Бишкентской долины. Эта небольшая, вытянутая с севера на юг долина расположена западнее Кобадянского оазиса и отделена от него рекой Кафирниган и небольшим горным хребтом. Северная оконечность ее выходит в долину Кафирнигана, южная, сливаясь с ней, раскрывается к Аму-Дарье. Это своеобразный микрорайон, характеризующийся пустынным ландшафтом; лишь в средней части есть источник (Чильучорчашма) с ограниченным дебетом воды. Естественные условия — отсутствие воды и характер почв — неблагоприятны для земледелия, но позволяют выпас сравнительно большого количества мелкого рогатого скота.

В этой долине были обнаружены памятники различные и по характеру, и по времени: небольшие поселения (тепе), курганные и бескурганные могильники, кладбища мусульманского типа. Кроме того, сравнительно хорошо прослеживаются остатки древних ирригационных систем. В интересующем нас здесь аспекте важна не характеристика каждого из этих

¹ H. Rawlinson. *Bactria*. London, 1912; W. W. Tarn. *The Greeks in Bactria and India*. Cambridge, 1938 (2 изд. 1956).

² Достаточно указать на то, что вопрос относительно характера и удельного веса эллинистических влияний на культуру местного населения до сих пор останется дискуссионным.

памятников в отдельности, а их историческая динамика в пределах античности и средневековья.

На протяжении третьей четверти I тысячелетия до н. э. эта территория, по всей видимости, не была населена: памятников того времени, и даже следов кратковременного пребывания человека тут не обнаружено. Но в конце II в. до н. э. появляется несколько больших групп кочевников, которые избирают Бишкентскую долину местом своих зимовок на сравнительно длительный период. Свидетельство их пребывания здесь — три больших курганых могильника (Тулхарский, Аруктауский и Коккумский), в которых почти полностью господствуют подбойные погребения. Систематические раскопки позволили установить, что все они относятся к одному и тому же промежутку времени, ограниченному в пределах конца II в. до н. э. — начала I в. н. э. (датировка основана на монетных находках и эволюции керамики на окружающей территории). Более поздние погребения и притом отличные по обряду единичны и относятся, по-видимому, уже к IV в. н. э. Таким образом, в пределах античной эпохи заселение Бишкентской долины впервые происходит в период гибели Греко-бактрийского царства и, как следует полагать, в какой-то связи с этим. На протяжении всего I в. до н. э. кочевники были единственным населением долины. Лишь после того, как прекращаются погребения в указанных могильниках, картина меняется. В I в. н. э. от источника отводится канал, при помощи которого были орошены наиболее удобные для возделывания участки земли в северной половине долины — у подножий Бабатага, ограничивающего ее с запада. На канале возникают три небольших поселения (крайнее северное — Хан-газа, среднее — Безымянное, южное — Ак-тепе); в непосредственной близости от них прослеживаются остатки арыков и обрамления полей.

Нельзя исключать раскопки, произведенные на двух поселениях (Хан-газа и Ак-тепе); позволили установить, что они возникли если не одновременно, то во всяком случае в пределах одного и того же ограниченного промежутка времени. Датировка их I в. н. э. определяется несколькими монетными находками, правда, не из нижних слоев, но возможная ошибка в силу этого, а также неясности времени правления Канишки (отправного пункта всей хронологии Бактрии первых веков н. э.), видимо, не превышает 50 лет. Следует отметить добротность и даже монументальность первоначальных построек; на Хан-газа они были возведены одновременно, на платформе из чередующихся рядов кирпича и пахсы.

Проведение указанного выше канала было весьма нелегкой задачей. Осуществить это силами жителей одного или нескольких маленьких поселений вряд ли было возможно. Можно предполагать, что здесь действовали более крупные коллективы по инициативе если не центральной, то локальной власти.

В пределах I—III вв. н. э. была предпринята попытка орошения северной части Бишкентской долины при помощи кяриза, выведенного из Кафирнигана. Ряд вертикальных колодцев, но без горизонтальной штольни, тянется на протяжении 3 км, пересекая сравнительно высокий увал, перегораживающий узкую часть долины. О времени их сооружения можно судить только по отдельным фрагментам керамики, найденным около канала: все они относятся к кушанскому времени (признаков жизни в более позднее время тут и в ближайших окрестностях нет). Как известно, кяризы относятся к числу наиболее трудоемких ирригационных сооружений, требующих большого умения и даже искусства. Жители маленьких поселений долины не могли сами осуществить эти работы; кроме того, вероятно, для орошения их полей хватало и воды, подведенной от источника. Очевидно, кяриз связан с попыткой расширить возделываемые земли, предпринятой центральной властью; почему она не была доведена до конца — установить невозможно. Следует отметить еще один важный момент: раскопки вполне определенно показали, что возникновение в северной части Бишкентской

долины ирригационной системы и поселений не имеет какой-либо связи с оседанием обосновавшихся здесь в конце II в. до н. э. кочевников. Между временем прекращения захоронений на курганных могильниках и появлением земледельческого населения заметен хронологический разрыв (правда, продолжительность его не совсем ясна). Какова была дальнейшая судьба кочевого населения долины — установить невозможно; очевидно, лишь, что оно ушло отсюда. Интересен вопрос о том, кто осуществлял освоение новых земель в Бишкентской долине для земледелия; логично предположить, что это жители близлежащего Кобаданского оазиса, но доказательства пока еще недостаточно. Здесь не исключены и иные, может быть, даже неожиданные решения.

Судя по материалам верхних слоев и некоторым другим наблюдениям, запустение поселений происходит в IV в. н. э., причем вероятнее в конце его, чем в начале. С чем оно связано — судить трудно. Но одной из причин, возможно, было появление новых групп кочевников, засвидетельствованное погребениями с трупосожжением. Часть из них расположена в непосредственной близости от городища Хан-газа; кроме того, обнаружено одно впускное захоронение в Тулхарском могильнике. Обряд погребения и немногочисленные предметы сопровождающего инвентаря (в их числе монета) позволяют датировать их концом IV в. н. э. или началом V в. н. э. и предположительно связывать с хионитами.

Крайняя малочисленность погребений свидетельствует о том, что новые пришельцы не последовали примеру своих предшественников II в. до н. э. Данных о наличии кочевого населения в Бишкентской долине после V в. н. э. нет; но не восстанавливается и жизнь на городищах. Лишь позднее, видимо, уже в саманидский период, на среднем из них (Безымянном) снова возникает поселение, жители которого восстанавливают нужный им участок канала. Дата в данном случае условна, так как основана лишь на подъемном материале и некоторых внешних наблюдениях над памятником; однако свидетельств жизни тут в раннем средневековье нет.

Бишкентская долина по своему географическому положению, несомненно, всегда была тесно связана с расположенным в непосредственной близости от нее Кобаданским оазисом (постоянные контакты с низовьями Сурхан-Дарьи и Гиссарской долиной затруднены из-за их удаленности, а также разделяющими их горами и пустынными местностями). Поэтому естественно считать, что правильное понимание изложенных выше фактов и наблюдений возможно лишь при учете основных моментов истории Кобаданского оазиса в античное время, вырисовывающихся прежде всего также по археологическим данным.

К сожалению, данные эти весьма неполны, так как успешно начатые здесь в 1950 г. работы оборвались фактически на первом этапе³. Однако есть достаточные основания считать, что начиная с середины I тысячелетия до н. э. в Кобаданском оазисе господствует земледелие, основанное на искусственном орошении. Слои V—IV вв. до н. э. — самый нижний на крупном городище Калаи-Мир — раннем центре оазиса, возможно, сохранявшем эту роль и в дальнейшем, на протяжении греко-бактрийского периода. Слои, соответствующий последнему, также был в свое время выделен М. М. Дьяконовым, однако в свете результатов более поздних работ на других памятниках предложенная им датировка нуждается в проверке. Мы не знаем, каковы были размеры оазиса в V—III вв. до н. э., но по ряду наблюдений можно полагать, что он занимал в основном лишь левобережье Кафирнигана.

³ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадан). МИА, № 37, 1953; А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. МИА, № 66, 1958. Следует отметить, что научно неоправданное прекращение работ повлекло за собой даже гибель одного из наиболее важных памятников — городища Кей-Кобад-шах.

Как и в Бишкентской долине, здесь есть памятники кочевого населения, однако это лишь очень небольшие, полностью разграбленные группы курганов, притом расположенные на окраинах оазиса. Скучные остатки сопровождающего инвентаря, найденные при раскопках некоторых из них, не дают твердой основы для датировки, но по всей вероятности они относятся к I в. до н. э.— I в. н. э.

Результаты обследования многих памятников позволяют прийти к заключению, что в первые века н. э. происходит рост числа поселений, при этом некоторые из них возникают на южной окраине оазиса, видимо, ранее не освоенной. Используются для земледелия и некоторые участки правобережья Кафирнигана, лежащие севернее его. Один из них расположен вдоль канала, который концевой частью подходит к упоминавшемуся выше кяризу, проведенному через северную оконечность Бишкентской долины. Расположение памятников указывает на то, что в первые века нашей эры оазис вырастает до максимальных пределов, грубо говоря, совпадающих с современными (если исключить земли, орошенные за последние годы в правобережье, ранее пустынные).

Это время характеризуется не только экономическим, но и культурным подъемом. Центр оазиса, очевидно, перешел с городища Калаи-Мир на расположенное вблизи от него городище Кей-Кобад-шах; причины этого неясны, но, вероятно, связаны с ростом городского центра, потребовавшим коренной перепланировки и расширения его.

«Столица» оазиса приходит в запустение в IV или V вв. н. э.; это же явление прослеживается на подавляющем большинстве других поселений. В раннем средневековье жизнь концентрируется главным образом в правобережной части оазиса; чем это обусловлено — пока остается неясным.

Следует отметить, что замирание жизни поселений в конце античной эпохи наблюдается не только на территории Кобаданского оазиса; аналогичное положение отмечено и в низовьях Вахша, где расположено сравнительно крупное «Каменное городище». Верхний слой его датируется медной позднекушанской монетой.

Мы не располагаем в настоящее время данными, позволяющими проследить историю двух крупных поселений области — Тахти Кувада и Айваджа. Судя по некоторым наблюдениям, оба памятника многослойные, и, несомненно, существовали в кушанский период и в развитом средневековье; вопрос же об упадке здесь в IV—V вв. без раскопок решить невозможно. Однако это не меняет положения: и Тахти Кувада и Айваджа — важные стратегические пункты, прикрывающие наиболее удобные места переправы через Аму-Дарью, узловые пункты на путях связи между северной и южной частями Бактрии (а затем Тохаристана).

Если принять во внимание указанные соображения, то общая картина истории восточной окраины северной Бактрии по археологическим данным вырисовывается уже более или менее отчетливо: с достаточной определенностью может быть выделен период роста Кобаданского оазиса и его экономического подъема, относительно точно устанавливается время упадка, носящего фактически повсеместный характер. Важно отметить при этом, что в IV или V вв. н. э. жизнь замирает не только на малых, сельских поселениях, но и на крупных — городского типа.

Аналогичное положение, правда, в меньших масштабах, наблюдается также на западной окраине северной Бактрии — на территории правобережья Аму-Дарьи, лежащей в пределах от Керкичи до Келифа. Здесь могут быть выделены два небольших оазиса, возникших, несомненно, в античную эпоху на основе орошаемого земледелия. Один из них расположен между современными станциями Бургучи и Ташрабат, в пределах его два поселения, существовавшие в кушанский период (Ак-тепе около ст. Бургучи и Гумбезлик-тепе в 6 км юго-западнее от Ташрабат). Второй оазис — между станциями Мукры и Чаршанга; тут зафиксировано три поселения (Шор-

тепе, Кум-тепе и Пультопты-тепе — в последовательности с запада на восток) античного времени (на одном из них есть и керамика, возможно относящаяся к средневековью). Между этими оазисами в пустынной местности расположен большой курганный могильник античного времени. До проведения раскопок точное время возникновения поселений, конечно, установить невозможно, однако размеры и конфигурация говорят в пользу того, что они существовали ограниченный период. Прекращение жизни на них, судя по составу подъемного материала и наблюдениям над остатками построек в верхних слоях, падает примерно на IV—V вв. н. э.; оба оазиса, видимо, приходят в запустение одновременно. Возобновляется жизнь здесь, очевидно, уже только в период развитого средневековья, в IX—X вв. об этом свидетельствуют остатки неукрепленных селений севернее ст. Бургучи и восточнее Шор-тепе (здесь они почти целиком перекрыты подвижными песками). Вне оазисов расположены два поселения крепостного характера — в Керкичи и около Келифа, оба на берегу Аму-Дарьи. Ввиду сильной разрушенности время возникновения их без раскопок установить невозможно; но ряд данных говорит за то, что они существовали во всяком случае уже в кушанский период. Верхние слои относятся к времени развитого средневековья. Как и на низовьях Кафирнигана, картина жизни сложная, что, очевидно, обусловлено расположением крепостей около важных переправ.

Изложенные выше наблюдения и результаты работ по изучению Термеза и его окрестностей, проведенных ТАКЭ в 30-х годах, позволяют прийти к некоторым заключениям, существенным для понимания истории Северной Бактрии в античное время.

1. Как показывает вся совокупность археологических данных, в кушанский период наблюдается интенсивное расширение используемых для земледелия площадей, чему предшествовали значительные по масштабам ирригационные работы. При этом, как показывает пример Бишкентской долины, принималось и освоение земель в местностях, где ранее земледелия не было. Тот факт, что в долине были проведены сложные работы по орошению каменистых почв, указывает на значительную потребность в увеличении посевных площадей, а с другой стороны, и на наличие необходимых для осуществления таких мероприятий материальных и технических средств.

2. Расширение орошаемых земель фактически наблюдается на всей территории Северной Бактрии и может рассматриваться как одно из проявлений общего роста производительных сил. В рамках централизованного государства, каковым мы вправе считать Кушанскую империю, это закономерно при условии стабильности экономики и определяемых ею социальных отношений. Характер последних нам неизвестен, но археологически прослеживаемые явления в данном случае указывают на то, что они способствовали прогрессивному развитию общества. Следует отметить, что экономические явления здесь существенно культурных, многие из которых могут быть обусловлены факторами вторичного и внешнего порядка (например, установлением господства определенной религии и т. д.).

3. На протяжении какого-то сравнительно небольшого отрезка времени — в пределах IV—V вв. н. э. — повсеместно наблюдается замирание жизни на большинстве поселений, и в первую очередь крупных, городского типа. В непосредственной и взаимной связи с этим происходит сокращение используемых для земледелия площадей, упадок ирригационных систем. Оба явления, по-видимому, могут рассматриваться как свидетельства существенных изменений в экономической основе общества, прекращения развития его по восходящей линии на старой основе. В соотношении с получившей распространение в специальной литературе терминологией мы вправе говорить здесь о кризисе. Однако сущность его по иным источникам нам неизвестна. Следует лишь заметить, что на территории Северной Бактрии

нет археологических свидетельств какой-либо прямой связи упадка земледелия с появлением новых групп кочевого населения.

4. Повторное, но, видимо, почти везде неполное освоение заброшенных земель произошло в саманидский период. Это время победы и стабилизации феодальных отношений, и нам кажется, что вырисовывается определенный параллелизм явлений: одинаковые следствия позволяют предполагать сходные по характеру предпосылки. Общество кушанского периода, конечно, не было феодальным, но в этот период оно, видимо находилось на стадии расцвета. Если мы вправе предполагать (на основе других данных), что основой его являлись рабовладельческие отношения, то явления IV—V вв., прослеживаемые по археологическим материалам, могут быть поняты как отражение завершающего этапа разложения их.

С. С. ЧЕРНИКОВ

ЗОЛОТОЙ КУРГАН ЧИЛИКТИНСКОЙ ДОЛИНЫ

(к вопросу о происхождении «скифского искусства»)¹

Курган № 5 Центрального могильника Чиликтинской долины в северных отрогах Тарбагатайского хребта раскопан в 1960 г. Восточно-Казахстанской экспедицией ЛОИА АН СССР. Находки в кургане позволяют дать не только достаточно обоснованную датировку, но и поставить вопрос об их историко-художественном значении.

Курган диаметром 66 м достигал в высоту 6 м. В неглубокой яме $8 \times 8 \times 0,5$ м было сложено деревянное квадратное (7×7 м) сооружение из двух рядов толстых лиственничных бревен, покрытое накатом таких же бревен и содержавшее парное захоронение. К восточной стене, частично заходя в яму, примыкала прямая канава (дромос), также перекрытая бревнами. Все могильное сооружение было завалено крупными камнями, поверх которых уложен толстый слой битой глины и затем земля с камнем. Поверхность кургана была облицована крупной галькой (рис. 6).

Первоначальная форма кургана круглая, с уплощенной вершиной, диаметр — 45 м, высота — 9 м. Курган ограблен лет через 50 после захоронения (до оседания перекрытия, но трупы уже полностью разложились).

При зачистке могильного сооружения найдены следующие предметы: тринадцать бронзовых наконечников стрел, втульчатых двуперых, асимметрично-ромбической формы, обломок железа (видимо, клинка) и золотые украшения: бляхи в виде оленей, украшавшие колчан (14 экз.); бляхи в виде орлов, прикреплявшиеся к одежде или, скорее, к головному убору (9 экз.), и в виде свернувшихся в кольцо «пантер» (29 экз.); фигурки кабанов, вырезанные из золотой фольги (6 экз.), и 6 обрывков; изображения рыбы, бляшка в виде птицы, подвеска пирамидальной формы, обоймица от ремня, обломок украшения, сделанный техникой перегородчатой эмали, нашивки ромбической и треугольной формы с пунсонным орнаментом (21 экз.); такая же нашивка сегментовидной формы, золотой бисер и мелкие золотые украшения — свыше 400 экз. (рис. 7). Некоторые инкрустированы бирюзой и украшены зернью. Все изображения животных сделаны в характерном скифо-сибирском зверином стиле.

Расположение могильника в высокогорной долине с хорошими зимними пастбищами, но почти непригодной для земледелия, а также весь инвентарь кургана позволяют отнести его к ранним кочевникам, точнее, к сакской группе памятников (сходство погребального сооружения с курганами Бешатыра, Бегазы и Тагискена).

Наконечники стрел относятся к типу втульчатых, асимметрично-ромбических, без шипа (вариант листовидных) и датируются VII, началом VI в. до н. э. (П. Рау, Б. Н. Граков, П. Д. Либеров, А. А. Иессен, Т. Сулимирский, К. Ф. Смирнов). Они найдены на Алтае и среднем Енисее

¹ Резюме доклада на Ученом совете ИА АН СССР 29 марта 1963 г.

(13 пунктов находок), в Приуралье (7 пунктов), Причерноморье (16 пунктов), на Кавказе (9 пунктов), в Средней Азии (4 пункта), на Переднем Востоке (6 пунктов), на Балканах (3 пункта), в Московской области (1 пункт). На основании всех аналогий чиликтинские наконечники стрел относятся к рубежу VII—VI вв. до н. э.

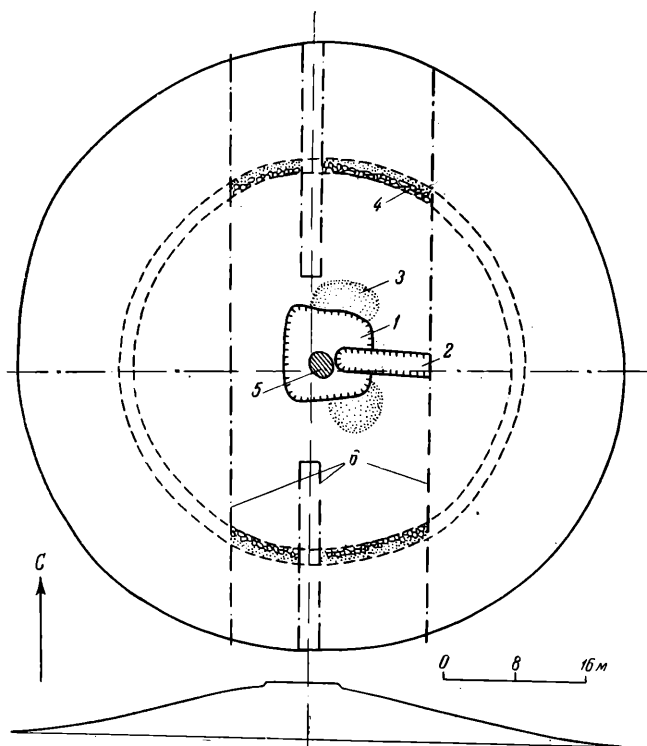

Рис. 6. План кургана № 5 Чиликтинской долины

1 — могильная яма; 2 — дромос; 3 — древний отвал из ямы; 4 — каменное кольцо у основания кургана; 5 — грабительский ход; 6 — граница раскопа

Ближайшие аналогии золотым изделиям Чиликтинского кургана мы находим в Келермесских и других скифских курганах начала VI в. до н. э. Однако значительно меньшая геральдичность изображений оленя и «пантер» по сравнению с находками в Келермесском, Костромском, Томаковском и других курганах заставляет нас считать Чиликтинские изображения несколько более ранними. Следует отметить, что в скифских памятниках у оленя повернуты вперед два отростка рога, на Востоке — всегда один. Характерная деталь — ноздри, глаза и ухо у свернувшихся «пантер» на одной прямой линии — свойственна звериному стилю на самых ранних его этапах и на Востоке, и на Западе.

Техника зерни могла быть заимствована чиликтинскими мастерами только в странах Переднего Востока, где она была широко распространена в VII—VI вв. до н. э. Часто встречающаяся в скифских памятниках строгая инкрустация золотых изделий бирюзой (или голубой пастой) также характерна для наиболее ранних скифских курганов.

Приведенные материалы позволяют считать, что наиболее вероятная дата сооружения Чиликтинского кургана № 5 — рубеж VII—VI вв. до н. э.

Находки в кургане могут быть сопоставлены с «кладом из Зивие», оказавшем столь большое влияние на концепции некоторых исследователей о

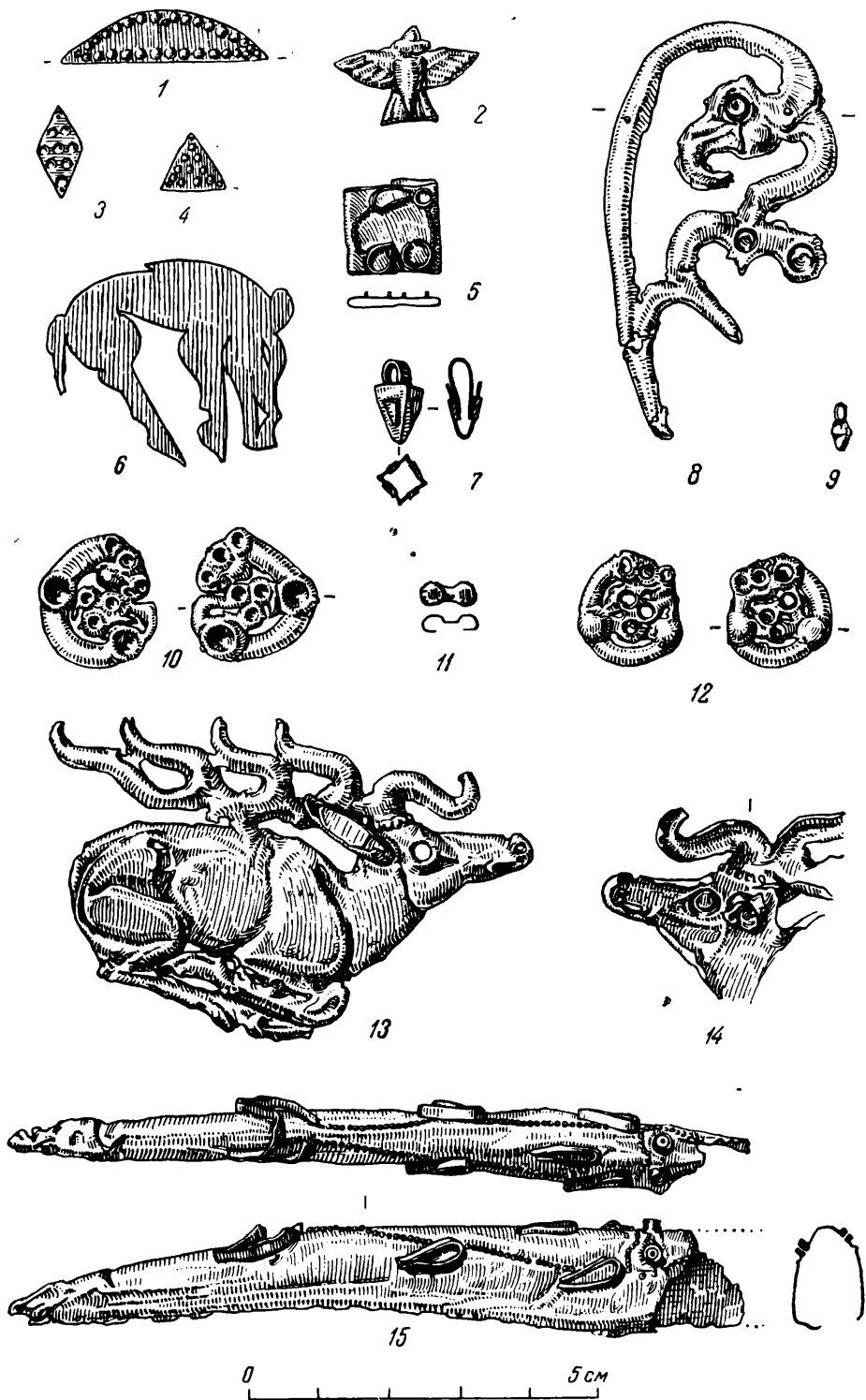

Рис. 7. Золотые изделия (1—15) из кургана № 5

происхождении звериного стиля. Р. Барнет, убедительно датировавший этот «клад» рубежом VII—VI вв. до н. э., высказал предположение, что в его основе лежит богатое погребение скифского типа. Каталог Парижской выставки 1962 г., где были собраны почти все находки из Зивие, подтверждает это. Судя по количеству вещей, погребений, возможно, было два. Можно назвать следующие предметы, комбинация которых характерна для богатых скифских погребений — доска налучья, наконечники стрел скифского типа (изданные Гиршманом), золотая обкладка кинжала, гривны, диадемы, браслеты, мелкие золотые бляшки, остатки панциря, украшения конской узды. Исторические источники подтверждают это предположение, так как Зивие находится на территории древней Мана, бывшей в VII в. до н. э. центром скифского пребывания в Передней Азии.

Мастера, изготовлявшие украшения, найденные в кургане № 5, уже заимствовали с Переднего Востока технику зерни. Стоит также обратить внимание на аналогичные головы орлов в кургане № 5 и диадемы из Зивие. Лейсон опубликовал керамику с городища Зивие, аналогичную керамике из могильника Тагискен (С. П. Толстов). На доахеменидские связи с Алтаем указывает и С. И. Руденко. Эти данные, а также сакская топонимика в Закавказье и некоторые сюжеты Авесты (айшма) позволяют предполагать, что вторжение кочевников в Переднюю Азию шло в VIII—VII вв. до н. э. не только из Причерноморья, но и из Казахских степей и являлось «частным случаем» (А. А. Иессен) дальних передвижений кочевых племен по степям Евразии в эту эпоху.

Вероятно, что значительная часть вещей погребального инвентаря знатного кочевника делалась для покойника (чиликтинский колчан, пазырыкские седельные наборы и сапожки, келермесские и мельгуновские ножны акинака без малейших следов потертости, мелкие золотые бляшки). Сравним Куль-оба и Зивие — комплексы, разные и по времени, и по территории. В Куль-оба погребальный инвентарь скифскому «царю» делали греческие мастера в своих художественных традициях, но явно на «скифский вкус» (например, олень). В Зивие на такого же заказчика работали манейские, а может быть и ассирийские мастера, также пытаясь отобразить чуждый им художественный стиль, с которым они несомненно уже должны были считаться. Можно предположить, что в Келермесе работали урартские мастера, еще более учитывающие вкус заказчика и лучше с ним познакомившиеся.

Из всех гипотез о происхождении скифо-сибирского звериного стиля наиболее правдоподобной и отвечающей состоянию наших знаний мне представляется гипотеза Г. О. Боровка и Д. Н. Эдинга, поддержанная В. В. Гольмстен, С. В. Киселевым и Б. Н. Граковым, о его местных, тотемистических корнях. Появление и развитие звериного стиля следует объяснить не заимствованием древневосточных образцов во время походов в Переднюю Азию или раньше, а быстрым ростом социального и экономического неравенства, связанного с переходом к кочевому скотоводству. Древние тотемистические образы определенного круга животных, воплощавшиеся ранее в нестойких материалах, а главным образом, вероятно, в татуировке, в связи с походами в Переднюю Азию получили благоприятные условия для дальнейшего развития и усложнения. Они были использованы кочевнической знатью для организации пышных ритуальных церемоний, в частности погребальных. Изображения животных стали делать из золота и бронзы. Звериный стиль, в тех формах, в каких мы его знаем, быстрее всего мог оформиться там, где к тому были наиболее благоприятные материальные условия. Судя по всем данным, это районы древних металлургических центров — Северный Кавказ и Алтай, где, несомненно, были производственные, и, вероятно, художественные традиции, обусловившие локальные отличия стиля. Эти традиции оказались способными создать те великолепные произведения искусства, которые мы находим в богатых курганах эпохи ранних кочевников.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИНДИИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ¹

Археологические исследования и литература, освещающая экономические, политические и культурные связи народов Средней Азии с народами Индии с древних времен, раскрывают предпосылки, которыми объясняются эти связи. Они обуславливались в значительной мере тем движением народов с севера на юг, проходившим через территорию Средней Азии, начало которого восходит к эпохам еще доклассового общества, и также хорошо известным в историческое время. Это движение, по словам В. В. Бартольда, «не могло не отразиться на сближении (среднеазиатской — А. Б.) с индийской культурой»².

Задача настоящей статьи — показать конкретное отражение этих связей в области изобразительного искусства в период становления феодальных отношений в Средней Азии в VI—VIII вв. Накопленный материал уже весьма значителен, и охватить его полностью в статье, естественно, нет возможности³. Мы рассмотрим лишь некоторые произведения монументального изобразительного искусства, открытые на территории Средней Азии в последние десятилетия.

Но прежде чем приступить к их рассмотрению, необходимо сделать следующие замечания. Когда говорят об Индии, имеют в виду в основном северную часть Индостанского п-ова и прилегающие к ней территории современного Афганистана к югу от Гиндукуша. Районы к северу от этого горного барьера в древности вместе с южными районами Средней Азии составляли единую культурную область в продолжение многих веков, известную под названием Бактрия — в античную пору или Тохаристан — в средние века. Таким образом, постоянные связи с Индией этой области определялись и географическим положением — непосредственной общностью границ. Но помимо территориальной близости, были и особые факторы, содействовавшие культурным взаимоотношениям между Индией и Средней Азией. Из них весьма большое значение придается миссионерской деятельности буддистов, оказавшей влияние и на развитие изобразительного искусства. Однако реальная история распространения буддизма на территории Средней Азии изучена крайне слабо. Некоторые исследователи

¹ Доклад на Группе иностранной археологии ЛОИА АН СССР 13 февраля 1963 г.

² В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 10.

³ По вопросу о культурных связях Средней Азии с Индией по данным памятников изобразительных искусств см.: В. А. Шишкин. К вопросу о древних культурных связях Средней Азии с другими странами и народами. Материалы второго совещания археологов и антропологов Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 22—23; Б. Я. Ставицкий. О международных связях Средней Азии в V—середине VIII в. (в свете данных советской археологии). «Проблемы востоковедения», 1960, № 5, стр. 114—116.

полагают, что начало распространения буддизма в Бактрии восходит еще к III в. до н. э.⁴, что едва ли подтверждается достоверными источниками. Другие склонны связывать проникновение буддизма с образованием кушанского государства⁵.

Если обратиться к археологическим памятникам, которые безоговорочно можно считать буддийскими, то наиболее ранние из них датируются едва ли раньше начала нашей эры и встречаются лишь в районе Термеза⁶.

Открытые совсем недавно в некоторых пунктах Средней Азии буддийские храмы позволяют говорить о том, что в периферийных районах Средней Азии буддизм был распространен значительно позднее, по крайней мере вплоть до исламизации населения после арабского завоевания⁷.

Сложнее обстояло дело в центральных районах Средней Азии, в особенности в долинах рек Заравшана (Согд, Бухара), Кашка-Дарьи (Кеш) и среднего течения Сыр-Дарьи (Чач), где пока достоверных остатков буддийских культовых сооружений археологами не вскрыто⁸. Для этих районов мы вынуждены ограничиться письменными источниками.

Первое прямое сообщение о буддизме в Согде принадлежит хронике VI в., согласно которой во владении Кан (Согд, Самарканд) поклоняются Будде. Это же сообщение повторено и в другой хронике⁹. Но уже рассказ о посещении путешественником Сюань-Цзяном Самарканда (630 г. н. э.) рисует положение в совершенно ином свете. Бывшие здесь монастыри буддистов фактически не функционировали, а население относилось к буддистам враждебно¹⁰. Другой путешественник начала VIII в.—Хай-Чао сообщает, что учение Будды в Согде неизвестно, и только в Самарканде был один буддийский монастырь с одним монахом¹¹.

Факт исчезновения буддизма подтверждается и анализом произведений монументального изобразительного искусства изучаемого периода, открытых на территории центральных районов Средней Азии. В них мы действительно не находим данных, которые говорили бы о непосредственной связи их с буддизмом как с религиозной системой.

Между тем понять эти памятники без привлечения художественного наследия Индии и, в первую очередь, буддийского искусства, разобраться в их истоках, мы не можем.

Таким образом, мы как будто оказываемся перед лицом явно противоречащих друг другу положений. С одной стороны, мы не имеем основания связывать интересующие нас произведения искусства с буддийским, а с другой,— в такой же мере мы вынуждены при их анализе постоянно обращаться к индийскому искусству. Однако в действительности положение не столь противоречиво, как это может показаться на первый взгляд. На помощь нам приходят археологические открытия в последнее десятилетие

⁴ К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, стр. 24.

⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 199; Ср. В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 10 и сл.

⁶ М. Е. Массон. Скульптура Айртама. «Искусство», 1935, № 2. Ср. К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 29 и др. (см. указатель к словам «Айртам», «Термез»).

⁷ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Акбешим в 1953—1954 гг. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, т. II. М., 1959, стр. 155 и сл.; Л. П. Зяблин. Второй буддийский храм Акбешимского городища. Фрунзе, 1961; В. А. Булатова-Левина. Буддийский храм в Куве. СА, 1961, № 3, стр. 241 и сл.

⁸ Остатки каких-то сооружений, первично обследованных Л. И. Альбаумом в долине р. Саназар к северу от Самарканда и определенных им как руины буддийского храма, едва ли можно считать таковыми (Л. И. Альбаум. Буддийский храм в долине Саназара. Доклады АН УзССР, 1955, № 8).

⁹ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 272, 281.

¹⁰ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 11.

¹¹ W. Fuchs. Huei-Chao's Pilgerreise durch N—W. Indien und Zentral-Asien. SPAW, 1938, S. 452.

ти на территории Афганистана и южной Средней Азии. Речь идет о раскопках, произведенных в местности Сурх-Куталь (Северный Афганистан) французским археологом Д. Шлюмберже¹² и в Хонако-тепе на территории Сурхан-Дарьинской области (Южный Узбекистан) — Г. А. Пугаченковой¹³. Оба эти памятника принадлежат одной эпохе и датируются приблизительно первыми двумя веками нашей эры. Открытые в Сурх-Кутале памятники искусства послужили Д. Шлюмберже основанием для радикального пересмотра существовавших взглядов на так называемую гандхарскую, или греко-буддийскую школу, которая рассматривалась как главная, если не единственная, школа искусства этого времени. Основной важный для нас вывод, к которому пришел исследователь, заключается в том, что понятие греко-буддийского, или гандхарского, искусства не охватывает полностью искусство этой эпохи, что параллельно с ним развивалось и другое направление, связанное с местными традициями. Сейчас, конечно, еще рано определять все особенности этого течения. Главное, что его отличает от современного ему буддийского искусства, — это, условно говоря, его светский характер, или, по выражению Д. Шлюмберже, «династический» характер, а также то, что оно отражает и другие, не буддийские, местные верования. Это искусство не было отгорожено непроходимой стеной от буддийского. Несмотря на очевидную общность стилистических приемов, характерных для всей эпохи, по характеру своих сюжетов это искусство обладало определенной спецификой и независимостью от буддийских сюжетов. Впрочем, и в этом отношении приходится делать оговорку: по сюжетной линии могло быть и определенное взаимовлияние. Нам представляется весьма удачным и обозначение этого искусства кушанским¹⁴. На наш взгляд, без учета этих особенностей искусства кушанского времени понять ход дальнейшего развития среднеазиатского искусства невозможно, так же как невозможно понять характер связующих элементов с собственно индийским, в том числе и гандхарским, искусством.

Среди памятников изобразительного искусства Средней Азии, датируемых достаточно точно в пределах VI—VIII вв. н. э., важное место по праву принадлежит живописи замка Балалык-тепе (Сурхан-Дарьинская область Узбекской ССР). В одном из помещений на трех стенах сохранились крупные фрагменты замечательной по своей красочности сцены пиршества, в которой принимает участие множество мужчин и женщин. Открывший этот памятник Л. И. Альбаум справедливо подметил в них много элементов или, по его словам, «моментов», общих с росписями одного из гротов Бамиана (в Афганистане), где представлена сцена подношения даров перед изображением Будды и других буддийских святых¹⁵. Элементы сходства с буддийской живописью Бамиана ограничиваются, однако, лишь отдельными особенностями одежды, украшений и других внешних деталей. Но в целом сюжет росписей Балалык-тепе в буддийском искусстве не находит параллелей.

Очевидно, художники, расписывавшие стены в этом небольшом замке, следовали другому, хорошо им известному, прообразу, созданному в более крупном, вероятно, столичном центре, в апартаментах царского дворца. Показательны аналогичные сцены пиршества на стеновых росписях Древнего Пянджикента. Особо интересны пиршественные сцены в помещении 1 объек-

¹² D. Schlumberger. *Descendants non-méditerranéens de l'art Grec. Extrait de la Revue Syria*, 1960. Paris, 1960.

¹³ Г. А. Пугаченкова. Некоторые итоги экспедиционных исследований Института искусствознания АН УзССР в 1960 г. «Общественные науки в Узбекистане», 1960, № 3, стр. 66 и сл.; ср. Она же. Образ чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна. ВДИ, 1962, № 2, стр. 88 и сл.

¹⁴ D. Schlumberger. *Op. cit.*, p. 193 и др. Ср. Г. А. Кошеленко. Культура Парфии в современной зарубежной литературе. ВДИ, 1962, № 3, стр. 166 и сл.

¹⁵ Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, стр. 171.

та VI, в которых центральное место занимают персонажи в царских коронах¹⁶. Вместе с тем в Пянджикенте есть и другие сходные сцены пиршеств, в которых участвуют и представители военно-феодалной верхушки¹⁷, как и в росписях Балалык-тепе, и представители высшего купечества¹⁸. К сожалению, мы не можем указать на более ранние образцы с таким же сюжетом. Но вполне светский характер сцен заставляет вспомнить художественную резную кость Беграма, датируемую раннекушанским временем. Замечательные в своем роде, эти произведения (почти не привлекавшие внимания советских исследователей) демонстрируют как раз мощную светскую струю в изобразительном искусстве эпохи, правда, выраженную главным образом в специфическом дворцово-гаремном аспекте¹⁹.

Говоря о дворцовом изобразительном искусстве Средней Азии, нельзя также не упомянуть скульптуру и живопись Топрак-кала (Хорезм)²⁰, хотя фрагментарность сохранившихся на этом памятнике остатков не позволяет говорить о целых композициях и сюжетах.

С рассматриваемой нами точки зрения весьма интересны широко известные стенные росписи так называемого «Красного зала» дворца Варахши. На стенах зала в разных вариациях повторяется одна и та же тема борьбы сидящего верхом на слоне царя-охотника с дикими зверями или фантастическими существами²¹. В. А. Шишкин, анализируя живопись «Красного зала», указывает прежде всего на ее связь с индийским искусством. По его словам, «весь облик всадников на слонах с несвойственной им легкой одеждой и украшениями как бы срисован с росписей Аджанты»²². Это наблюдение верно. Но вместе с тем аналогию для всего сюжета мы не находим ни в Аджанте, ни в другом буддийском памятнике.

Тема охоты в реалистическом своем преломлении и в мифологическом (эпическом) отражении, несомненно, должна была пользоваться популярностью в придворных кругах царей Кушанской династии и зависимых от них владетелей. Отражение эта тема нашла, между прочим, и в упомянутой выше художественной резной кости Беграма, причем объектами охоты были и фантастические животные²³, хотя всю трактовку варахшинской живописи поставить в прямую связь с беграмской резной костью нельзя. Но что бесспорно следует признать специально индийским заимствованием — это саму идею охоты верхом на слонах. Такой способ охоты в Средней Азии едва ли когда-нибудь был распространен. Отметим одновременно, что и в пянджикентских росписях неоднократно встречается изображение слона, хотя сюжетно и не связанное с темой охоты²⁴.

Многочисленные нити связывают стенные росписи Пянджикента с искусством Индии и Афганистана по сюжетной линии и по признакам стиля. Не останавливаясь здесь на уже изданных памятниках Пянджикента, при публикации которых на это обстоятельство указывается постоянно²⁵, позволю себе подробнее рассмотреть интересный фрагмент живописи, открытый

¹⁶ «Живопись Древнего Пянджикента». М., 1954, табл. XXXVI, XXVIII, XXXIX.

¹⁷ Там же, табл. IX, X.

¹⁸ О живописной сцене пиршества, участниками которой являются знатные купцы, см. А. М. Беленицкий. Отчет о раскопках в Пянджикенте в 1961 г. (печатается).

¹⁹ J. Nасkin. Nouvelles recherches archéologiques à Begram. MDAFA, Tome XI, Planches.

²⁰ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 176 и сл.

²¹ См. В. А. Шишкин. Варахша. СА, XXIII, 1955, стр. 113 и сл.

²² В. А. Шишкин. Варахша. Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ташкент, 1961, стр. 27.

²³ J. Nасkin. Op. cit., Fig. 104—106.

²⁴ «Скульптура и живопись Древнего Пянджикента». М., 1959, табл. XII, XVIII.

²⁵ М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. «Живопись Древнего Пянджикента», стр. 147 и сл.; А. М. Беленицкий. Новые памятники искусства Древнего Пянджикента. «Скульптура и живопись Древнего Пянджикента», стр. 49, 57 и др.

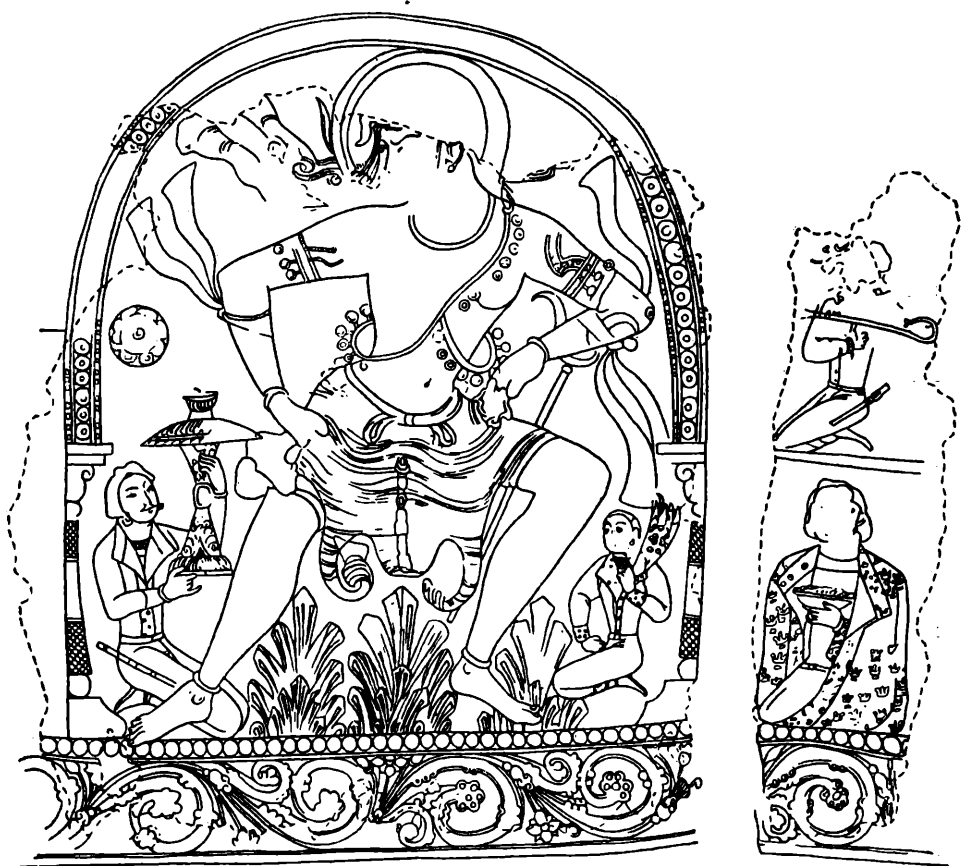

Рис. 8. Стенная роспись. Пянджикент. Объект VII. Раскопки 1962 г.

в 1962 г. (рис. 8). Содержание его таково: в обрамлении арки, опирающейся на две колонны, изображена группа, состоящая из трех мужских фигур. Центральное место занимает обнаженная фигура танцора в полный рост, в динамической позе. Бедрa его покрыты шкурой полосатого зверя, вероятно, тигровой; руки и ноги украшены браслетами, шея — гривной. Развевающиеся ленты, которыми повязаны руки и головной убор, подчеркивают стремительность движения. С плеч свисают, спускаясь по туловищу, шнуры с бубенцами. Изображение головы, к сожалению, сильно повреждено. Сохранился частично нимб и следы языков пламени над плечами. Слева, позади фигуры находится предмет в виде дву- или трехзубца. По обеим сторонам у ног танцующего в сильно уменьшенном масштабе изображены две коленопреклоненные фигуры; одна из них держит в руках жертвенник, а другая — предмет, напоминающий ритон. На переднем плане между колоннами — геометризированные изображения акантовидных листьев. Справа за аркой, на встречной стене сохранился фрагмент живописи в два яруса. На нижнем мы видим также коленопреклоненного мужчину с чашей в руках, лицом обращенного к арке. К сожалению, живопись, верхнего яруса сильно пострадала. Однако художнику П. И. Кострову удалось выявить контуры еще одной человеческой фигуры с музыкальным инструментом в руках. Вполне очевидно, что игра музыканта должна служить сопровождением танца центрального персонажа под аркой.

В этой росписи привлекает к себе особое внимание то, что фигура танцора — главного персонажа композиции — окрашена в синий цвет, особо

резко контрастирующий на светло-красном фоне росписи. Такая необычная окраска тела в живописи Пянджикента уже встречалась в помещении 8 объекта VI, открытом еще в 1952 г.²⁶ Плохая сохранность росписи не позволила автору полностью понять и весь сюжет. Очевидно, главная фигура была также представлена в момент танца. На основании аналогий из росписей Восточного Туркестана автор счел возможным объяснить эту фигуру в качестве персонажа дионисийского культа²⁷. Несравненно лучшая сохранность живописи, открытой в 1962 г., позволяет предложить более близкую параллель. Вероятно, что этот образ возник под определенным влиянием иконографии Шивы²⁸. Так, именно это божество изображается очень часто танцующим, отсюда и его эпитет *pataraja* — «танцующий царь». Одеждой Шивы служит шкура тигра или другого хищного животного; в качестве постоянного атрибута — трезубец — излюбленное оружие индийских воинственных божеств. Для нас очень интересна легенда, согласно которой Шива в детстве выпил змеиного яда, его шея посинела, и поэтому одним из его постоянных эпитетов стал *nilocantha*, т. е. синешей.

Необходимо отметить, что указанные признаки отнюдь не исчерпывают атрибутов этого божества в собственно индуистической иконографии. Они, очевидно, и не главные. Шива еще изображается многоруким, трехглазым, с ожерельем из черепов, обвитый змеями и с другими атрибутами, которых мы на пянджикентской росписи не видим²⁹. Тем не менее и те из них, которые нами выше отмечены, позволяют предположить, что пянджикентские художники при создании публикуемой композиции отталкивались от образа Шивы. Живописные воспроизведения этого божества в раннем искусстве Индии, близкие по времени пянджикентским росписям, мне не известны. Что касается скульптурных изображений Шивы, то они обладают многими близкими пянджикентской росписи чертами. Было бы, однако, неверно утверждать, что «синий человек» пянджикентской живописи передает канонический образ индуистического божества. Тем более нет основания предполагать, что это изображение — свидетельство наличия в Пянджикенте почитателей культа Шивы. Перед нами, очевидно, пример основательной переработки заимствованного художественного образа, независимо от культового, религиозного его содержания.

В такой же мере, как и живопись, близкую связь с индийским искусством демонстрирует и скульптура Средней Азии рассматриваемых веков, наиболее важные памятники которой найдены при раскопках Варахши (штук) и Пянджикента (глина и дерево).

Весьма интересный для нашей темы памятник Варахши — это выполненная в штуче скульптурная фигура птицы-женщины, так называемой сирены или сириня в средневековом русском искусстве. Этому памятнику В. А. Шишкин посвятил специальную работу³⁰. Как и весь замечательный резной штук, остатки фигуры сирены обнаружены не *in situ*, а в виде фрагментов в свалке. Остается не выясненным, была ли первоначально одна фигура или же их было две. Это обстоятельство имеет существенное значение, поскольку от этого зависит истолкование образа и установление прототипа. Находка двух аналогичных фантастических фигур (выполнен-

²⁶ «Скульптура и живопись Древнего Пянджикента», табл. IX.

²⁷ Там же, стр. 39 и сл.

²⁸ Такая интерпретация «синего человека» на фрагменте живописи Пянджикента, открытого в 1953 г., была предложена Н. В. Дьяконовой вскоре после ознакомления с оригиналом в Ленинграде. Позже Н. В. Дьяконова свои соображения по этому поводу изложила в статье «Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода». Труды Государственного Эрмитажа. Культура и искусство народов Востока, т. V, Л., 1962, стр. 264.

²⁹ Об иконографии Шивы см. Т. А. Сопинатха Rao. Elements of Hindu Iconography, vol. II. Madras, 1916, part I, p. 9, 39.

³⁰ В. А. Шишкин. К вопросу о древних традициях в народном искусстве Узбекистана. Ученые записки Ташкентского Гос. пед. института, вып. I. Ташкент, 1947. стр. 33 и сл.

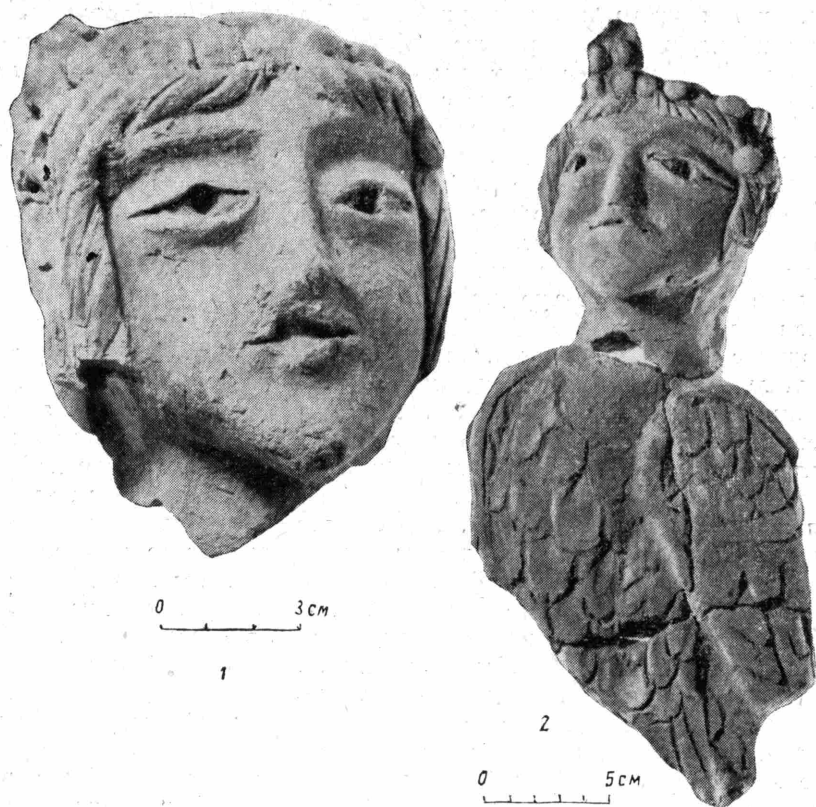

Рис. 9. Глиняная скульптура (1 и 2). Пянджикент. Объект XV. Раскопки 1960 г.

ных в глине) в Пянджикенте (рис. 9), позволяет разрешить вопросы с большей определенностью, чем это сделано в упомянутой работе В. А. Шишкина. Фигуры сирен Пянджикента были найдены также не *in situ*, однако в обстановке, позволяющей восстановить их первоначальное местонахождение. Они обнаружены в погибшем от пожара небольшом помещении типа домашней часовенки. В таких помещениях главным элементом интерьера служит очажная площадка у одной из стен, обрамленная приставной к стене глиняной нишей, образованной двумя колонками с арочным перекрытием³¹. В помещении, о котором идет речь, арка ниши была украшена орнаментальной глиняной лепниной. Несомненно, фигуры сирен украшали арку и находились или в тимпанах, или же под аркой. Но как бы то ни было, именно парное изображение сирен под аркой или по бокам ее характерно для искусства Индии и Афганистана и встречается очень часто, начиная от знаменитых ступ Санчи и Бхархаты (I в. до н. э.)³² и до гротов Бамиана³³ включительно.

Не приводя здесь других примеров, отметим, что изображения такой пары сирен мы находим и в резной кости Беграма³⁴. Нет недостатка и в

³¹ Об этом типе помещений см. В. Л. Воронина. Городище Древнего Пянджикента как источник для истории зодчества. «Архитектурное наследство», 1957, № 8, стр. 120, рис. 4.

³² (A.) Grünwedel-Waldschmidt. *Buddhistische Kunst in Indien*. I Teil. Berlin, 1952, Abb. 55 u. 57.

³³ A. Godard, Y. Godard, J. Hackin. *Les antiquités Bouddhiques de Bamiyan*. MDAFA, t. II. Paris, 1928, p. 21, fig. 6, pl. XXII.

³⁴ J. Hackin. *Op. cit.*, Fig. 100.

упоминаниях этих мифических существ в буддийской письменности, в которой они фигурируют в качестве мужской и женской пары под названием Кинара и Кинари³⁵. Поэтому кажется неубедительным отождествление В. А. Шишкиным этих существ с птицей хумо³⁶ персидского эпоса, для чего, кстати, не приводится данных ни из памятников письменности, ни изобразительного искусства.

С большой наглядностью прослеживается связь с индийским искусством в скульптурной панели айвана второго храма Пянджикента, открытой в 1953 г. Наиболее характерные фигуры панели — макара и тритон — широко известны в искусстве Индии³⁷. Отметим лишь, что особо близкие параллели названных фигур дают памятники Беграма, в том числе и беграмская резная кость.

Связи с индийской художественной культурой отражаются и в такой замечательной отрасли пянджикентского изобразительного искусства, как деревянная скульптура. Открытия в Пянджикенте сейчас не оставляют сомнений в том, что эта отрасль искусства была исключительно широко развита и популярна. Это же признается исследователями и в отношении Индии³⁸. Для Индии, так же как и для Средней Азии, есть и прямые указания письменных источников³⁹. Но собственно памятников деревянной скульптуры в Индии интересующего нас времени и более ранних периодов до нас почти не дошло, что объясняется разрушительным действием на изделия из дерева климата Индии. Таково же и положение в Средней Азии. Резное дерево Пянджикента сохранилось в обуглившемся состоянии в тех зданиях, которые погибли от пожара. Поэтому в большинстве своем они дефектны и фрагментарны. Тем не менее во многих случаях сохранились превосходные произведения, художественная ценность которых неоспорима⁴⁰.

Позволю себе остановиться подробнее на одном из наиболее замечательных памятников резного дерева, открытом в 1960 г. и полностью не изданном. Это крупный фрагмент плахи длиной около 2 м при ширине 0,6 м (рис. 10). Лицевая поверхность обработана рельефной резьбой в виде двух неодинаковых по ширине ярусов. На нижнем, более узком ярусе (ширина 0,2 м) изображено шествие крылатых львов, на верхнем (ширина 0,4 м) помещены три композиции, каждая из которых заключена внутри полукруглой арочки. К сожалению, одна из композиций (крайняя слева) не поддается дешифровке. Остальные две, хотя и повреждены, но их содержание вполне ясно. Сюжетом одной из них служит изображение женской (?) фигуры, сидящей на троне в виде двух сросшихся спинами зверей⁴¹. Для нас главный интерес представляет композиция внутри второй арки, где помещена человеческая фигура, сидящая в колеснице, запряженной двумя вздыбленными конями, обращенными головами в разные стороны. Вся трактовка композиции позволяет утверждать, что перед нами олицетворение небесного светила — солнца. Этот сюжет, как известно, широко представлен в искусстве многих стран — античной Греции, Византии, Ирана. Однако пянджикентский памятник находит наиболее близкие параллели в живописи и скульптуре Индии. Таковы изображения солнечной

³⁵ С. Ф. Ольденбург. Гандхарские скульптурные памятники. Записки Коллегии востоковедов, V. Л., 1925, стр. 175 и далее.

³⁶ В. А. Шишкин. Варахша. Автореферат..., стр. 23.

³⁷ «Скульптура и живопись Древнего Пянджикента», стр. 73 и далее.

³⁸ V. A. Smith. A. History of fine Art in India and Ceylon. Oxford, 1911, p. 364.

³⁹ S. Beal Si-yu-ki. Buddhist reports of the Western World. London, 1884, p. XXIX. Он же. The life of Hiuen-Tsiang. London, (1914), p. 47.

⁴⁰ «Скульптура и живопись Древнего Пянджикента», стр. 85.

⁴¹ Эта композиция послужила предметом специальной работы, в которой указываются и параллели в индийском изобразительном искусстве. См. А. М. Беленицкий. Об изображении зооморфных тронов в среднеазиатском изобразительном искусстве. Изв. АН Таджикской ССР. Душанбе, 1962, стр. 17, рис. 3.

Рис. 10. Резное дерево. Пянджикент. Объект VII. Раскопки 1960 г.

колесницы в скульптуре Бод-Гайи (I в. до н. э.)⁴² и Хайр-Ханэ (V в. н. э.)⁴³ и в живописи Бамиана (V в. н. э.)⁴⁴.

Наконец, отметим, что в индийском искусстве мы находим и близкие параллели изображению шествия крылатых львов на нижнем ярусе пянджикентской плахи. Скульптурный диск из Бхархута мне кажется особенно близким нашему памятнику⁴⁵.

Приведенными выше примерами далеко не исчерпываются факты, свидетельствующие о близких связях изобразительного искусства Средней Азии и Индии в VI—VIII вв. н. э. Мы намеренно остановились преимущественно на тех из них, которые говорят, по нашему мнению, о существовании давнишней, вполне определенной общей традиции в искусстве этих стран. Однако это не значит, что такие связи определялись тогда только общностью художественной традиции. В этом отношении показательна находка на городище Древнего Пянджикента в 1957 г. фрагмента крупного глиняного сосуда с надписью индийским шрифтом нагари. Надпись прочерчена по сырой глине до обжига сосуда, т. е., несомненно, сделана на месте. И сама надпись и сосуд датируются началом VIII в. Ее сделал, очевидно, индус, находившийся в Пянджикенте. Едва ли вызывает сомнение то, что и согдийцы в это время посещали Индию. Цели, которые преследовались при этом и индусами, и согдийцами, могли быть самыми разнообразными. В результате этого живого общения возникло и взаимное знакомство с художественными достижениями каждой из стран.

Обсуждение доклада

В обсуждении доклада принимали участие сотрудники ЛОИА и Государственного Эрмитажа: А. М. Мандельштам, Н. В. Дьяконова, Б. И. Маршак, Т. В. Грек и Б. Я. Ставиский.

Были предложены уточненные датировки привлеченных в качестве аналогий памятников искусства (Беграмской резной кости, скульптуры Сурх-Куталея). Отмечено, что в отдельных случаях следует говорить не о зависимости памятников Средней Азии от памятников Индии или наоборот, а об общем генезисе религиозных представлений, породивших их. Было также указано на возможность интерпретации некоторых фигур на рассматриваемых росписях Пянджикента в качестве представителей разных народов Средней Азии и на необходимость привлечения терракот при анализе памятников монументального искусства.

⁴² Grünwedel-Waldschmidt. Op. cit., (Abb.) 27.

⁴³ I. Hackin et J. Carl. Recherches archéologiques au Col de Khair-Khaneh près de Kaboul. MDAFA, VII. Paris, 1928, pl. XIV.

⁴⁴ A. Godard, J. Godard, J. Hackin. Op. cit.

⁴⁵ M. Bénisti. A propos de «La Sculpture de Bharhut». Arts Asiatiques. Paris, 1958, т. V/2, p. 135, fig. 9.

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

.. В. П. ЛЮБИН

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КРЕМНЕВЫЕ МАСТЕРСКИЕ
В ДИГОРИИ

(Северная Осетия)

Летом 1961 г. палеолитический отряд Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР, продолжая разведки и исследования памятников каменного века Северной Осетии, провел несколько поисковых маршрутов в западной части этой области — на территории исторической Дигории¹. Настоящее сообщение посвящено двум неолитическим кремневым мастерским. Это — первые памятники такого рода на территории не только Осетии, но и почти всего Северного Кавказа². Мастерские расположены в зоне лесистых предгорий (Черные горы), близ водораздела рек Атдорта-дон (правый приток р. Урух) и Скуми-дон (левый приток р. Дур-Дур), у южного края поляны Сырх, в 10—15 км к востоку-юго-востоку от селения Калух (на р. Урух). Поляна Сырх — обширный участок невысокой и сильно выравненной известняковой гряды, южный край которой, круто обрываясь, образует северный склон долин названных рек. Оползни и размывы обнажили наиболее обрывистые и возвышенные участки этого склона, и они заметно выделяются на фоне окружающих лугов и лесов. Один из таких обрывов известен под названием горы Атдорта³, второй — Уорскена (Белая осыпь). Обрывы сложены весьма рыхлыми и трещиноватыми известняками темно-серого, желтоватого и красноватого цвета, которые залегают в виде горизонтальных, наклонных или «измятых» прослоев. Толщи известняков заключают в себе выходы кремня, к которым и приурочены обе неолитические мастерские.

¹ Начальник экспедиции — Е. И. Крупнов, руководитель отряда — В. П. Любин. Отряд работал в тесном контакте с Северо-Осетинским республиканским музеем краеведения. Маршруты отряда составлены по советам Е. Г. Пчелиной (Ленинград) и учителя средней школы в селении Дур-Дур (Дигория), краеведа А. Т. Худалова, который принимал непосредственное участие в работах в качестве проводника, консультанта и переводчика. Большая помощь отряду была оказана также директором Дур-Дурской школы С. М. Койбаевым.

² Неолитические кремневые мастерские на Северном Кавказе известны лишь на территории Дагестана. См. В. Г. Котова ч. Археологические работы в горном Дагестане. Материалы по археологии Дагестана, т. II. Махачкала, 1961, стр. 19—23; Он же. Каменный век Дагестана, Автореф. канд. дисс. Л., 1962, стр. 17.

³ Название это — осетинское. Оно, как полагает А. Т. Худалов, состоит из трех частей: «фат» (пуля), «дор» (камень) и «та» (окончание множественного числа имен существительных). Правильное полное название горы, таким образом, «фатдорта», что означает «пулевые камни»; буква «ф» со временем выпала, и название приняло современный вид. Название это объясняется тем, что в известняках горы встречается большое количество окременелых моллюсков, имеющих форму и размеры винтовочных пуль.

Главное внимание отряда было обращено на обследование района горы Атдорта. Крутой южный склон ее испещрен промоинами и в значительной мере перекрыт осыпями и оползнями. На участке, где были встречены обитые кремни, длинные шлейфы обломочного материала укрыли не только подножие, но и среднюю часть склона. В доступной для обозрения верхней части отмечены небольшие (мощностью в 10—20 см) и прерывистые пропластки кремня. Кремень светло-серый (иногда с переходами к темно-серым, желтовато-темным и желтым оттенкам), грубый, слоистый, трещиноватый. В сборах отряда есть, однако, образцы хорошего слитного кремня. Некоторые из них, судя по форме и корочному покрытию, первоначально залегали не в плитчатых прослоях, а в виде обособленных желваков-конкредий.

Атдорта издревле посещались людьми, которые приходили сюда за кремневым сырьем, производя здесь, по всей видимости, лишь его первичную обработку. Свидетельства этому: многочисленные нуклеусы и сколы, рассеянные на склонах и осыпях горы. Желваки кремня хорошего качества, ядрища и заготовки для орудий (пластины и отщепы) уносились, по-видимому, на места поселений. Здесь же оставлялись почти исключительно отбросы и отходы: куски, которые после опробования их одним-двумя сколами оказывались непригодными, нуклеусы, краевые и полукраевые сколы, обломки, осколки. Когда-то эти отходы были, по-видимому, в изобилии: сейчас их найти нелегко: они перекрыты свежими осыпями. Тем не менее отряд собрал 129 предметов: 44 нуклеуса и нуклевидных кусков и 85 сколов.

Состав и особенности обитых кремней обусловлены общим характером памятника. Бросается в глаза:

1) обилие кремней с остатками корочного покрытия: 95,4% (42 из 44) нуклеусов и нуклевидных кусков и 67% (57 из 85) сколов сохранили большие или меньшие участки корки; в числе сколов, кстати сказать, 7 краевых и 17 полукраевых отщепов;

2) наличие большого количества нуклевидных кусков и атипичных ядрищ (34—35 экз.; рис. 11—17, 18). Морфологически выразительные образцы единичны. Привлекают внимание одноплощадочные и двуплощадочные ядрища, главным образом уплощенной плитчатой формы (рис. 11—9, 16). Отделение от них сколов-заготовок производилось только с одной, рабочей стороны, которая была поэтому ограничена рядом негативов параллельно идущих удлиненных снятий, в то время как другая, тыльная, сторона оставалась необработанной и плоской;

3) отсутствие среди сколов хороших заготовок (пластин и отщепов); три из пяти пластинок сохраняют на спинке участки корки. Лучший экземпляр пластинок изображен на рис. 11—6;

4) почти полное отсутствие орудий и сколов со следами вторичной отделки; можно отметить лишь три предмета: скребок на конце ножевидной пластинки (рис. 11—10), плохой округлый скребок (рис. 11—3) и обломок какого-то небольшого орудия (рис. 11—4).

В целом кремневый инвентарь атдортинской мастерской имеет неолитический облик, хотя уплощенные формы ядрищ могут быть отнесены и к более ранней мезолитической эпохе⁴. Не исключен, однако, и более древний возраст некоторых вещей: три-четыре обитых кремня покрыты глубокой бело-молочной патиной. С другой стороны, нет оснований отрицать использование атдортинских месторождений кремня людьми палеометаллической эпохи (медь, бронза). Косвенное доказательство этому: на дорогах и тропах, ведущих к Атдорте от селения Калух, наряду с обитыми кусками и нуклеусами неолитического облика (лучшая находка — двуплощадочный

⁴ Нуклеусы такого рода характерны, например, для мезолитического слоя М-3 грота Сосруко в Кабарде. См. С. Н. З а м я т н и н, П. Г. А к р и т а с. Раскопки грота Сосруко в 1955 г. Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ, т. XIII. Нальчик, 1957, стр. 445.

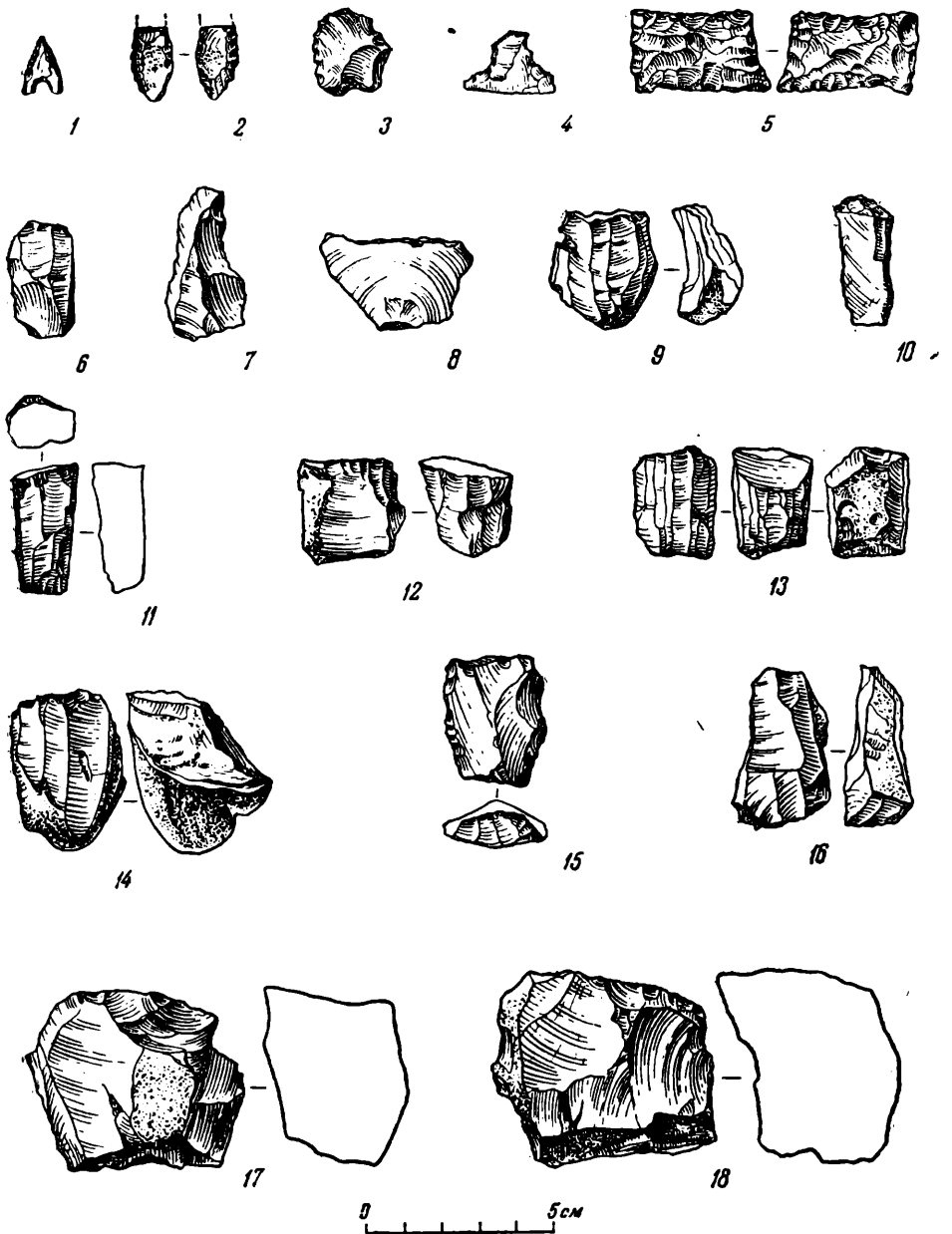

Рис. 11. Дигория. Образцы кремневых изделий

1, 2, 11 — находки с дороги из с. Кауш в горе Аtdорта; 3, 4, 6—10, 12, 16—18 — из мастерской на горе Аtdорта; 14 — из мастерской Уорскена; 15 — из пещеры Моргн-аегет; 5, 13 — находки А. Т. Худалова в районе холма Хуасгэрца
 1, 2 — наконечники стрел; 3 — скребок; 4 — обломок орудия; 5 — вкладыш от серпа; 6, 15 — пластины; 7, 8 — отщепы; 9, 11—14, 16 — нуклеусы; 10 — концевой скребок; 17, 18 — нуклеидные куски кремня

нуклеус уплощенной формы; см. рис. 11—11), встречены два небольших кремневых наконечника стрел (рис. 11—1, 2), которые относятся, по всей видимости, к энеолиту и бронзе. Первый из них имеет очертания, близкие к треугольным, с выемкой в основании и напоминает кремневые наконечники, встреченные П. С. Уваровой, а позже Е. И. Крупновым в дигорских могильниках «Фаскау» близ с. Галиат и «Верхняя Рутха» близ с. Кумбул-

та⁵. Второй, фрагментированный, принадлежит, очевидно, к более ранним типам. Не исключено, что люди медной и бронзовой эпохи широко пользовались кремневыми месторождениями Аtdорты. В этой связи важно следующее замечание Е. И. Крупнова: «Почти все стрелы из разных мест Дигории сделаны из довольно однородного, в основном серого кремня, что невольно убеждает в их местном производстве»⁶ (курсив мой.— В. Л.).

Есть основание предполагать, что люди не только собирали куски кремня в осыпях Аtdортинской горы, но и производили там специальную добычу, возможно, путем открытой разработки пластов (кремневый карьер) или с помощью специальных подземных шахтных выработок (копи). Остатки этих каменоломен погребены, по-видимому, под осыпями и оползнями южного склона Аtdорты. Чрезвычайно любопытны в этом отношении сведения, сообщаемые русским ученым и путешественником В. Б. Пфафом, который побывал на Поляне Сырх и горе Аtdорте в 1871 г. «На вершине Аштарты-барзун и Сырх,— пишет Пфаф,— находится открытая поляна, замечательная по следам древних заброшенных рудников. На скале около вершины Аштарты-барзун проходит довольно толстая кремневая жила, отчего гора, как полагают некоторые жители, получила название Адорте-барзун»⁷. Привлекает внимание прежде всего то, что и «древние рудники», и «кремневая жила» приурочены к вершине Аштарты-барзун. «Рудники» Пфафа являются, по всей видимости, кремневыми копиями, которые в то время были еще доступны для обозрения. Никакие иные (рудные) месторождения и выработки в этом районе неизвестны. Дополнительные исследования в районе Поляны Сырх и постановка раскопок на Аtdорте позволят разрешить эту загадку.

Что касается Уорскены (4—5 км к востоку от Аtdорты), то этот пункт был только зафиксирован рекогносцировкой, выполненной по нашему поручению Ю. Клипиковым и М. Сениным. Уорскена, как они сообщили, во всем напоминает Аtdорту. Тожественны и собранные там образцы обитых кремней (рис. 11—14).

В заключение отметим любопытную находку, встреченную тогда же в аланском слое дигорской пещеры Морги-легет (1,5 км к северу от с. Задалеск): фрагмент светлокремневой пластины с блестящей поверхностью, слегка сглаженными гранями, хорошо выраженным ударным бугорком и превосходно фасетированной плоскостью удара (рис. 11—15). Отмеченные особенности позволяют отнести этот предмет к мустьверской эпохе. Нахождение его в аланском слое объяснить нетрудно: кремень был найден где-то на речной террасе (?), принесен в пещеру и использован для высекания огня (края пластины с характерной забитостью).

Упомянем еще два кремневых изделия — вкладыш от серпа и нуклеус (рис. 11—5, 13), переданные отряду краеведом А. Т. Худаловым, который нашел их близ холма Хуасгэрца в окрестностях селения Дур-Дур. Оба предмета изготовлены из светло-серого аtdортинского (?) кремня.

⁵ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII. М., 1900, стр. 228—229, 251, 276, рис. 191—193, 206, табл. LXXXIII, № 7 и СХХI, № 2; Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 28—29, 43—44, рис. 3, № 1—3; 9, № 1—2; 14, № 1—3.

⁶ Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 44

⁷ В. Б. Пфаф. Описание путешествия в Осетию, Рачу, Большую Кабарду и Дигорию. «Сборник сведений о Кавказе», т. II. Тифлис, 1872, стр. 165.

И. Н. ХЛОПИН

МОДЕЛЬ КРУГЛОГО ЖЕРТВЕННИКА
ИЗ ЯЛАНГАЧ-ДЕПЕ

В 1960 г. для установления стратиграфии энеолитического поселения Ялангач-депе¹ в Геоксюрском оазисе, расположенном юго-восточнее г. Теджена (Туркменская ССР), был заложен шурф в центре холма, в помещении № 1. На уровне четвертого строительного горизонта в стенке шурфа обнаружена крупная корчага (диаметр венчика 0,6 м), врытая в пол одного из

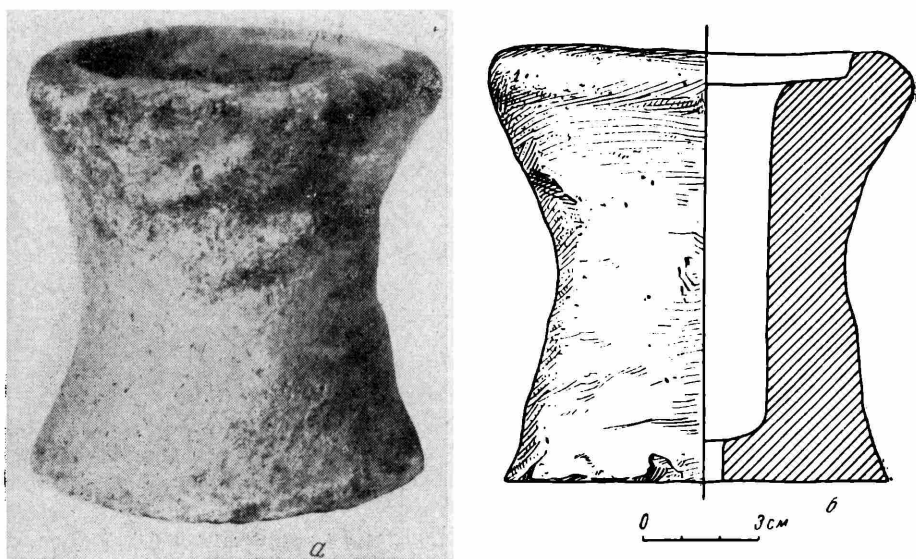

Рис. 12. Модель жертвенника из Ялангач-депе

а — внешний вид; б — разрез

помещений. В 1961 г. эта корчага, покрытая шевронным узором, была расчищена и извлечена из шурфа. При расчистке оказалось, что внутрь ее вложен сосуд меньшего размера, а в последнем находился своеобразный предмет, которому и посвящено настоящее сообщение.

Найденный предмет — цилиндр высотой в 11 см, с заметно и неравномерно вдавленными стенками — изготовлен из очень пористой глиняной

¹ И. Н. Хлопин. Ялангач-депе — поселение эпохи энеолита. КСИА АН СССР, вып. 93, стр. 75—80.

массы. Его ровную верхнюю поверхность диаметром 8 см окружает по краю невысокий округлый бортик. Общий диаметр верхней плоскости цилиндра равен его высоте, т. е. также 11 см. В центре предмета проделан вертикальный цилиндрический канал диаметром в 3,5 см, однако у основания в канале цилиндра есть ступенька, за счет которой его диаметр сужается до 1 см (рис. 12).

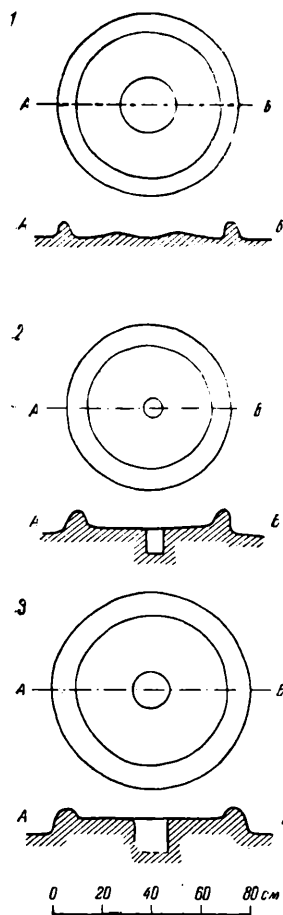

Рис. 13. Круглые жертвенники с поселений Геоксюрского оазиса

1 — поселение Айна-депе, помещение 5; 2 — поселение Геоксюр 7, помещение 1; 3 — поселение Геоксюр 1, помещение 31

Необычный вид находки, не позволяющий причислять ее к предметам домашнего обихода древних земледельцев поры раннего энеолита (IV тысячелетие до н. э.), побуждает нас искать аналогии для ее интерпретации среди предметов культа племен, населявших эту же территорию. Действительно, на поселениях Геоксюрского оазиса найдены аналогичные предметы, но значительно большего размера. Это — своеобразные круглые очаги позднеялангачского и геоксюрского времени, расположенные на полу некоторых помещений и весьма редко встречающиеся. Всего их найдено восемь экземпляров.

Наиболее ранний очаг такого типа расчищен на поселении Айна-депе (Геоксюр 6)², в одном из углов помещения № 5 третьего строительного горизонта (рис. 13 — 1). Его диаметр 0,7 м, и он окружен по краю глиняным валиком высотой в 8 см. Внутреннее его пространство ровное, но слегка повышается от бортика к центру. В центре — неглубокая лунка около 16 см в поперечнике. Поверхность очага покрыта тонкой обожженной глиняной коркой, причем в центре она крепче, чем по краям, у бортика. Лунка была заполнена плотно слежавшейся золой.

Второй очаг (рис. 13 — 2), почти одновременный предыдущему, находился в центре круглого помещения № 1 верхнего строительного горизонта поселения Геоксюр 7³. Его диаметр близок к 0,7 м, а окружающий его валик возвышался над уровнем пола почти на 10 см. Если у предыдущего очага внутренняя плоскость находилась практически на одном уровне с полом помещения, то у второго она приподнята на несколько сантиметров. В центре очага — вертикальный цилиндрический канал диаметром около 6 см. Очаг не был обожжен, но кирпичный (а не зеленый) цвет глины, из которой он сделан, все же указывает на действие слабого огня.

Третий очаг (рис. 13 — 3) расчищен в помещении № 31 верхнего строительного горизонта поселения Геоксюр⁴. Если два предыдущих почти одновременны, то этот уже относится к следующему культурно-историческому периоду и «моложе» на 4—6 строительных периодов. Он окружен невысоким, тщательно выведенным валиком, и его внутренняя плоскость также слегка приподнята над уровнем пола. В центре предмета — цилиндрическое отверстие 0,2 м в диаметре. Его стенки гладко обмазаны и сильно обожжены, причем они уходят ниже уровня пола примерно на 0,2 м.

² Раскопки И. Н. Хлопина 1961 г.

³ Раскопки В. М. Массона 1961 г.

⁴ В. И. Сарияни и др. Культурные здания поселений анауской культуры, СА, 1962. № 1, стр. 49—51.

Остальные пять очагов, аналогичные геоксюрскому, вскрыты в помещениях верхнего строительного горизонта поселения Геоксюр 5⁵, последнего обитаемого места Геоксюрского оазиса. Все они «моложе» верхнего слоя Геоксура на 1—2 строительных периода.

При ближайшем сравнении найденной на Ялангач-депе глиняной поделки с рассмотренными выше глинобитными очагами выявляется их поразительное сходство. Везде присутствует и валик по краю, и горизонтальная внутренняя поверхность, и вертикальный цилиндрический канал в центре.

Единственное, что может вызвать возражение,— это то, что очаги практически не возвышаются над уровнем пола, а ялангачская находка имеет столбчатое основание. Но это различие легко объясняется: если бы этого основания не было, то ее дно не достигло бы в толщину и одного сантиметра, что сделало бы ее крайне непрочной. Исходя из наблюдаемого сходства, даже тождества, можно с уверенностью полагать, что найденный глиняный предмет — это уменьшенная примерно в 7 раз копия круглых очагов.

Все перечисленные круглые очаги, особенно относящиеся к геоксюрскому времени (позднее Намазга II —ранее Намазга III), расположены в центре не очень крупных прямоугольных помещений (площадь от 17 до 7,5 м²), которые с полным основанием можно считать наиболее древними для геоксюрской группы поселений культовыми зданиями⁶ или, вернее, святилищами⁷.

В литературе было высказано мнение о специальном назначении подобных помещений в качестве места, где производились человеческие жертвоприношения с последующей кремацией жертв. Оно возникло потому, что нижние части стен, пол, порог и круглый очаг в помещении № 31 поселения Геоксюр несут следы некогда бушевавшего здесь пожара⁸. Более того, на уровне пола помещения найдены три скелета, заваленные глиняными сильно обожженными блоками с отпечатками прутьев и тростника. Что касается первого скелета, положенного в скорченном положении вдоль северо-западной стены, то это — обычное впускное в культурный слой погребение с двумя сосудами: сероглиняной миской и расписной раннегеоксюрской чашей⁹.

Два других костяка лежали по обе стороны очага, причем один из них почти полностью разрушен более поздней ямой, а второй сильно разрознен. Создается впечатление, что ни тот, ни другой покойник не был погребен намеренно.

Имеющиеся данные не позволяют сделать предположение, что полученная после расчистки геоксюрского святилища картина якобы свидетельствует о человеческих жертвоприношениях и обряде трупосожжения у позднэнеолитических земледельцев Геоксюрского оазиса. Скорее всего, это результат несчастного случая, вызвавшего неожиданный сильный пожар; жертвой его и стали два человека, застигнутые им врасплох. Очевидно, они задохнулись от дыма и были раздавлены рухнувшей кровлей. Не исключена возможность, что поздняя яма, разрушившая один из костяков, свидетельствует о том, что по прошествии какого-то времени были предприняты попытки отыскать погибших. Святилище не было восстановлено; возможно, этот участок поселения был на какое-то время заброшен, а затем поверх руин построены новые помещения.

Таким образом, святилища никак нельзя считать специально предназначенными для совершения жертвоприношений или для трупосожжения.

⁵ В. И. Сарияниди. Указ. соч., стр. 51.

⁶ В. И. Сарияниди. Указ. соч., стр. 48—49.

⁷ И. Н. Хлопин. Племена раннего энеолита Южной Туркмении. Автореф. канд. дисс. ЛГУ, 1962, стр. 14, 16.

⁸ Подробное описание этого помещения и обоснование указанной точки зрения см. В. И. Сарияниди. Указ. соч., стр. 49—51.

⁹ В. И. Сарияниди. Указ. соч., рис. 4, 1.

Несмотря на значительную площадь раскопанных поселений, до сих пор не обнаружено реальных следов кремации покойников; к тому же вряд ли смертность среди древних геоксюрцев была столь высока, что жители каждого многокомнатного дома строили свой индивидуальный крематорий.

Итак, круглые очаги геоксюрского времени — неперенные атрибуты специальных «квартальных» святилищ. Бесспорно, они играли существенную роль при отправлении культовых церемоний, составной частью которых было, очевидно, возжигание священного огня и поклонение ему; поэтому будет значительно вернее полагать эти сооружения не очагами, а алтарями или жертвенниками¹⁰. И если действительно на них приносились жертвы, то это были плоды земли, хлеб, продукты животноводства и охоты.

Возможно, в категорию последних надо включать и жертвенных животных с последующей ритуальной трапезой — реликтовой формой поедания тотема с целью приобщения к нему.

Особое назначение круглых «стационарных» алтарей очевидно. А что же представляла собой их глиняная копия? Не исключена возможность, что раскопки дали в руки исследователей не только модель жертвенника; это мог быть переносный жертвенник, который служил для определенных церемоний вне поселения, — допустим, в поле или в пути.

На геоксюрском этапе (первая треть III тысячелетия до н. э.) отмечается появление совершенно новых элементов культуры, связанных с изменением общественной структуры и влиянием извне, со стороны областей Переднего Востока. Среди них оригинальная орнаментация керамики¹¹, изменения в погребальном обряде¹² и в антропологическом типе¹³. Однако круглые жертвенники в святилищах не входят в число новых элементов культуры, поскольку их прототипы (на Айна-депе и Геоксюре 7) относятся к более раннему, ялангачскому времени.

На ялангачском этапе (конец IV — начало III тысячелетий до н. э.), как полагают некоторые исследователи, прослеживается проникновение влияния убейдской культуры в Геоксюрский оазис — своеобразная банковидная посуда с оригинальной орнаментацией (V строительный горизонт Геоксюр I, первый горизонт Ялангач-депе, Айна-депе, Анча-депе) и круглые постройки¹⁴. В это же время зафиксированы и наиболее ранние круглые алтари. На основании этого названные сооружения можно было бы причислить к приносным элементам культуры и искать место их возникновения за пределами Южного Туркменистана.

Находка модели круглого жертвенника позволяет поставить вопрос о глубоко местном возникновении как самих круглых алтарей, так и идеологических воззрений, связанных с их использованием. Корчага, в которой находилась модель, была впущена в пол помещения четвертого строительного горизонта Ялангач-депе. Что же касается убейдского влияния, то в настоящее время снимается один из двух аргументов его проникновения, а именно, вертикальная орнаментация банковидных сосудов. Как удалось установить, эта система орнамента вырастает на местной почве; ее первоосновой служили полихромные узоры на керамике стиля Намазга II с поселений подгорной полосы Копет-дага. В свете этого надо полагать, что происхождение и круглых построек ялангачского этапа может оказаться местным.

¹⁰ Такого же взгляда придерживается В. И. Сарияниди (Указ. соч., стр. 49).

¹¹ В. И. Сарияниди. Энеолитическое поселение Геоксюр. Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961.

¹² В. И. Сарияниди. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении. СА, 1959, № 2, стр. 235—238.

¹³ Т. А. Трофимова, В. В. Гинзбург. Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпоху энеолита. Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961, стр. 514—516.

¹⁴ В. М. Массон. Восточные параллели убейдской культуры. КСИА АН СССР, вып. 91, 1962, стр. 3—12.

Следовательно, при современном уровне наших знаний можно полагать, что идеи, связанные с сооружением круглых жертвенников, возникли в ранние периоды истории древних земледельцев (не позднее последней фазы периода Намазга I, т. е. второй половины IV тысячелетия до н. э.). Что это были за верования, пока судить трудно, но можно полагать, что круглый жертвенник изображал солнце. В основе его лежит окружность с точкой в центре, а с подобными солярными символами мы часто сталкиваемся в орнаментации не только керамики, но и женских статуэток времени Намазга II — Намазга III¹⁵. Солнечный диск — жертвенник на ялангачском этапе — имел варианты в своей конструкции; на геоксюрском этапе мы уже отчетливо видим его канонизированную форму и «стандартные» размеры.

¹⁵ И. Н. Хлопин. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961, табл. XI, 7; XIV; В. М. Массон. Кара-депе у Артыка. Труды ЮТАКЭ, т. X, табл. XXII, 7, 12, 15, 20; XXXVI, 14.

Г. Н. ЛИСИЦЫНА

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ
В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА ПО ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Памятники древнейшей земледельческой анауской культуры Южной Туркмении расположены в двух географически различных районах. Большая часть их сосредоточена в подгорной зоне Копет-Дага в области аллювиально-пролювиального шельфа и связана с долинами и конусами выноса небольших горных ручьев и речек. Меньшее количество памятников относится к области долины и древней дельты р. Теджен — энеолитические поселения Геоксюрского оазиса, расположенные к востоку от г. Теджена, в основном южнее линии Ашхабадской железной дороги, и поселение Хапуз-депе¹, связанные с равнинными, такыровыми, ныне не орошаемыми районами².

Палеоботанические исследования, проведенные на памятниках неолита, энеолита и бронзы подгорной зоны Копет-Дага, Геоксюрского оазиса и Хапуз-депе в 1960—1962 гг., позволяют пока еще только в общих чертах восстановить особенности растительности этих районов в V—III тысячелетиях до н. э.

Необходимо оговориться, что при проведении палеоботанических работ в Средней Азии неизбежно приходится сталкиваться с многими трудностями, так как метод спорово-пыльцевого анализа, широко используемый для реконструкции растительности прошлого других районов нашей страны, здесь пока еще не дал полноценных результатов, хотя в последнее время он все более успешно вводится в практику геологических исследований³. На территории Геоксюрского оазиса спорово-пыльцевым методом были исследованы образцы древнего аллювия из русел, относящихся к III тысячелетию до н. э., но, к сожалению, количество обнаруженных в этих образ-

¹ Особняком стоит Серахское поселение, погребенное в аллювиальных отложениях надпойменной террасы р. Теджен.

² В археологическом отношении памятники анауской культуры делятся иначе. Так, В. И. Сарияниди (К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау, СА, 1960, № 2, стр. 141), исходя из существенных различий в облике материальной культуры энеолитических племен, выделяет три территориальные группы: западную (от г. Кзыл-Арвата до Анау), центральную (от Анау до ст. Душак) и восточную (от Ясы-депе до ст. Геоксюр). В. М. Массон (Восточные параллели убейдской культуры, КСИА, вып. 91, 1962) делит эти же памятники с периода раннего Намазга II всего на две группы — западную и восточную, отмечая резкие различия в росписи их керамики и в архитектуре. И. Н. Хлопин (Племена раннего энеолита Южной Туркмении. Автореф. канд. дисс. ЛГУ, 1962, стр. 5) выделяет даже четыре группы и кладет в основу этого деления еще более детальные различия в материальной культуре отдельных групп населения.

³ Л. Г. Амурская я. Микропалеоботаническая характеристика отложений верхнекарабальской свиты с применением метода спорово-пыльцевого анализа при геологических исследованиях континентальных четвертичных отложений юго-восточной части Туркмении. Труды Туркм. географ. об-ва, вып. II, 1961

цах пыльцы и спор оказалось столь незначительным, что сделать полноценную реконструкцию растительности невозможно (полученные результаты могут быть использованы только как дополнительный материал).

При изучении памятников анауской культуры широко применялся другой палеоботанический метод — определение ископаемых углей по микроскопическим признакам. Этот метод позволяет с достоверностью восстановить приблизительный состав древесной и кустарничковой растительности, произраставшей близ древних поселений. В совокупности оба этих метода дают тот фактический материал, который служит базой для реконструкции растительности.

Кара-Кумской экспедицией ИА АН СССР, а ранее XIV отрядом ЮТАКЭ были собраны и определены угли со следующих памятников подгорной зоны Копет-Дага: Джейтун, Намазга-депе, Яссы-депе и Кара-депе. Более многочислен материал с памятников долины р. Теджен. Результаты определений сведены в таблицу.

Т а б л и ц а

Результаты определения углей, найденных на изучаемых памятниках

Порода	Памятники подгорной равнины Копет-Дага				Памятники долины р. Теджен				
	Кара- депе	Яссы- депе у Каахка	Намаз- га-де- пе	Джей- тун	Геоксюрский оазис				Хапуз- депе
					ГС-1	ГС-2	ГС-4	ГС-5	
Тополь (<i>Populus</i> sp.)	11	1	2	8	6	3(?)	44	30	—
Клен (<i>Acer</i> sp.) . . .	1	—	1	5	2	1(?)	—	—	11
Можжевельник (<i>Juniperus</i> sp.)	28	—	5	—	—	—	—	—	—
Ясень (<i>Fraxinus</i> sp.) . . .	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Вяз (<i>Ulmus</i> sp.)	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Тамарикс-юлган (<i>Tama- rix</i> sp.)	—	—	—	—	—	—	—	17	—
Саксаул (<i>Haloxylon</i> sp.)	—	—	—	2	—	—	—	—	—

Определения углей с памятников Кара-депе, Яссы-депе и Намазга-депе проведены в Тбилисском институте ботаники Л. И. Джапаридзе и И. С. Штепа в 1953 г. (сборы XIV отряда ЮТАКЭ под руководством Б. А. Куфтина)⁴. Образцы с поселений Геоксюрского оазиса, Хапуз-депе, Кара-депе, Намазга-депе и Джейтун были определены в кабинете палеоботаники Института археологии АН СССР.

Прежде всего необходимо остановиться на данных, полученных с наиболее раннего неолитического поселения Джейтун, расположенного в 30 км к северо-западу от Ашхабада в зоне первых песчаных гряд Кара-Кумов. Поселение со всех сторон окружено песками, покрытыми скудной растительностью из саксаула и песчаных злаков. Кое-где среди песков прослеживаются небольшие пятна такыров. В. М. Массон, в течение многих лет проводивший раскопки на поселении Джейтун, занимался также и вопросом орошения земель, прилегающих к памятнику, так как населявшие его племена, несомненно, были древнейшими земледельцами нашей страны. Материалы, касающиеся обводнения этой территории, подробно изложены им в работе «Джейтунская культура»⁵, где указывается, что орошение

⁴ Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». Изв. АН ТССР, 1954, № 1.

⁵ В. М. Массон. Джейтунская культура. Труды ЮТАКЭ, т. X, 1960 (1961).

земельных угодий джейтунцев происходило в результате паводковых прорывов вод р. Кара-Су через песчаную гряду, проходящую в широтном направлении, однако нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о существовании постоянно действующих водотоков близ поселения.

Изучение углей с Джейтуна проводилось в свое время в Тбилисском институте ботаники, однако плохая их сохранность не позволила сделать определений. Собранный в 1962 г. коллекция углей в большинстве своем сохранила не поддающийся определению материал, но часть из них все же была определена. Среди них оказались тополь, клен и саксаул. Тополь и клен — древесные породы, произрастающие по берегам водотоков по всей Средней Азии. Поскольку видовому определению угли не поддаются, можно только предполагать, что они близки современным *Populus* подвида *Turanga* или *Populus Bolleana* Lauche и *Acer turcestanicum* Pax. Естественно считать, что близ Джейтуна проходил какой-то более или менее постоянный водоток, берега которого были покрыты древесной растительностью, куда входили указанные породы. В то же время находки углей саксаула (*Haloxylon* sp.) свидетельствуют о том, что уже в то время в ближайшем окружении памятника были распространены пески, поросшие саксаулом, который, по-видимому, собирался и использовался на топливо, тогда как древесина тополя и клена, по аналогии с другими памятниками, о чем будет сказано дальше, могла использоваться и для других целей. Очевидно, что еще в V тысячелетии до н. э. воды Кара-Су проникали гораздо дальше на север. Позднее широкое развитие эоловых процессов привело к формированию здесь барханного рельефа и гибели поселения.

Угли, определенные с более поздних памятников подгорной зоны Копет-Дага — Намазга-депе, Кара-депе и Яссы-депе, — принадлежат тополю, карагачу (вязу) и можжевельнику (арче). Тополь, клен и карагач — породы, входившие в состав тугаев, произраставших по берегам водотоков, и были распространены в долинах подгорных ручьев и речек; можжевельник же приурочен к горам. В настоящее время северные склоны Копет-Дага почти полностью лишены лесной растительности и покрыты пустынно-степными ассоциациями, меняющимися в зависимости от вертикальной поясности. Л. С. Берг указывает, что «в степной зоне, на северных склонах, начиная с 1000—1200 м, можно встретить сначала отдельные экземпляры, а выше — заросли древовидной арчи (*Juniperus turcomanica*); местами, как примесь к арче, появляется клен. Сравнительно обильно развиты заросли арчи, начиная с высоты 1500 м»⁶. В работах Л. С. Берга, С. П. Сулова⁷, Б. А. Федченко⁸ и других мы находим указания, что можжевельник в горах Копет-Дага уничтожен человеком. Так, Б. А. Федченко пишет: «По всей описываемой зоне встречаются также местами отдельные деревца арчи (древовидный можжевельник *Juniperus polycarpos* С. Koch.), являющиеся, очевидно, остатками прежних, более обширных, но едва ли сплошных насаждений, истребленных рукой человека на топливо, которого здесь вообще весьма мало»⁹. По данным Б. А. Федченко, широкое развитие арчевых зарослей начинается лишь с высоты 1500—1700 м. Арча по своим техническим качествам как строительный и топливный материал — одна из наиболее ценных древесных пород Средней Азии, она обладает прочной древесиной и широко используется в хозяйстве. Полученный палеоботанический материал с памятников Намазга-депе и Кара-депе позволяет считать, что арча также широко использовалась в быту энеолитических племен и, несомненно, произрастала в значительных количествах на северных склонах Копет-Дага, спускаясь довольно низко, так как переброска ее на большие расстояния в то время вряд ли была возможна.

⁶ Л. С. Берг. Ландшафтные зоны Советского Союза, т. II, М., 1952, стр. 217—220.

⁷ С. П. Сулов. Физическая география СССР. М.—Л., 1947.

⁸ Б. А. Федченко. Растительность Туркмении. Сб. «Туркмения». т. III. Л., 1929.

⁹ Б. А. Федченко. Указ. соч., стр. 111.

В отличие от памятников подгорной зоны, на поселениях Геокюрского оазиса и Хапуз-депе, расположенных на Тедженской дельтовой равнине, в большом количестве найдены только угли тополя, клена, карагача и юлгана (тамарикс), т. е. типичных представителей тугайной флоры.

В современной долине р. Теджена по берегам основного русла, севернее Серакса широко распространены тополевые леса с преобладанием *Populus euphratica* Ol. и существенной примесью тамариксов (*Tamarix Kochschyi* Vce. и разновидность *rosea* Litw.), мимозы и лициума. В небольшом количестве в тугайных лесах произрастают клен и карагач. В староречьях и по берегам основного русла широко развита водная растительность, в частности тростники (*Phragmites communis* Trin.).

Очевидно, близкие по составу тугайные леса росли и по берегам водотоков древней дельты р. Теджен, пересекавших территорию Геокюрского оазиса в IV—III тысячелетиях до н. э. Ныне этот район — бесплодная такырная пустыня с редкими кустиками саксаула, полыни, верблюжей колючки и другой ксерофитной растительности¹⁰. Данные, полученные в результате определения углей, дополняются результатами спорово-пыльцевого анализа образцов аллювия из древних дельтовых протоков. Вся встреченная при просмотре пыльца разделена нами на две группы: первую группу составляет явно приносный комплекс, куда входят ель, сосна и береза, пыльца которых разносится на огромные расстояния, вторую группу составляет комплекс местной пыльцы, куда входят: а) лиственные породы — ольха, ива и орех; б) группа ксерофитов, состоящая из злаков, полыней, лебедовых и других двудольных травянистых растений, и в) группа водных растений. Состав определенных ксерофитов соответствует растительности пустынных ассоциаций, ныне произрастающих на территории Теджен-Мургабского междуречья. Отмечено значительное количество пыльцы водных растений. При раскопках поселений Геокюр I и Чонг-депе в некоторых помещениях найдены глиняные блоки с четкими отпечатками стеблей тростников. К сожалению, их видового определения из-за плохой сохранности материала сделать не удалось. По-видимому, тростники уже в эпоху энеолита широко использовались в хозяйстве, они могли служить для перекрытия помещений и для прочности обмазывались глиной, о чем свидетельствуют сделанные археологами находки; кроме того, из них, по-видимому, плелись циновки, следы которых сохранились в погребениях на поселениях Геокюр I и Хапуз-депе. С. П. Суслов пишет, что сейчас «тростник (*Phragmites communis*) употребляют на выделку циновок для кибиток, на приготовление накатов под потолки жилищ, кладут в фундамент под глинобитные стены как дешевый изолятор от капиллярного поднятия грунтовых вод и солей»¹¹. Таким образом, тростник в условиях пустынных растительных ландшафтов, где не хватает строительного материала, издревле используется для хозяйственных нужд.

Как показывают палеоботанические данные, широко использовалась также древесина тополя (*Populus* sp.), наиболее ценная в молодом состоянии. В основном она употреблялась для строительных целей и, в частности, для перекрытия помещений, о чем свидетельствуют мощные завалы углей этой породы в некоторых постройках на поселениях Геокюрского оазиса — Муллали-депе и Чонг-депе.

Наши данные касаются в основном древесной растительности, однако эти факты тем более важны, что в условиях пустынного климата именно древесные породы — наиболее ценный для населения материал. Все перечисленные породы, а особенно тополь и арча, как уже указывалось, широко использовались еще в эпоху энеолита.

¹⁰ Г. Н. Лисицына. Основные черты палеогеографии Геокюрского оазиса. КСИА АН СССР, вып. 93, 1963.

¹¹ С. П. Суслов. Указ. соч., стр. 472.

Растительные ландшафты, а следовательно, и природные условия рассматриваемых районов за последние семь тысяч лет почти не изменились. Причиной конкретных изменений природных условий отдельных районов и гибели древних поселений были нарушения гидрологического режима рек, что в условиях равнинных участков Средней Азии — весьма обычное явление. Отмеченные изменения в растительности связаны либо с нарушениями водного режима, либо с деятельностью человека.

Так, в эпоху энеолита в IV—III тысячелетиях до н. э. по природным условиям западная часть Теджен-Мургабского междуречья могла быть охарактеризована как участок древней дельты, где тугайные леса по берегам водотоков сочетались с пустынно-степными ксерофитными ассоциациями. Миграция древней дельты в направлении на северо-запад и отмирание ее боковых протоков привели к тому, что эта территория перестала орошаться, и растительность, связанная с водотоками, полностью исчезла.

Дальнейшие палеоботанические исследования в районах Южной Туркмении, несомненно, позволят более полно охарактеризовать процесс изменения растительных ландшафтов на протяжении последних 5—7 тысячелетий.

А. Я. ЩЕТЕНКО

РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА
ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ НАМАЗГА-ДЕПЕ

Расписная керамика эпохи бронзы известна на территории Южной Туркмении из раскопок памятников подгорной полосы Копет-Дага; Анау, Ак-депе, Намазга-депе¹. На северных склонах Намазга-депе, к северо-востоку от «вышки» нами в 1960 г. были найдены фрагменты расписной керамики и четыре почти целых сосуда, вывалившихся из размытой водой траншеи, которая соединяется с раскопом Института истории, археологии и этнографии АН ТССР².

Первую группу публикуемой керамики составляют три небольших плоскодонных горшочка (рис. 14 — 8, 12, 20), на двух в средней части тулова намечается чуть заметный ребристый перегиб стенок. Изготовлены они ручной лепкой из тщательно отмученной глины и равномерно обожжены. Роспись наносилась темно-коричневой краской по светло-оранжевому фону. В одном случае орнамент очень прост: две параллельные линии окаймляют верхнюю часть тулова (рис. 14 — 12). На двух других экземплярах орнамент состоит из горизонтального ряда вписанных друг в друга ромбов, разделенных ступенчатыми пирамидами (рис. 14 — 8). Другой сосуд украшен орнаментом, основной элемент которого — ступенчатая пирамида (рис. 14 — 20). Внутри одного из горшочков (рис. 14 — 8) оказались кусочки малиновой охры. Сходный орнамент известен на керамике Намазга-депе³, южного холма Анау⁴, на Алтын-депе и Хапуз-депе⁵.

Вторую группу составляют острореберные сосуды, изготовленные, возможно, на гончарном круге. Тесто их плотное, обжиг равномерный. Наиболее характерная форма — небольшие кубки с подкошенной придонной частью и вертикальными, чуть вогнутыми стенками (рис. 14 — 1, 2, 4, 5, 7). Они покрыты темно-коричневой росписью по зеленовато-белому или красноватому фону, причем расписывалась лишь их верхняя часть. Кубки украшались разнообразным орнаментом: здесь и деревья, и вертикальный зигзаг, и орнамент из вписанных ромбов. На двух экземплярах внутренняя

¹ В последние годы подобная керамика встречена восточнее Намазга-депе в бассейне р. Теджен, на поселениях Алтын-депе и Хапуз-депе. См. А. Ф. Г а н я л и н. Алтын-депе. Труды ИИАЭ АН ТССР, т. V, 1959, стр. 44, табл. VII; В. И. С а р и а н и д и. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, 1960, № 3, стр. 151, рис. 5; К. А. А д ы к о в, В. М. М а с с о н. Древности Теджен-Мургабского междуречья. Изв. АН ТССР, 1960, № 2, стр. 63, рис. 3.

² Д. Д у р д ы е в. Итоги полевых работ сектора археологии Института истории, археологии и этнографии АН ТССР в 1954—1957 гг. Труды ИИАЭ АН ТССР, т. V, 1959, стр. 11.

³ Б. А. Л и т в и н с к и й. Намазга-депе. СЭ, 1952, № 4, стр. 44, 45, рис. 8, 9.

⁴ Н. S c h m i d t. The Archeological Excavations in Anau and Old Merv (R. P u m p e l l y. Explorations in Turkestan, v. I. Washington, 1908), pl. 35, № 5.

⁵ В. И. С а р и а н и д и. Указ. соч., стр. 151, рис. 5; К. А. А д ы к о в, В. М. М а с с о н. Указ. соч., стр. 63, рис. 3, № 1—11, 13.

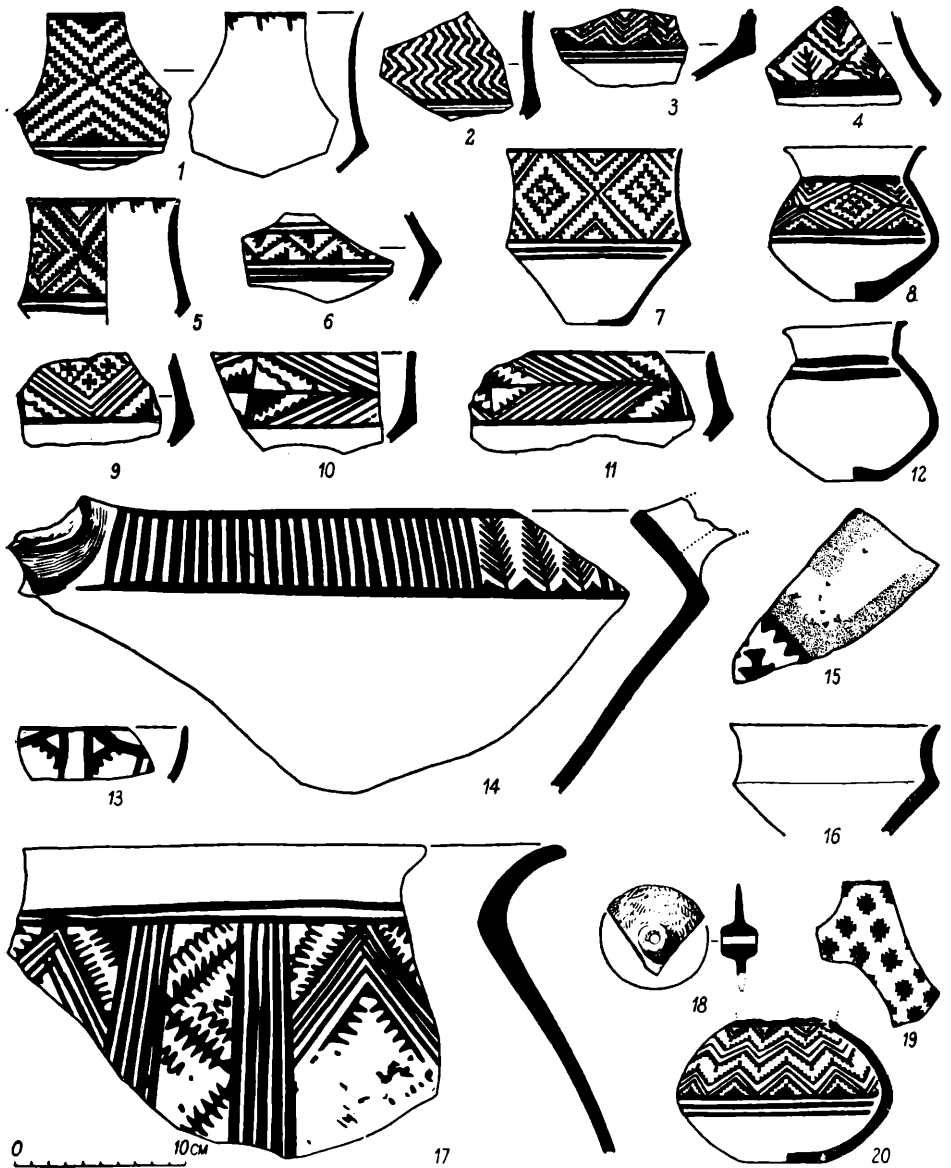

Рис. 14. Керамика с Намазга-депе

1, 3, 4—7, 11 — темно-коричневая роспись по зеленовато-белому фону; 2, 9, 10 — темно-коричневая роспись по красноватому фону; 8, 12, 17, 20 — темно-коричневая роспись по светло-оранжевому фону; 13 — фрагмент чаши; 14 — темно-коричневая роспись по светло-розоватому фону; 15 — фрагмент с полихромной росписью; 16 — сероглиняный сосуд с лощеной поверхностью; 17 — обломок глиняного колесика

часть венчиков оказалась также украшенной полупирамидами. Другая разновидность острореберных сосудов — миски (рис. 14—10, 11). Орнамент на них почти идентичен: ряды ломаных линий окаймляют ромбы, внутри которых помещены рисунки, напоминающие крылья бабочки. Интересен в этой группе и крупный сосуд ручной лепки с изломом стенок в верхней части тулова, сужающихся к горлу, и снабженный сливом (рис. 14—14). Орнамент расположен по бортику и состоит из вертикальных полос и изображений деревьев. Несколько фрагментов (рис. 14—3, 6, 9, 19) по фактуре и по росписи примыкают к группе острореберных сосудов. В целом вторая

группа повторяет формы посуды и элементы орнамента, хорошо известные из комплексов Намазга III — Намазга IV⁶. Подобные мотивы росписи известны также в материалах с южного холма Анау⁷, Ак-тепе, Алтын-тепе⁸ и Хапуз-депе⁹.

Среди фрагментов выделяется своими большими размерами (диаметр горла 36 см) и более рыхлой структурой черепок большого толстостенного сосуда ручной лепки, с сильно отогнутым венчиком (рис. 14 — 17). Похожий фрагмент известен из раскопок А. Ф. Ганялина¹⁰. Единичный среди собранной керамики острореберный сосудик из серой глины с лощеной поверхностью (рис. 14 — 16), находящийся аналогии среди сероглиняной посуды Намазга IV¹¹, и фрагмент с полихромной росписью (рис. 14 — 15), идентичный посуде с поселений Хапуз-депе¹². Здесь же следует упомянуть и об обломке глиняного колесика со ступицей и втулкой для продольной оси (рис. 14 — 18) — находке, столь характерной для комплексов Намазга III и Намазга IV¹². Описанная коллекция сосудов с Намазга-депе находит многочисленные параллели по формам и по орнаментации среди расписной керамики Южной Туркмении времени Намазга IV, а исходя из стратиграфических наблюдений, мы можем отнести указанную выше керамику к комплексам раннего Намазга IV¹⁴.

В этой связи интересна находка одного сосуда из Мохаммедабада, опубликованного Г. Франкфортом¹⁵, а позднее Л. Ванденбергом¹⁶. Этот сосуд идентичен горшочку из нашей коллекции (рис. 14 — 20). И это неудивительно, так как Мохаммедабад находится всего лишь в 30 км от Намазга-депе. Таким образом, это обстоятельство расширяет наши представления о границах распространения расписной керамики типа Намазга IV.

Не менее интересны параллели в мотивах орнаментации расписной керамики с поселений долины Кветты (Белуджистан), в слое Садаат II¹⁷. Особо интересен фрагмент с полихромной росписью (рис. 14 — 15), находящийся аналогии в керамике III и IV периодов из поселения Мундигак (Южный Афганистан)¹⁸. Таким образом, материалы опубликованной коллекции позволяют полнее представить керамический комплекс времени Намазга IV центральной части подгорной полосы, а также поставить вопрос о продолжавшихся культурных связях древнеземледельческих племен Южной Туркмении со своими южными соседями в конце III и первой половине II тысячелетия до н. э.

⁶ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 353, табл. XXVIII, рис. 3, 5, 13; табл. XXXI—XXXVI; А. Ф. Ганялин. К стратиграфии Намазга-депе. Труды ИИАЭ АН СССР, т. II, 1956, стр. 62, рис. 10; стр. 63, рис. 15.

⁷ H. Schmidt. Op. cit., pl. 34, 1, 2, 4, 6; pl. 35, 1, 2, 5.

⁸ А. Ф. Ганялин. Алтын-депе, стр. 44, табл. VII, рис. 1, 2.

⁹ К. А. Адыков, В. М. Массон. Указ. соч., стр. 63, рис. 3, 1—11, 13.

¹⁰ А. Ф. Ганялин. К стратиграфии Намазга-депе, стр. 57, рис. 11, 3.

¹¹ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении, стр. 306, 355, табл. XXX.

¹² К. А. Адыков, В. М. Массон. Указ. соч., стр. 63, рис. 3, 12.

¹³ А. Ф. Ганялин. Алтын-депе, стр. 43, табл. V; Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. Труды ЮТАКЭ, т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 280, рис. 28; В. М. Массон. Первобытнообщинный строй на территории Туркмении. Труды ЮТАКЭ, т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 240, рис. 4.

¹⁴ Я использую периодизацию, разработанную Б. А. Куфтиным. А. Ф. Ганялин предложил свою схему, где выделено семь периодов, но она не получила признания. См. рец. В. И. Сарияниди и И. Н. Хлопина. СА, 1959, № 1, стр. 306—307.

¹⁵ H. Frankfort. Studies in Early Pottery of the Near East. London, 1924, p. 83. pl. VII, 2.

¹⁶ L. Vandenberghe. Archéologie de l'Iran Ancien. Paris, 1959, pl. 15, a.

¹⁷ W. A. Faifervis. Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan. Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. New York, 1956, t. 45, p. 2, 285, рис. 159—162, 203—209, 215—217 и др. См. рец. В. М. Массона на эту книгу. СА, 1960, № 3, стр. 348—352.

¹⁸ J. M. Casal. Fouilles de Mundigak. Paris, 1961, vol. II, fig. 56, 91.

В. И. САРИАНИДИ

ХАПУЗ-ДЕПЕ КАК ПАМЯТНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ

Эпоха бронзы в истории развития земледельческо-скотоводческих племен юго-восточной Туркмении изучена намного хуже, чем предшествующий энеолитический период¹. Чтобы восполнить этот пробел, в 1962 г. геоксюрским отрядом Кара-Кумской экспедиции проведены раскопки поселения Хапуз-депе. Кроме получения нового материала по эпохе бронзы ставилась и вторая задача — выяснение культурно-хронологической принадлежности материалов в нижних слоях поселения. Это объясняется тем, что на основании сборов с поверхности памятника было высказано предположение об основании Хапуз-депе выходцами с Геоксюрского оазиса, что имеет важное значение для воссоздания исторической динамики древних племен этого района.

Поселение занимает около 10 га; поверхность его довольно ровная, включая южную, более возвышенную часть (высотой около 7 м). С восточной стороны поселение огибает древний дельтовый проток Теджена шириной в 60 м; с западной окраины прослеживается понижение, по-видимому, старица. Верхний слой основной части памятника содержит материал времени Намазга IV, а вышеупомянутая возвышенная часть — Намазга V. На поверхности, кроме фрагментов расписной посуды (рис. 15), найдено много обломков медных поделок [иголки, биконические навершия булавок, «лопаточки», лезвия ножей и кинжалов (?), рис. 15 — 9—15]. На западной окраине отмечены следы медеплавильной печи, шлаки, обломки «ляйчек» с остатками медных натеков. Найдено свыше 30 кремневых наконечников стрел листовидной формы с двусторонней ретушью и несколько треугольно-черешковых с пильчатой ретушью (рис. 15 — 16—22), несколько карандашевидных нуклеусов и пластин со следами заполированности. Обломки металлических и каменных печатей дополняют общую характеристику поверхностного материала. Среди расписных черепков с геометрическим орнаментом встречены единичные экземпляры с изображениями птиц и барсов, более характерных для керамического комплекса времени Намазга III поселений подгорной полосы Копет-Дага.

Здания на Хапуз-депе не раскапывались, но, судя по размытой части, строительные комплексы состояли из групп взаимосвязанных помещений размером от 3 × 5 м до 5 × 7 м, часть которых связана общими проходами (рис. 15 — 23).

¹ См. А. Ф. Г а н я л и н, Алтын-депе. Труды ИИАЭ, т. V, 1959, стр. 30—37; К. А. А д ы к о в, В. М. М а с с о н, Древности Теджен-Мургабского междуречья, Изв. АН ТССР, 1960, стр. 62—63, № 5; В. И. С а р и а н и д и, Земледельческие племена Юго-Восточной Туркмении. Автореферат канд. диссертации, М., 1963, стр. 8—9. О н ж е. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, 1960, № 3, стр. 151.

Приношу глубокую благодарность С. И. Иорданиди, оказавшему большую помощь в работе отряда.

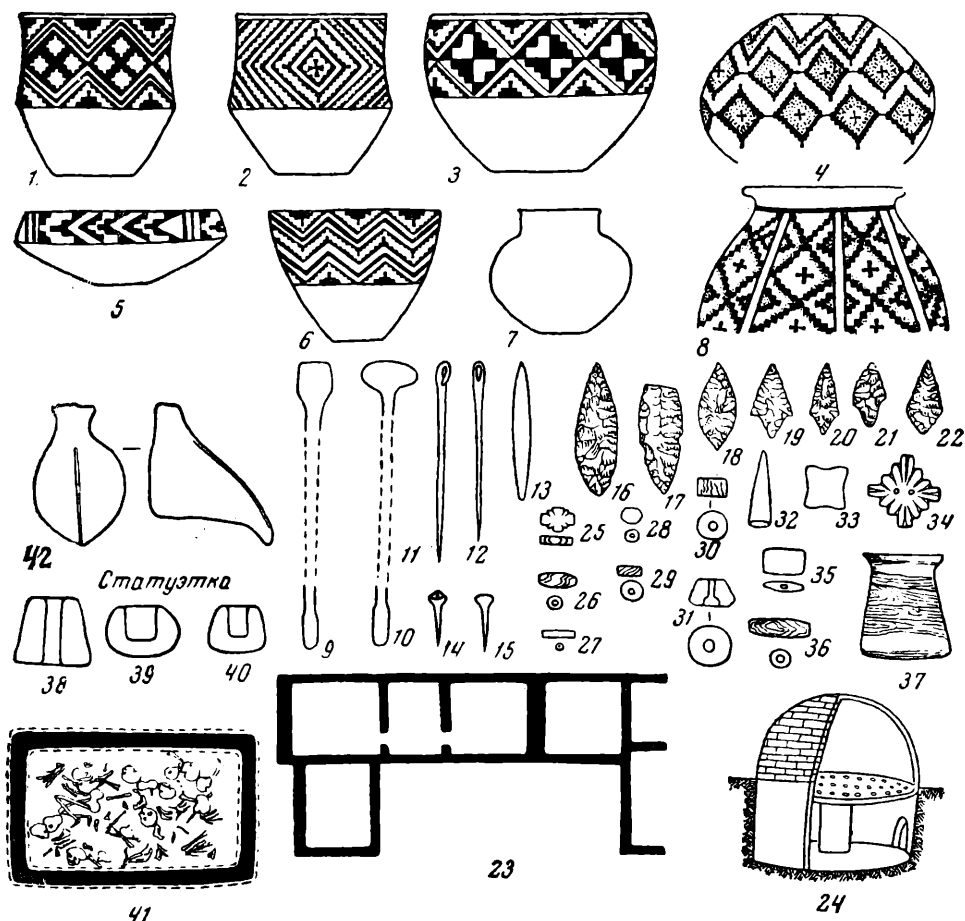

Рис. 15. Материалы с поселения Хапуз-депе

1—2 кубки; 3—полусферическая чаша; 4—сферический сосуд; 5—миска; 6—ковчешская чаша; 7—сероглиняный горшок; 8—хум с росписью; 9—15—медные поделки; 16—22—кремневые наконечники стрел; 23—планировка поселения; 24—реконструкция керамической печи; 25—36—украшения из камня; 37—каменный сосуд из погребения; 38—40—керамические пряслица; 41—коллективное захоронение в гробнице; 42—статуэтка

Керамическая печь, раскопанная на западной окраине, сохранила лишь прямоугольную топку, впущенную в культурный слой. Топка изнутри обмазана в несколько слоев глиной с саманом, корпус плавно сужается к круглому устью. От устья до торцевой части топки тянется продольная стенка; вся внутренняя часть топки сильно ошлакована. Печь относится к типу двухъярусных, у которых обжигательная камера устроена над топкой. Несохранившийся под с продухами опирался на продольную стенку. Аналогичные печи известны на Намазга-депе².

Вторая печь раскопана на южной окраине Хапуз-депе. Сохранилась лишь округлая в плане, впущенная в культурный слой топка с вытянутым устьем. В центре ее сооружен массивный опорный столб, прямоугольный в разрезе (рис. 15—24). Печь также относится к типу двухъярусных, но под обжигательной камерой опирался на столб. Аналогичные, но намного лучшей сохранности горны известны на Намазга-депе, где они выделены нами в первый тип³. Обе печи реконструируются в следующем виде: через

² Подобные печи на Намазга-депе выделены нами во II тип (В. И. Сарияниди. Керамическое производство древнемагрянских поселений. Труды ЮТАКЭ, т. VIII, 1958, стр. 337—338).

³ В. И. Сарияниди. Указ. соч., стр. 335—336.

устье топки загружались дрова; горячий воздух через продухи в перекрытии топки попадал в обжигательную камеру, где стояли полуфабрикаты. Обжигательная камера находилась на поверхности и, видимо, имела купольное перекрытие; сбоку возможно находился загрузочный лаз, через который в камеру ставили приготовленные для обжига сосуды⁴.

Обе печи, по-видимому, использовались уже в пору Намазга IV и, несомненно, в последующее время — Намазга V.

Основной шурф (размер сверху 6×2 м; внизу 1×1 м) был заложен на наивысшей точке поселения и, прорезав семиметровую толщу культурных слоев, углубился еще на 0,5 м в «материковые» аллювиальные отложения. Шурф прошел через завалы сырцового кирпича (остатки разрушенных зданий, мусорных остатков, зольников), а в некоторых ярусах расчищены стены и полы бывших помещений.

Основная часть обнаруженной посуды сделана из плотной массы с незначительными примесями, исключая котлы, в тесте которых большое количество шамота. Нерасписная «столовая» посуда отчасти изготавливалась кольцевой, ленточной техникой с последующей отделкой на гончарном круге. У фрагментов из наиболее ранних слоев шурфа — венчики выделаны на гончарном круге, в то время как тулово формовалось вручную.

В изготовлении расписной посуды отмечается широкое применение техники «наковальни и лопаточки»; не исключено, что этой техникой формировались болванки, заготовленные на гончарном круге. Некоторые сосуды (в первую очередь миски) дают сочетание формовки на гончарном круге с последующим дополнением ручной лепкой⁵.

Как правило, расписная керамика покрыта ангобом, поверх которого нанесена фоновая заглазуровка красного или желтоватого цветов, реже кремовая и зеленоватая. Заглазуровка внутри сосудов обычно темнее, в чем прослеживается более ранняя «геоксюрская» традиция. Сами рисунки выполнены черной или коричневой краской, реже красноватой; в единичных случаях отмечена белая краска. Как правило, орнамент нанесен на внешнюю поверхность, в редких случаях венчики изнутри скупо украшены отдельными элементами геометрического орнамента (рис. 16).

Расписная посуда представлена пятью основными формами: полусферические чаши, конические чаши, миски, кубки, небольшие сферические сосуды. Исключая кубки и сферические сосуды, остальные формы хорошо известны по керамическому комплексу предшествующего, геоксюрского периода.

Нерасписная посуда включает крупные хумы, хумчи, тазообразные тагоры, котлы.

Обратимся к материалам шурфа, который копался по ярусам (один ярус 0,5 м). Всего вскрыто XIV ярусов; нижний слой толщиной до 1 м (XIV—XIII ярусы) содержит фрагменты керамики, роспись которых во многом близка орнаментам посуды верхнего горизонта Чонг-депе. Не исключено, что этот керамический комплекс генетически восходит к посуде позднегеоксюрского типа, однако следует указать, что в шурфе не найдено ни одного фрагмента с ведущим мотивом керамики геоксюрского стиля — крупного, контурного креста. Возможно, это объясняется малыми размерами шурфа, материал которого очень беден и сильно фрагментирован. В целом же материалы XIV—XIII ярусов полностью относятся ко времени Намазга III.

Вышележащая пятиметровая толща культурных напластований (XII—III ярусы) содержит материал времени Намазга IV. Среди расписной посуды наиболее распространены кубки с вертикально поставленными стенками и резко подкошенной придонной частью. Они украшены разнообраз-

⁴ В. И. Сарияниди. Указ. соч., стр. 327, рис. 8.

⁵ Все приведенные наблюдения по технике изготовления посуды сделаны П. М. Кожиным.

Орна- мен- ты Формы												
	+	+	+		+		+	+	+			
			+			+			+	+		
				+		+				+		+
				+							+	
												+
												+

Рис. 16. Таблица форм и орнаментации керамики поселения Хапуз-депе

ными мотивами сильно измельченного геометрического орнамента (рис. 15—1, 2). Второе место по количеству занимают полусферические чаши (рис. 15—3) и миски (рис. 15—5), в меньшей степени — конические чаши (рис. 15—6). Орнаменты этих форм сосудов почти полностью повторяют аналогичные рисунки соответствующих форм керамики геоксюрского стиля. Чрезвычайно редки небольшие сферические сосуды, как правило, украшенные парадной полихромной росписью (рис. 15—4). Крупные сосуды типа хумов и хумчей обычно не орнаментировались и только в единичных случаях они покрыты орнаментацией (рис. 15—8).

В VII ярусе расчищена плохо сохранившаяся подпрямоугольная погребальная камера (240 × 160 см) со следами плетеной тростниковой подстилки на полу. В камере были хаотически нагромождены человеческие кости. Верхние скелеты частично сохранили анатомическое расположение костей, ноги (когда это можно было проследить) согнуты в коленях. Поверх скелетов находилось десять черепов, причем у некоторых из них челюсти отчленены и находятся в разных частях камеры. Судя по взаимному расположению скелетов, захоронения в камере производились последовательно. Из погребального инвентаря найдены две расписные чашечки. Сверху костяки перекрыты развалом сырцового кирпича, по-видимому, остатками разрушенного верха камеры.

В V ярусе расчищен одиночный скелет в обычной могильной яме, у таза находился целый каменный сосудик (рис. 15—37). На границе V—VI ярусов, в обресе шурфа выступили три человеческих черепа, скелеты которых находятся под нераскопанной частью; найдена пронизка и гипсовая бусина. Черепа и верхние части скелетов перекрыты сверху обломками кирпича и, возможно, принадлежат коллективным захоронениям в камере.

В начале IV яруса расчищена «площадка», состоящая из бессистемного скопления человеческих скелетов. Среди костей, преимущественно в верхней части, найдено восемь черепов, около одного из них аккуратно сложено три челюсти. Сверху скелеты перекрыты кусками сырцового кирпича, так что можно предполагать в этом месте большую погребальную камеру (рис. 15—41). Погребальный инвентарь состоит из металлического шила, каменного сосудика и целой расписной чаши.

Часть скелетов осталась невыявленной. Они уходят за пределы исследованной площади.

В середине III яруса, в специальной кирпичной цисте расчищен скорченный костяк, на локте которого лежало необожженное глиняное колесико.

В этом же ярусе обнаружено три больших сосуда типа хумов с детскими захоронениями; в одном из них — два скелета и небольшой сосудик с трубчатым носиком. Если не все, то один из хумов не был закопан в землю, а первоначально стоял снаружи; к моменту раскопок он лежал на боку, так что часть костей высыпалась из него и находилась рядом. Очевидно, хум довольно долго стоял в вертикальном положении, и к тому времени, когда он упал на бок, плоть погребенных уже разложилась. Два хума из трех поставлены вверх дном, а донца их обиты, что, видимо, вызвано небольшими размерами устьев, через которые не проходили трупы. Как видно, для детских погребений употреблялись обычные бытовые сосуды, у которых специально отбивалось дно, через которое и производилось положение умерших. Все эти погребения относятся уже к следующему времени — Намазга V.

Верхняя метровая толща шурфа (I—II ярусы) содержит керамический комплекс, резко отличный от вышеописанного. Вся посуда изготовлена на гончарном круге быстрого вращения и, как правило, нерасписная. Основные формы: крупные хумы, горшки, кувшины без ручек, глубокие миски, воронкообразные вазы на высоких ножках. Большая часть посуды отличается тонкостью выделки, хорошей моделировкой, вычурностью форм. В небольшой мусорной яме найдено два колеса с четко выраженными втулками и схематично вылепленная головка верблюда. Все эти детали принадлежат модели повозки, у которой в переднюю часть вмазана головка верблюда. Такая целая модель четырехколесной повозки известна с Алтын-депе⁶. Кроме того, здесь же найдено пять женских статуэток, у которых спереди спускаются налепные, извивающиеся косы (рис. 15 — 42).

Второй контрольный шурф, размером 4 × 2 м и глубиной 3 м, был заложен на западной окраине поселения. Шурф не был доведен до «материка»; ниже идут культурные слои. Первый сверху ярус соответствует X ярусу шурфа № 1, а общую глубину составляют X—XV ярусы. Материалы вскрытых слоев в целом соответствуют находкам из основного шурфа. На восточном склоне поселения заложена траншея, давшая большой керамический материал времени Намазга IV. Было установлено, что с восточной стороны поселения идет не пологий, а почти вертикальный обрыв, засыпанный надувным песком. Не исключено, что дальнейшие зачистки в этом месте позволят выявить остатки обводной стены, у основания которой проходило древнее русло реки.

Археологические раскопки на Хапуз-депе указывают на его хронологическую и культурно-историческую преемственность с соответствующими наиболее поздними памятниками Геоксюрского оазиса. Миграция древней дельты р. Теджен на северо-запад в начале III тысячелетия до н. э. привела к тому, что весь Геоксюрский оазис оказался практически безводным, и жизнь в нем прекратилась⁷. Однако южнее еще продолжали функционировать полноводные русла, где можно было вести земледельческое хозяйство. Есть все основания предполагать, что выходцы из Геоксюрского оазиса и основали новое поселение Хапуз-депе.

Весь комплекс расписной посуды Хапуз-депе очень близок соответствующим материалам поселения Намазга-депе, где слои периода Намазга IV достигают мощности 6,5 м⁸. Но некоторое отличие в том, что на Юго-Восточных памятниках относительно шире распространена двухцветная роспись, в то время как в подгорной полосе Копет-Дага более полно представлена сероглиняная посуда. Последнее обстоятельство, возможно, дейст-

⁶ А. Ф. Г а н я л и н. Алтын-депе. Труды ИИАЭ, т. V, Ашхабад, 1959, табл. V.

⁷ Г. Н. Л и с и ц ы н а. Основные черты палеогеографии Геоксюрского оазиса. КСИА АН СССР, вып. 93, 1963, стр. 72.

⁸ В. М. М а с с о н. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956; Б. А. Л и т в я н с к и й. Намазга-депе. СЭ, 1952, № 4.

вительно объясняется более близким расположением центрально-анауских памятников к поселениям Северного Ирана⁹. С другой стороны, устойчивое сохранение (хотя и в ограниченном количестве) полихромных росписей в посуде поселений Юга-Востока объясняется в целом местными локальными особенностями предшествующего периода.

Как показали материалы обоих шурфов, уже начиная с ранних этапов периода Намазга IV, большая часть посуды выделяется на гончарном круге. Это обстоятельство имеет решающее значение для определения исторического уровня развития племен Южной Туркмении.

Полученные материалы с Хапуз-депе во многом расширяют круг аналогий между культурами земледельческого юга и более северными племенами, и в первую очередь заманбабинской культурой. Четкие соответствия прослеживаются в кремневом инвентаре, медных и каменных украшениях и др. Особенно важно отметить находку керамической печи на поселении заманбабинской культуры¹⁰, полностью аналогичной вышеописанному горну № 2 Хапуз-депе. Очевидно, есть основания предполагать не только культурное влияние, но и проникновение части населения из подгорной полосы Копет-Дага дальше на север. Не исключено, что это были выходцы из Юго-Восточной Туркмении, наиболее близко расположенной к Бухарскому оазису. Кроме того, именно в этой части земледельческого мира на рубеже III—II тысячелетий до н. э. наблюдается резкое смещение обжитых районов, связанное с изменениями течения основной водной артерии Юго-Восточной Туркмении — древнего Теджена.

Отмеченные связи Юга и Севера Средней Азии — наиболее ранние из археологически засвидетельствованных и имеют важное значение для воссоздания древней истории Средней Азии.

⁹ В. М. М а с с о н. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, 1957, № 4, стр. 48; А. Ф. Г а н я л и н. Археологические памятники горных районов северо-западного Копет-Дага. ИАН ТССР, 1953, № 5, стр. 14—20.

¹⁰ А. А с к а р о в. Поселение Заман-Баба. КСИА АН СССР, вып. 93, 1963, стр. 90.

Я. А. ШЕР

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ НА ОЗЕРЕ СОН-КУЛЬ
(1960—1962 гг.)

К расположенному в Центральном Тянь-Шане, замкнутому со всех сторон горными хребтами озеру Сон-Куль прилегает значительная по площади прибрежная зона, на которой встречаются курганы разных типов, остатки различных каменных сооружений и каменные изваяния. На склонах гор, спускающихся в котловину, обнаружены наскальные рисунки¹.

Некоторые памятники Сон-Куля уже известны в литературе². Данный обзор дополняет сведения об археологическом облике Сон-Куля и преследует цель — показать необходимость широких полевых исследований в этом микрорайоне.

На Сон-Куле пока не обнаружены следы долговременных оседлых поселений, и находки их в будущем вряд ли можно предполагать, поскольку в этом высокогорном районе (береговая линия — 3016 м над уровнем моря) с довольно суровым климатом не было необходимых условий для оседлого образа жизни. Но чрезвычайно богатые пастбища Сон-Куля уже в древности привлекали кочевников-скотоводов. Даже по предварительным данным без раскопок, их памятники можно отнести к разным историко-археологическим периодам.

Памятники ранних кочевников (VI в. до н. э.— IV в. н. э.) обнаружены в следующих пунктах:

Чон-Тюбе — могильник, расположенный в северо-восточной части котловины. Курганы разнотипны по внешнему виду, среди них встречаются кольцевидные плоские каменные выкладки, подобные сакским кромлехам, описанным А. Н. Бернштамом³. Вероятная их датировка — VI—IV вв. до н. э. Выделяется несколько больших курганов, сооруженных из земли и камней. Высота некоторых из них достигает 10 м, диаметр — 30—40 м. Между ними встречаются малые насыпи высотой 0,5 м и диаметром 5—6 м. Те и другие, очевидно, можно отнести к IV в. до н. э.— II—IV вв. н. э. по сходству с курганами усуньского типа, исследованными на территории Тянь-Шаня в разное время. Некоторые из малых курганов могильника Чон-Тюбе были раскопаны в 1954 г. и датированы временем усуньского племенного союза⁴.

¹ Разведки были организованы Институтом истории АН Киргизской ССР и ЛОИА АН СССР. В состав группы в разные годы входили В. А. Гаврилов, В. А. Сальников, Т. Кулматов, С. Кулматов, В. Е. Кулик, Г. М. Швед, Д. В. Ильичев, В. С. Силькевич, В. Б. Альтман.

² R. P u m p e l l i. Explorations in Turkestan. Washington, 1905, p. 114; А. К. К и б и р о в. Археологические работы в Тянь-Шане. Труды КАЭЭ, т. II. М., 1959, стр. 84.

³ А. Н. Б е р н ш т а м. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 33.

⁴ А. К. К и б и р о в. Указ. соч., стр. 84—85.

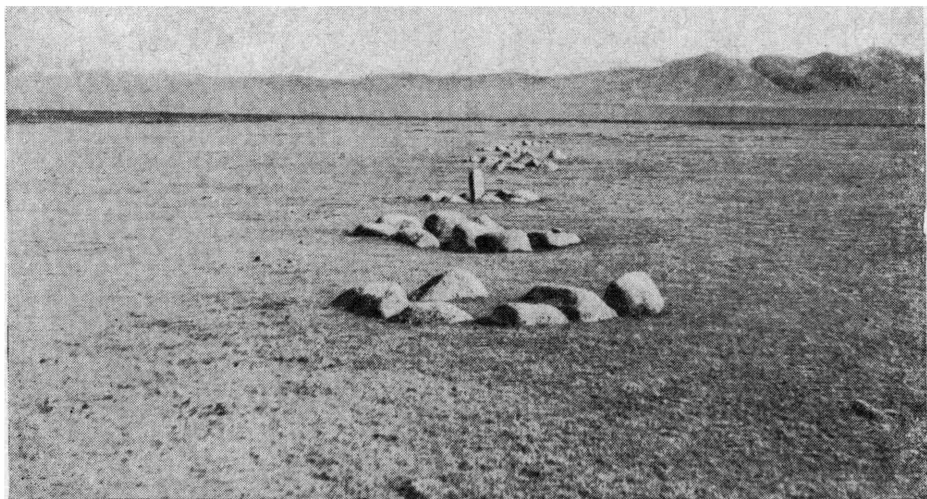

Рис. 17. Археологический комплекс Таш-Тулга

Ак-Таш — могильник, расположенный в том же районе и почти смыкающийся с предыдущим. Состав намогильных сооружений по внешнему виду примерно такой же, как и в Чон-Тюбе. На могильнике Ак-Таш нами обнаружены кольцевидные выкладки из валунов, по восемь камней в каждой. Подробнее речь о них пойдет ниже.

Аналогичные по количеству курганов и их форме могильники обнаружены в урочищах Кумдуу-су (восточный угол котловины), Сары-Булак I (северо-западный берег) и Сары-Булак II (в 2 км к северо-западу от предыдущего).

Таш-Тулга (южный берег) — комплекс каменных сооружений в виде цепочки из девяти кольцевидных выкладок, расположенных в один ряд по линии север — юг, с небольшим (20°) склонением к востоку (рис. 17). В третьей с южного края выкладке внутри стела, ориентированная широкими гранями с северо-запада на юго-восток. Каждая из девяти выкладок состоит из восьми больших валунов. Валуну привезены издалека, так как поблизости их нигде нет. Вторая и шестая выкладки повреждены. Третья выкладка была нами раскопана, однако раскопки не дали никаких данных к объяснению памятника.

Местное население связывает Таш-Тулга с именем эпического героя Манаса, который якобы устроил на этом месте своему войску привал. Камни объясняются как остатки очагов, на которых варился беш-бармак (киргизское национальное блюдо из баранины).

Аналогичные кольца из восьми камней известны на Алтае, в Туве и в Монголии⁵. Некоторые из них были раскопаны, однако и там раскопки не дали достаточных фактов для объяснения «восьмикаменных» колец. Правда, весьма показательна одна случайная находка. Это Майэмирский клад, обнаруженный под камнем одного из таких сооружений. Исследование клада позволило выделить древнейший — майэмирский — этап в археологии ранних кочевников Алтая (VII—V вв. до н. э.)⁶. Конечно, основываясь

⁵ А. В. Адрианов. Отчет о поездке летом 1911 г. Изв. Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1912, серия II, № 1, стр. 107; I. Erdelyi. Jelentes a Mongol-Magyar expedicio 1961. evi munkalatairól. Archaeologia Ertesito, 1962, I, p. 97. И. Эрдейи склонен считать это местом жертвоприношения.

⁶ М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII, 1947.

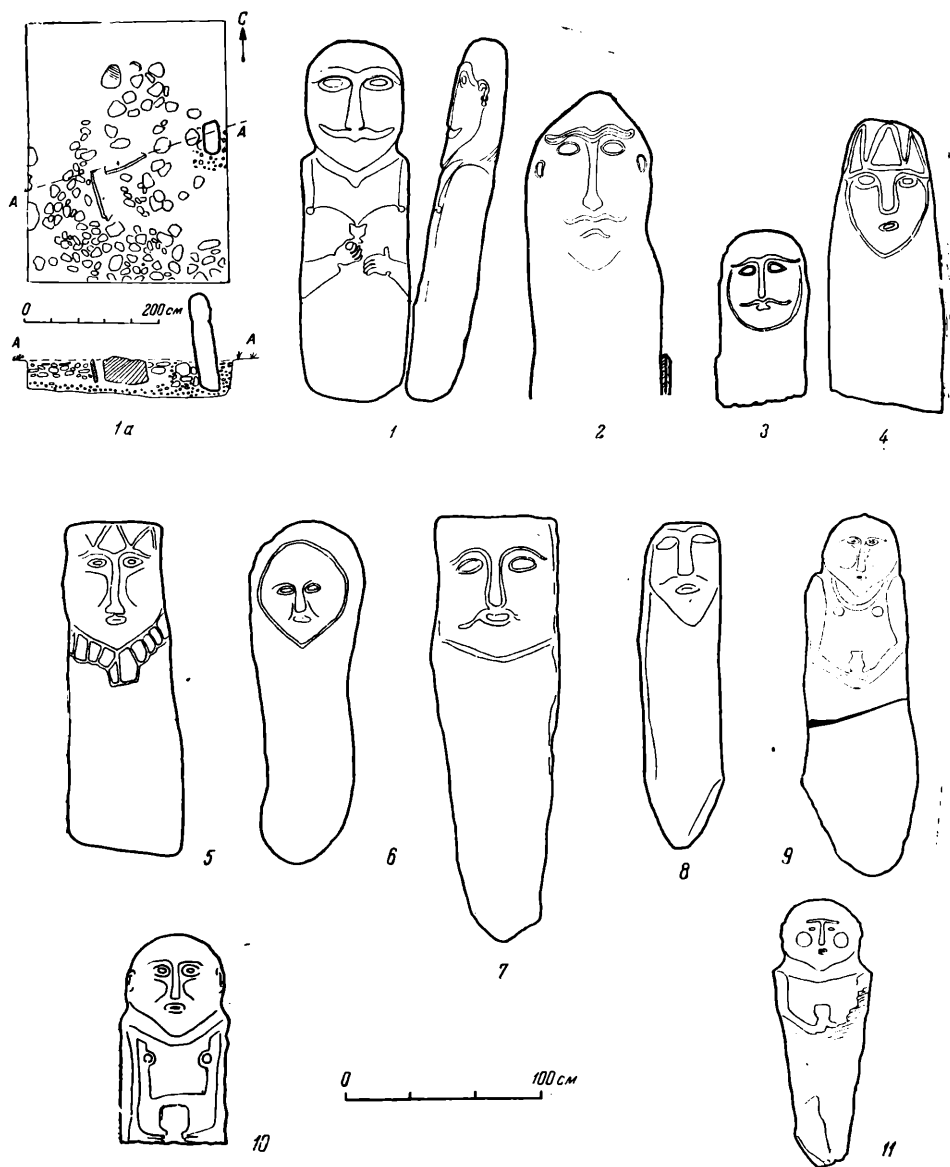

Рис. 18. Древнетюркские каменные изваяния на Сон-Куле

1 — Узбек-сай (1 а — местоположение изваяний в Узбек-сае); 2, 3 — Сары-Булак; 4 — Кумдуу-су;
5—8 — Чон-Тюбе; 9—11 — Кок-Булак

на внешнем сходстве, трудно говорить определенно, но во всяком случае такое совпадение внешних признаков не может быть случайным. Думается, что исследование комплекса Таш-Тулга и «восьмикаменных» колец в других местах Сон-Куля может дать свидетельства древнейших связей населения Тянь-Шаня с Алтаем и другими районами Центральной Азии.

Памятники поздних кочевников (VI—IX вв.). Особо интересны каменные изваяния, обнаруженные на Сон-Куле.

Узбек-Сай (северный берег). Фигура из серого гранита. Плоский рельеф. Лицо мужское, монголоидное. В ушах серьги в каплевидными подвесками. Правая рука согнута под прямым углом и держит перед грудью двумя пальцами за ножку кубок с характерно выгнутыми краями. Левая — прижата к груди. На треугольных отворотах кафтана на углах круглые шарики

(бубенчики). Правая пола кафтана сверху. Рукава узкие, облегающие. Стоит у восточного края разрушенной ограды лицом на восток. Раскопками обнаружены остатки ограды со следами сожжения внутри ее (рис. 18 — 1, 1а).

Сары-Булак (северо-западный берег). Лицо мужское, монголоидное, голова не выделена из монолита, показаны уши (рис. 18 — 2). Темно-серый песчаник. Стоит лицом на восток. Следов ограды не обнаружено.

Сары-Булак (северо-западный берег). Лицо мужское, монголоидное, голова не выделена из монолита. Изображение нанесено контурным рисунком на поверхности четырехгранной стелы из серого песчаника (рис. 18 — 3). Нижняя часть изваяния обломана. Обнаружено рядом с предыдущей фигурой.

Кумдуу-су (восточный берег). Лицо монголоидное, пол неясен, голова не выделена из монолита. «Трехрогий» головной убор. Изображение нанесено резным, контурным рисунком на плоской стороне узкой плиты из серого, крупнозернистого гранита (рис. 18 — 4). Изваяние лежало у разрушенной или раскопанной кем-то оградки, от которой осталось несколько плит. Положение оставшихся плит позволяет предполагать, что оградка была ориентирована сторонами по странам света.

Чон-Тюбе (восточный берег). Лицо монголоидное, пол неясен. Голова не выделена из монолита, нижняя часть лица оконтурена врезной линией. На груди изображены неясные детали одежды. «Трехрогий» головной убор (рис. 18 — 5). Стела из серого гранита, уплощенный рельеф.

Чон-Тюбе (восточный берег). Антропологический тип и пол неясны. Овал лица прочерчен контурной замкнутой линией. Нос и надбровья изображены рельефом (рис. 18 — 6). Серый, удлиненный валун. Вместе с предыдущим изваянием лежало у разрушенной или раскопанной ограды.

Чон-Тюбе (восточный берег). Лицо мужское, монголоидное. Голова не выделена из монолита, нижняя часть лица ограничена контурной линией (рис. 18 — 7). Изображение нанесено на плоскую грань стелы контурным рисунком.

Чон-Тюбе (восточный берег). Лицо мужское, монголоидное. Голова не выделена из монолита. Изображение лица нанесено уплощенным рельефом на стеле из серого крупнозернистого гранита (рис. 18 — 8). Вместе с предыдущим изваянием обнаружено у разрушенной или раскопанной оградки.

Кок-Булак (северо-западный берег). Лицо женское, монголоидное. Голова выделена из монолита, показаны плечи. На шее полукруглая гривна. Руки полусогнуты в локтях и держат перед животом сосуд в форме кринки с поддоном. Рельефными кружками показана женская грудь (рис. 18 — 9). Серый гранит, рельефное изображение. Первоначальное положение на местности не установлено.

Кок-Булак (северо-западный берег). Лицо женское, монголоидное. Намечены плечи, голова выделена из монолита. Руки вытянуты вдоль туловища и неестественно согнуты в запястьях. В руках сосуд неясной формы. Рельефными кружками показана женская грудь (рис. 18 — 10). Нижняя часть, по-видимому, обломана. Темно-серый гранит, уплощенный рельеф. Лежало неподалеку от предыдущего. Первоначальное положение на местности не установлено.

Кок-Булак (северо-западный берег). Лицо монголоидное, пол неясен. Голова выделена из монолита, показаны плечи. Руки согнуты в локтях и держат перед животом сосуд неясной формы (рис. 18 — 11). Нижняя часть изваяния справа повреждена. Серо-зеленый гранит, рельефное изображение. Изваяние обнаружено на правобережной террасе ручья Кок-Булак среди развала камней.

Каменные изваяния Сон-Куля иконографически разнородны, но не выходят за рамки особенностей присущих древнетюркской каменной скульптуре. Они относятся к трем иконографическим группам: 1 — изваяния

с сосудом в правой руке и без оружия (рис. 18 — 1), 2 — изваяния с изображением только лица или головы (рис. 18 — 2—8), 3 — изваяния с сосудом в обеих руках, без оружия (рис. 18 — 9—11). Первые восемь фигур имеют многочисленные аналогии не только на Тянь-Шане и в Семиречье⁷, но и в Южной Сибири и Центральной Азии⁸. Датируются они временем между VI и IX вв. Установка этих изваяний у культовых оградок была связана с древнетюркским погребальным обрядом, при котором тело умершего сжигалось, а в его честь сооружался поминальный храм⁹, у которого приносились жертвы. В тех случаях, когда умерший не принадлежал к высшей аристократии, вместо храма сооружалась аналогичная по конструктивному решению скромная каменная ограда¹⁰ со статуей умершего у ее восточной стенки.

Вероятно, совсем иной смысл был вложен в изваяния, подобные трем последним фигурам (рис. 18 — 9—11). Каноническая поза человека, держащего в двух руках сосуд, встречается на изображениях, которые не могли относиться к описанному выше обряду в силу своих незначительных, «карманных» размеров¹¹. Скорей всего это изображения обожествленных предков, известные в Южной Сибири задолго до тюрков¹² и сохранившиеся у них, независимо от обряда поминовения умерших. Особо интересны женские изображения, которые не встречаются в тюркское время в Южной Сибири. Характер изображения женской груди на изваяниях № 9 и № 10 свидетельствует о том, что здесь трактован образ не женщины-матери, а обожествленной девы. Образ девы-прародительницы известен в легенде о происхождении уйгуров¹³, и возможно, что перед нами тот же образ, запечатленный в камне.

Наскальные рисунки в большом количестве обнаружены в урочищах Кок-Булак и Кылаа (северо-западный берег). Преобладают отдельные изображения животных: козлов, яков, горных баранов. Встречаются и сцены, связанные единым сюжетом. Изображения различаются по стилю, технике, степени сохранности, что явно свидетельствует об их неодновременности. В одних случаях козлы изображены схематично в виде тамги, что позволяет связывать их с тюркским временем (VI—IX вв.)¹⁴, в других — это геометризованное изображение, очевидно, значительно более древнее. Привлекает внимание сцена охоты на козлов (рис. 19 — 8). В левом верхнем углу изображен человек, метнувший какое-то удлиненное, изогнутое орудие. Два козла расположены один под другим, а правее их еще какое-то животное с очень длинными (в 1,5 раза длиннее туловища) рогами. Вероятно, это изображение не относится к данной сцене. Специального внимания заслуживает форма предмета, изображенного между козлом и человеком. Наиболее вероятно, что это метательное орудие. Изогнутость не позволяет считать его дротиком. Некоторые близкие по сюжету сцены в наскальных рисунках Киргизии объяснялись как охота с бумерангом¹⁵.

⁷ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, табл. X; «Археологическая карта Казахстана». Алма-Ата, 1960, табл. VI—IX.

⁸ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, № 24, 1952; А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961 и др.

⁹ Liu Ma u - T s a i. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Osttürken (t-u-küe). Wiesbaden, 1958.

¹⁰ Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата. «Вестник МГУ», 1960, № 1.

¹¹ A. Salmony. Notes on a «Kamennaya baba». Artibus Asiae, vol. XIII, 1/2, 1940.

¹² М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. СА, XII, 1950.

¹³ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. 1. М.—Л., 1950, стр. 215.

¹⁴ А. Д. Грач. Петроглифы Тувы, I. Сб. МАЭ, т. XVII, 1957.

¹⁵ Н. Д. Черкасов. Бумеранг в наскальных рисунках древнего Киргизстана. Изв. АН Киргизской ССР, серия обществ. наук, т. II, вып. 3, 1960.

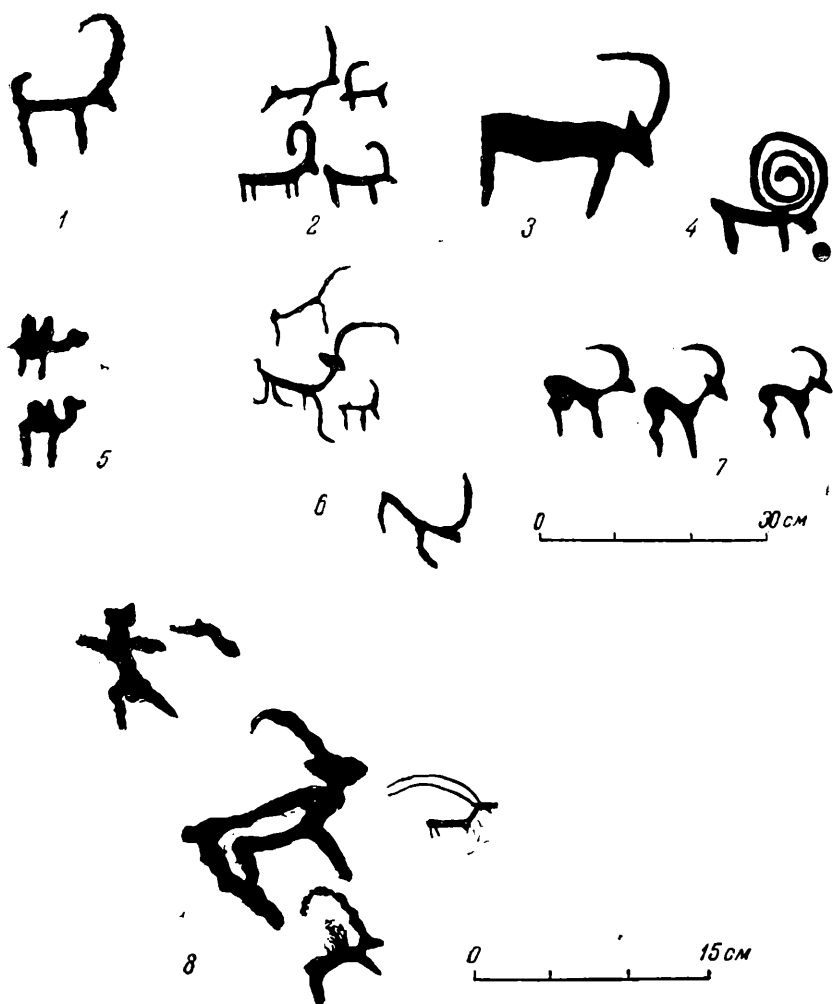

Рис. 19. Наскальные рисунки в урочищах Кок-Булак и Кылаа
1, 3 — Кок-Булак; 2, 4, 8 — Кылаа

Но подобная интерпретация и не может быть принята безоговорочно; следует продолжать поиски более ясных сцен с охотничьими сюжетами.

* * *

Внимание первых исследователей археологии Тянь-Шаня привлекали прежде всего две проблемы: 1) военно-политическая роль древнего населения Тянь-Шаня в истории народов Средней Азии и 2) место древних племен Тянь-Шаня в истории киргизского народа¹⁶. В результате многолетних археологических исследований, проводившихся в основном под руководством А. Н. Бернштама, был накоплен значительный материал, который позволил представить себе общую схему периодизации памятников Тянь-Шаня и сделать первые обобщения историко-культурного характера¹⁷. Однако полевые работы носили рекогносцировочный и выборочный характер. До сих пор на Тянь-Шане нет ни одного полностью раскопанного памятника.

¹⁶ А. Н. Бернштам. Древний Тянь-Шань. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 140.

¹⁷ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952.

Дальнейшее изучение археологии Тянь-Шаня необходимо вести путем комплексного и полного исследования памятников отдельных, наиболее характерных в археологическом отношении микрорайонов.

Одним из таких микрорайонов можно считать котловину озера Сон-Куль, где на сравнительно небольшой территории сосредоточено большое количество памятников разных эпох. Полное археологическое изучение Сон-Куля позволит не только уточнить хронологию памятников Тянь-Шаня, но и выявить статистически устойчивые закономерности в развитии кочевого скотоводства в условиях высокогорья, а также связанные с материальными условиями особенности общественной и духовной жизни.

В. И. КОЗЕНКОВА, Е. И. КРУПНОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕРЖЕНЬ-ЮРТОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ
в 1962 г.

В 1962 г. 2-й отряд Объединенной Северо-Кавказской археологической экспедиции Института археологии АН СССР, Чечено-Ингушского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы и Грозненского музея краеведения продолжил раскопки двухслойного поселения эпохи энеолита и поздней бронзы (вернее, раннего железа) у селения Сержень-Юрт Шалинского района Чечено-Ингушской АССР¹.

Работы были сосредоточены на холме I², где заложены два раскопа общей площадью около 600 м². Глубина культурного слоя в среднем не превышала 0,8 м. Верхняя часть слоя состояла из многократно перепаханного серого суглинка с включением незначительного количества сильно перемешанных отдельных фрагментов керамики и др. предметов. Основной культурный слой как и в прошлые годы состоял из темного, комковатого суглинка с включением культурных остатков в виде развала камней от основания стен, многочисленных вещей, костей животных и массы керамики. Средняя толщина этого слоя 0,4 м. Под ним залегал слой коричневатого вязкого суглинка с отдельными включениями керамики энеолитического типа. Толщина не превышала 0,2 м. Стерильной прослойки между этими слоями, как и раньше, не прослеживалось.

Нижний «энеолитический» слой в значительной степени был нарушен многочисленными хозяйственными ямами более позднего периода жизни поселения; встречались лишь единичные находки из самой нижней части общего культурного слоя, а также из ям, связанных с верхним слоем периода раннего железа. В этом году удалось проследить, что первоначально поселение в эпоху энеолита занимало не весь холм, а лишь его наиболее возвышенную западную окраину, и только позднее заселена вся площадь. Из энеолитических находок интересна серия предметов из камня: шлифованные и сверленные топоры, обломок круглой булавы с незаконченным сверлением и тесловидное орудие, весьма типичное для энеолитических памятников Северо-Восточного Кавказа и Закавказья (рис. 20)³.

¹ В состав 2-го отряда входили: начальник СКАЭ — Е. И. Крупнов; производитель работ — В. И. Козенкова; фотограф — И. А. Межеричер; лаборанты — Е. И. Мерзлякова, М. Б. Плотровский, Э. В. Грачев, К. М. Волков; студенты Грозненского пед. института и Московского Архитектурного института.

² Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры на территории Чечено-Ингушетии. СА, 1962, № 3, стр. 176—198; Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. КСИА АН СССР, вып. 88, 1962, стр. 33—34; Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР, Грозный, 1961, стр. 27.

³ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961, стр. 60, рис. 12; В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД, т. I. Махачкала, 1959, стр. 121; А. Д. Столяр. Мешоко — поселение майкопской культуры. «Сборник материалов по археологии Адыгеи», т. II, Майкоп, 1961, стр. 93, рис. 18 (2).

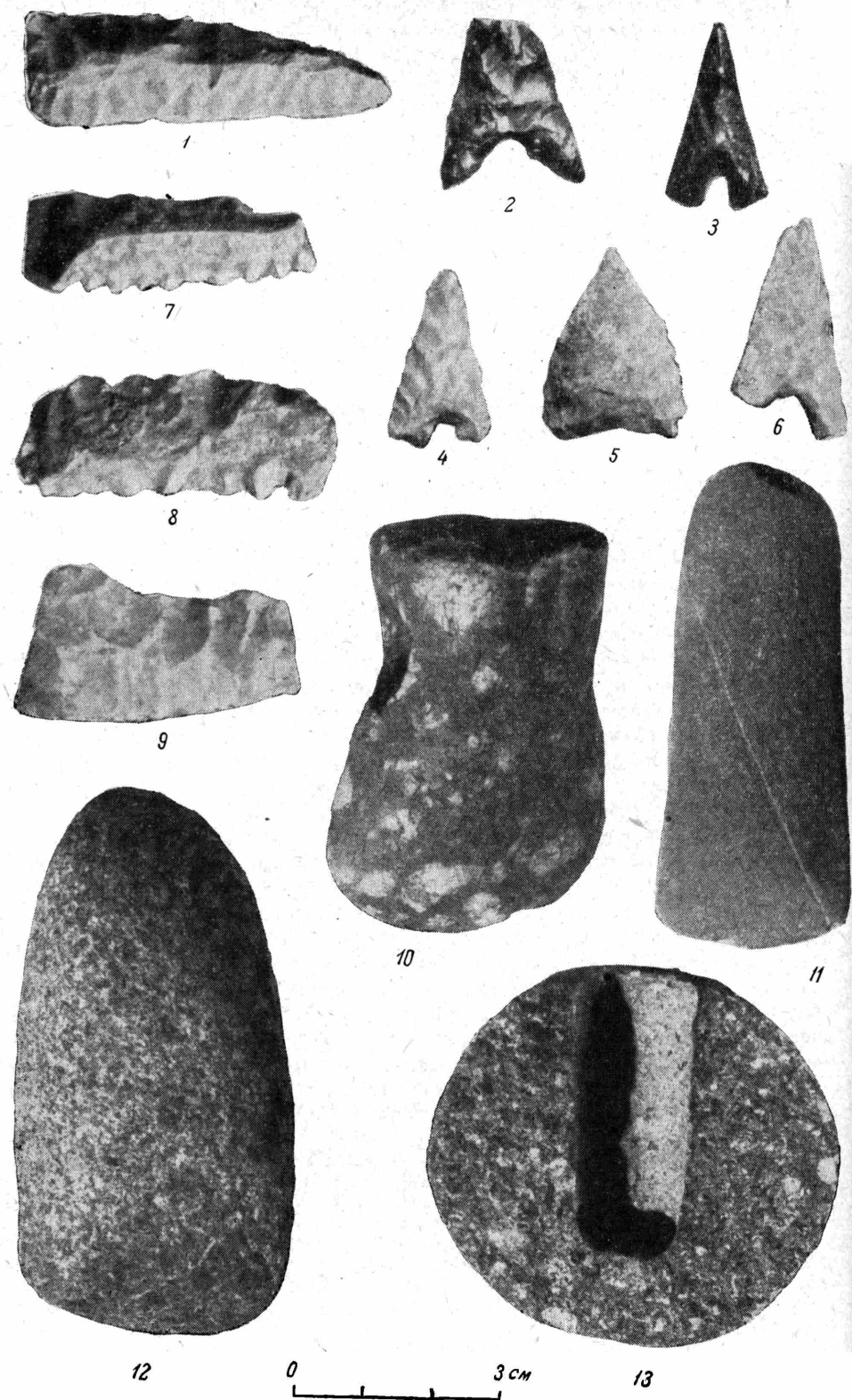

Рис. 20. Каменный инвентарь (1—13) из энеолитического слоя поселения Сержень-Юрт 1

В нижнем культурном слое найдено много кремневых наконечников стрел с выемкой в основании, кремневых концевых и срединных вкладышей для составных серпов, костяных проколов, роговых мотыг и другие предметы, характерные для энеолитических памятников Северного Кавказа и так называемого куро-аракского энеолита⁴. Среди обломков хорошо отмученной красноглиняной керамики с пачкающей поверхностью⁵, большинство находок которой сделаны в основании развалов стен поздних построек, интересен край небольшой миски с тычковым орнаментом по краю венчика.

Основной, т. е. верхний, культурный слой поселения сохранился лучше. В нем были расчищены остатки жилищ и хозяйственных комплексов. От жилищ сохранились поверхности пола, пропитанные сажей, и развалы оснований стен, сложенных из больших камней с применением деревянных плах и глинобитной обмазки. По сохранившимся отдельным участкам удалось выяснить, что жилища, видимо, были округлой формы, площадью примерно 4×3 м. Они близко примыкали друг к другу, образуя многокомнатный дом. Внутри жилища на полу обнаружено большое количество всевозможных предметов — обломки зернотерок и скопления черепков разных сосудов. Так, в границах строения в раскопе № 4 найдено свыше 30 предметов: глиняные статуэтки животных, глиняные льячки и бронзовые капли от литья, бронзовые ножи и наконечники стрел, скопление коровьих и бараньих астрагалов.

В раскопе № 3, восточнее расположения строений расчищено жертвенное место, сходное с жертвенниками, исследованными в 1961 г., но лучшей сохранности. На небольшом глинобитном возвышении, когда-то огражденном стенкой, была устроена гладкая площадка размером $0,8 \times 1$ м, обожженная докрасна. На ней были сложены челюсти свиней и череп быка. При зачистке жертвенника найдено четыре глиняные статуэтки лошади, пять миниатюрных сосудиков, воспроизводивших формы горшков, обычных для поселения, миниатюрная льячка в виде глиняного ковшика, две глиняные модели колеса, каменный оселок и обломки сосудов.

В восточной части раскопа № 3, пересекая его по диагонали⁶, расчищена углубленная в землю галечная вымостка-дорожка длиной свыше 25 м, шириной в среднем 2 м; вдоль ее краев шли два параллельных желобка шириной 0,12 м; расстояние между ними 1,5 м. По внешнему краю галечной дорожки на обе стороны отмечены развалы крупных камней и обмазки, возможно, от каких-то стен. При расчистке поверхности вымостки обнаружено большое количество костей животных, отдельных вещей и обломков керамики.

По всей площади обоих раскопов, на уровне основного слоя располагались 67 ям, заполненных культурным слоем. По форме они делились на конические с удлинённой горловиной, цилиндрические, как правило, неглубокие и ямы с небольшими уступами. Стратиграфически все они относились к одному периоду, но различались по времени сооружения: ямы относительно более ранние, чем остатки строений, так как стены их перекрывали; ямы, синхронные жилому комплексу (расположенные вдоль вымостки, по обе ее стороны) и, наконец, группа относительно поздних ям, разрушивших остатки стен строений и галечную вымостку. В основном все ямы мало различимы по материалу, найденному в их засыпи. Кроме большинства ям хозяйственного назначения (хранилища-кладовые, ледники), в 1962 г. выявились ямы производственного характера. Они размещены большей частью около галечной вымостки (раскоп № 3) и в южном конце раскопа № 4. Одна из

⁴ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 257; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа..., стр. 49, рис. 7.

⁵ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 185; Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 99.

⁶ Вымостка пока полностью не расчищена, особенно в западной стороне раскопа.

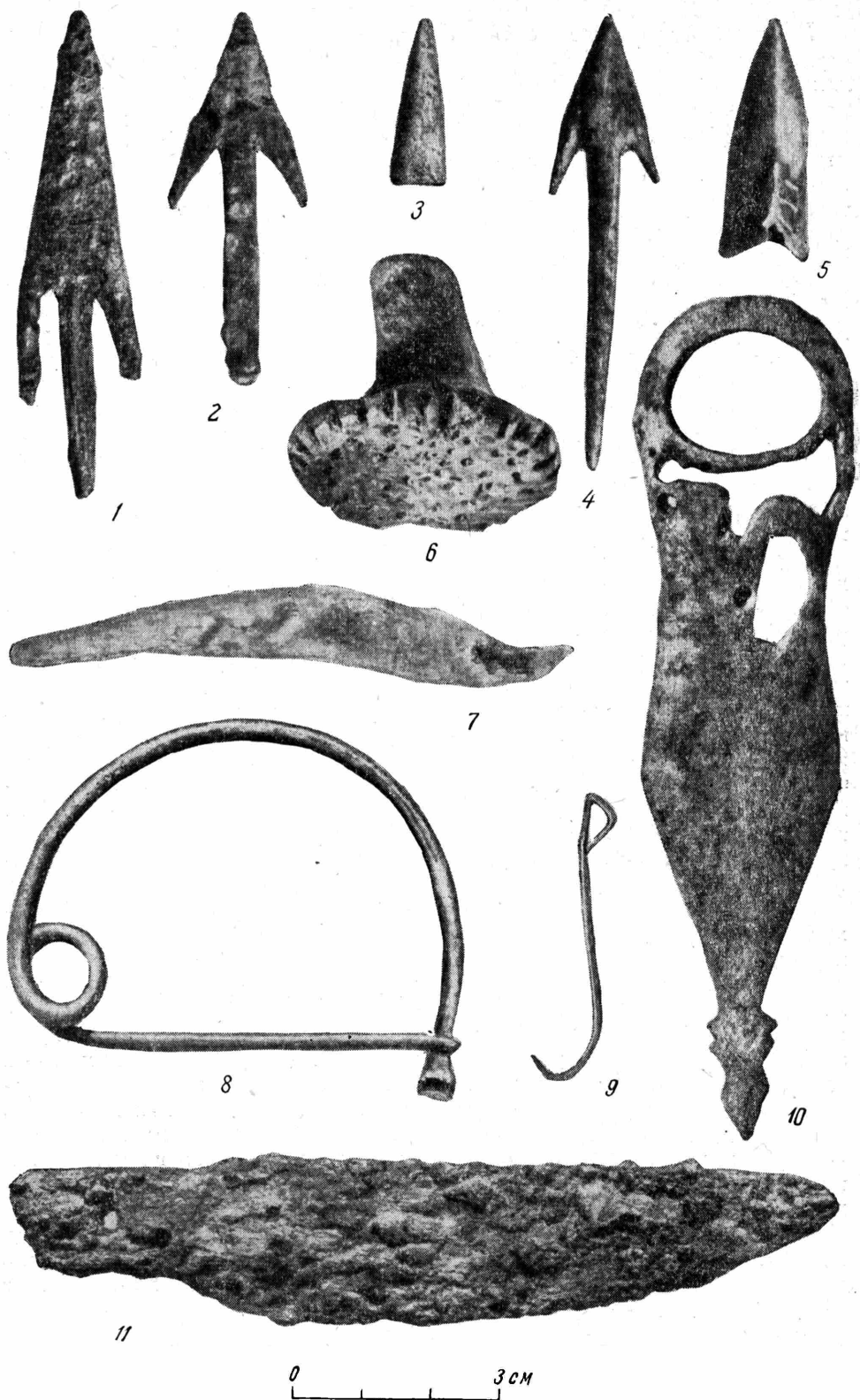

Рис. 21. Предметы из слоя железного века поселения Сержень-Юрт 1

1—5 — наконечники стрел; 6 — штамп-пинтадера; 7 — нож бронзовый; 8 — фибула; 9 — крючок рыболовный; 10 — обкладка; 11 — нож (1, 2, 7—9 — бронза; 3—5, 10 — кость; 6 — глина; 11 — железо)

них яма-горн (раскоп № 3) в плане неправильно овальной формы. С восточной стороны к овальной топке по касательной примыкала сильно прокаленная и закопченная траншея дымохода. На дне топки и в дымоходе лежал слой мягкой, светлой золы толщиной 3—4 см, в завале ямы отмечены куски шлакированной обмазки и обгоревшей земли. Заполнение почти всех ям производственного назначения состояло из обожженной земли с большим количеством золы и очень ограниченным числом находок. В раскопе № 4 зачищены ямы, связанные с производством глиняных статуэток животных. В этих ямах, в завале, среди обгоревшей земли найдено много полуфабрикатов (необожженных образцов) и большое количество бракованных, испорченных при обжиге фигурок.

Для основного слоя поселения I, как и в прошлые годы, характерна насыщенность находками. В 1962 г. обнаружено около 900 предметов, относившихся к эпохе раннего железа. Самых железных предметов немного. Это три черешковых ножа с утолщенными спинками. Один из них прямой (рис. 21—11) и три слегка изогнутые. Ножи имеют многочисленные аналогии в комплексах раннескифского времени, в частности даже в погребениях Нестеровского могильника VI в. до н. э.⁷ Более разнообразны предметы из бронзы. Найдено несколько наконечников стрел (рис. 21—1, 2) — черешковых с опущенными крыльями, закавказского типа⁸ и «плющиков», широко известных в Самтаврском могильнике и в памятниках Северного Кавказа (Нестеровский и Березовский могильники, Змейское поселение и др.). Интересен набор бронзовых черешковых ножей (рис. 21—7), шильев и игл. Впервые на этом поселении найдены бронзовые рыболовные крючки (рис. 21—9). Из украшений встречены многочисленные бронзовые спиральные пронизки, бляшки, цепочки. Особо следует отметить великолепную дугообразную фибулу (рис. 21—8); аналогии ее есть в хорошо известных памятниках кобанской культуры раннего этапа⁹. Большинство бронзовых предметов находилось в слое и связано с остатками построек. Из каменных поделок, найденных в основном слое, можно отметить оселки для заточки ножей и круглые ядрища для пращи. Последние также попадались большей частью вблизи развалов стен и, очевидно, широко применялись обитателями поселения в качестве оборонительного оружия. Кроме Сержень-Юрта они известны из аналогичного по культуре и времени Змейского поселения в Северной Осетии.

Находки 1962 г., как и предыдущих лет, показали широкое использование обитателями поселения кости и рога в качестве сырья для изготовления всевозможных предметов. Некоторые из них пока непонятны по своему назначению, например крупные роговые молотообразные орудия, известные в слое Алхастинского и Змейского поселений. Среди костяных поделок выделяется несколько наконечников стрел (рис. 21—3—5). Кроме уже известных на поселении типов (черешковых, пулевидных и пирамидальных, втульчатых наконечников), в 1962 г. обнаружен новый тип — втульчатый, ромбический в сечении (рис. 21—5). Близкие аналогии ему отнесены к периоду поздней степной бронзы — до VII в. до н. э.¹⁰ Впервые в слое поселения (в ямах) найдены три костяные обкладки, изготовленные из расщепленных трубчатых костей и рога. Одна из них — вытянутая, подтреугольная, с заостренным стреловидным концом, украшена прорезным орнаментом (рис. 21—10); вторая — роговая, грубо имитирующая

⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 280, рис. 46 (6).

⁸ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 55.

⁹ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, № 3, 1941, табл. II; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 236, 466. табл. XLIV (6).

¹⁰ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, стр. 11, рис. 39 (А14, 22).

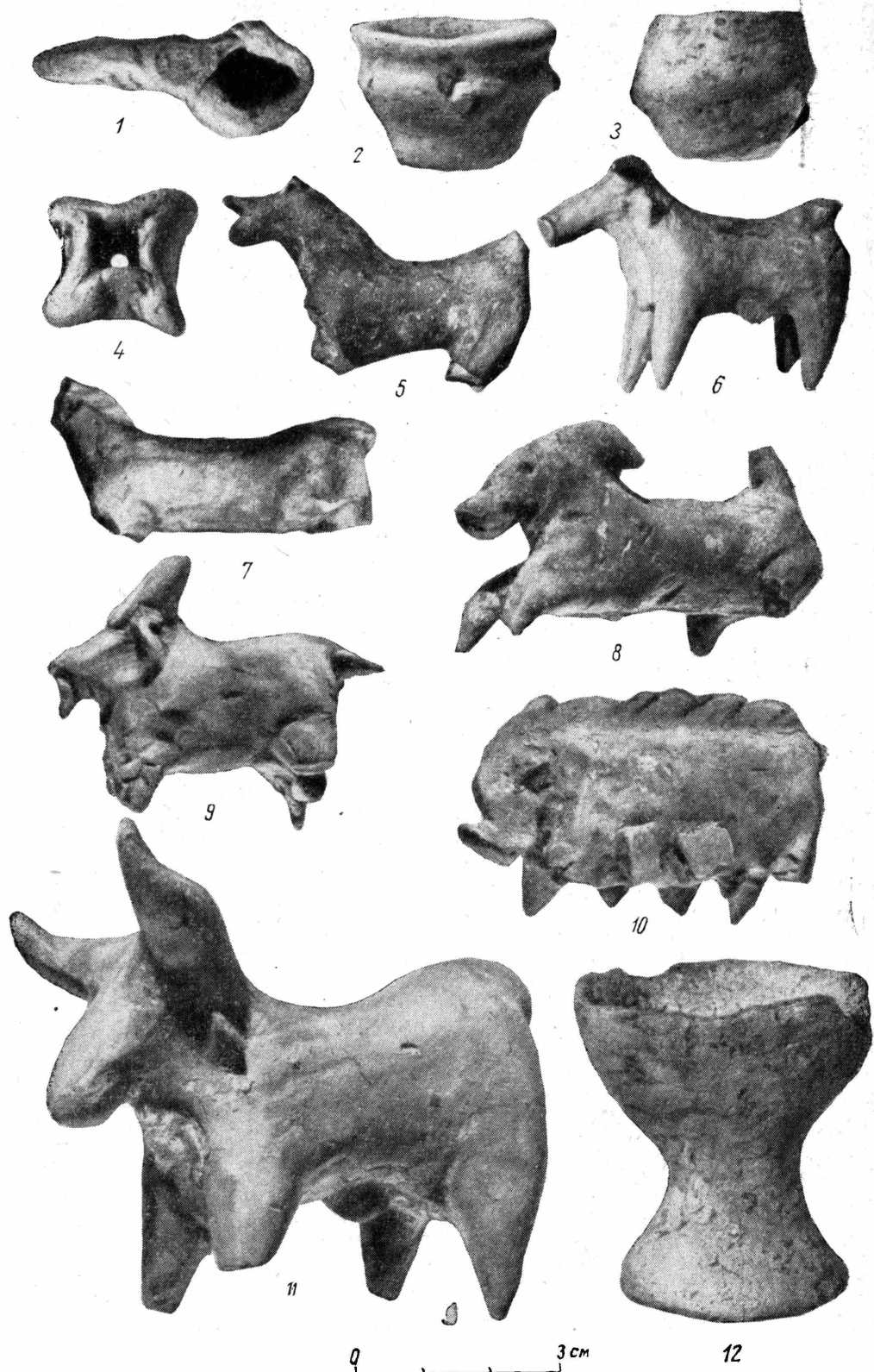

Рис. 22. Изделия из глины (1—12) из слоя железного века поселения Сержень-Юрт 1

небольшой кинжал, и третья — слегка изогнутая, полированная, украшенная циркульным орнаментом. Назначение последнего предмета не совсем понятно. Первые два, возможно, служили накладками для ножен кинжала. Эти находки особенно важны для выяснения истоков специфически кавказского вооружения. Заслуживают упоминания и костяные лопатки с заостренным и волнистым краем и особенно многочисленные роговые предметы с отверстиями и с заостренными концами, служившие для закрепления ремней вьючного груза. Любопытно, что такие же роговые и деревянные предметы еще до недавнего времени употреблялись горцами Северного Кавказа для тех же целей.

Из глиняных предметов, найденных в основном слое поселения, можно отметить прясла, льячки, круглые лепешки-«таблетки» непонятного назначения, керамические шарики, и особенно штампы, или «пинтадеры» (рис. 21 — б), различных типов, но все в виде канцелярских печатей. Они дополняют уже известную серию штампов, найденных на Сержень-юртовском и других поселениях Чечено-Ингушетии¹¹.

Значительно пополнилась также интересная коллекция глиняных статуэток животных (рис. 22 — 5—11). Их найдено на поселении около 300 экземпляров. Среди них фигурки быка, барана, лося, козла, свиньи, кабана, собаки, птицы. Лошадь представлена двумя породами — типа битюга с массивным корпусом и типа скакуна с удлинненным телом, тонкой шеей и маленькой головой. Большинство статуэток встречено в ямах, в слое же эти находки сосредоточены вблизи развала строений или около жертвенника. Обилие находок, тщательность их изготовления, реалистичность, граничащая с некоторым натурализмом изображения, наводят на мысль о существовании здесь особого культа животных. Этнография и археология Кавказа дают множество доказательств в пользу этого положения¹².

Керамика основного слоя включает и обломки, и целые сосуды, которые хорошо известны по раскопкам прежних лет. Сероглиняную посуду неровного обжига, иногда с лощением, украшали орнаментом: наlepные по краю венчика валики с зашипами; наlepы на корпусе сосудов в виде косых, горизонтальных или вертикальных коротких валиков: наlepы-шишки посредине корпуса и т. д. Из форм можно назвать баночные горшки с прямым венчиком и маленьким дном, биконические сосуды с прямым или отогнутым венчиком и маленьким дном, миски с перегибом корпуса, кружки и миниатюрные горшочки. Новая находка — фрагмент стенки чернoглиняного сосуда с орнаментом в виде прочерченных вертикальных полос. Сходный орнамент известен на сосудах из Алхастинского и Змейского поселений¹³. Впервые встречен в слое поселения обломок стенки сосуда с рельефным орнаментом в виде фигуры идущего лося (сохранилась передняя часть с хорошо моделированной мордой, передними ногами и торчащим рогом).

Фрагменты сосудов с поверхностью, обмазанной жидкой глиной, так называемого каякентско-хорочоевского типа в слое единичны и найдены в нижней части культурного слоя. Такой прием обработки поверхности лепной посуды зародился в Чечне и Дагестане в эпоху средней бронзы, если судить по материалам могильника у с. Гатын-Кале (Асланбек-Шерипово)¹⁴.

¹¹ E. Крупнов. *Kaukasische «Pintaderas»*. Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, XCII, Wien, 1963, стр. 197.

¹² Г. В. Чурсин. *Очерки по этнографии Кавказа*. Тифлис, 1913, стр. 168; П. С. Уварова. *Могильники Северной Осетии*. МАК вып. VIII. М., 1900. табл. XLVII—XLIX.

¹³ Д. В. Деолик, Е. И. Крупнов. *Змейское поселение кобанской культуры*. Сб. «Археологические раскопки в районе Змейской в Северной Осетии». Орджоникидзе, 1961, стр. 24, рис. 7 (7—8).

¹⁴ В. И. Маркович. *Новый памятник эпохи бронзы в Чечне*. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963.

Новые материалы, полученные во время раскопок 1962 г. (железные ножи, керамика со щипковым орнаментом и др.), несколько уточнили ранее предложенную датировку основного слоя поселения XI—VIII вв. до н. э. и отодвинули ее до начала VII в. до н. э. Полностью осталось в силе утверждение о принадлежности поселения Сержень-Юрт к кобанской культуре Северного Кавказа, к одному из ее локальных вариантов. Это было естественно укрепленное убежище для определенной родо-племенной группы, которая в мирное время селилась в ближайших окрестностях. Основным занятием жителей поселка было земледелие и скотоводство, что подтверждено массовыми находками зернотерок и костей животных. По определению В. И. Цалкиным остеологического материала, первое место в стаде занимал крупный рогатый скот, второе — свинья; большую группу составлял мелкий рогатый скот (овцы и козы), были и лошади. Дополнительными промыслами в хозяйстве служили охота и рыболовство, что подтверждено находками костей диких животных (благородного оленя, косули, кабана, медведя, зайца) и рыболовных крючков. Изготовление глиняной посуды, и особенно статуэток животных, литье из бронзы, косторезное дело, возможно, изготовление поделок из камня, свидетельствуют о довольно высокой степени развития «домашнего» ремесла, продукция которого удовлетворяла потребности определенной родо-племенной группы населения близлежащей округи. Наличие на поселении специальных помещений для изготовления керамических изделий указывает на степень специализации этой отрасли производства.

Опыт исследования поселения Сержень-Юрт значительно обогатил нас новыми представлениями о хозяйственной жизни, быте, культурных связях восточных племен — носителей кобанской культуры — с племенами Центрального Кавказа, Дагестана и Закавказья. Уже теперь комплекс двуслойных Сержень-юртовских поселений можно признать ведущим бытовым комплексом Чечни, дальнейшее полевое исследование которого, несомненно, позволит кавказоведам вписать новые страницы в древнейшую и древнюю историю не только Чечено-Ингушетии, но и всего Кавказа.

В. И. МАРКОВИН

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ
СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ И ЧЕЧНИ

В 1962 г. Нагорный отряд СКАЭ¹ проводил археологические работы в горных и плоскостных районах Северной Осетии и Чечни.

В Северной Осетии у с. Дзуарикау на второй речной террасе р. Фиадон, к северу от селения, на пересечении шоссейной дороги с проселочной была собрана небольшая коллекция расколотых кусков андезита и серой яшмовой породы. Среди них выделяются отщеп мустьерского облика, сколотые пластины, обломки дисковидных нуклеусов, три крупных отбойника².

В районе с. Кора-Урсдон на левой террасе, взвывающейся над р. Урсдон, обнаружено второе местонахождение предметов каменного века. Среди находок выделяются нуклеус довольно правильной призматической формы, скребок, слегка подретушированные ножевидные пластины, обломок выемчатого орудия. У всех предметов — неолитоидный облик. Оба местонахождения, несомненно, должны быть учтены специалистами по эпохе камня и тщательно изучены.

В черте г. Орджоникидзе исследовался сильно разрушенный курган диаметром 45—50 м и высотой 5,5 м. Насыпь его состояла из рыхлого и плотного суглинка с галькой. По краям курган отмечен очень крупными гранитными валунами, некогда образовавшими вокруг него кромлех. Над центральной частью кургана обнаружен завал из крупных речных валунов, простиравшийся с запада на восток на 16,5 м при ширине 8 м. Под валунами, в центре завала расчищена яма с слегка закругленными углами, вытянутая с запада на восток и углубленная в материк (3,6 × 2,35 × 0,6 м). В ней удалось проследить остатки могильного сооружения: деревянные балочки, окружавшие захоронение, были скреплены кольями — по узким сторонам и валунами, положенными по длине ямы (рис. 23—1, 2). Вся эта конструкция была перекрыта деревом. В восточной части могилы сохранился тлен от костяка ребенка (лежал, вероятно, скорченно на правом боку, головой на восток). Возле него расчищены четыре разбитых сосуда, у ног найден бронзовый кинжал (рис. 23—3). Пятый сосуд стоял у южной стены могилы, рядом с ним собрано 1375 мелких пастовых бусин, а у северной стены обнаружены кость животного и 12 сердоликовых бусин (рис. 23—5), сохранявших форму ожерелья. Почти все сосуды — высокие горшки, сделаны из черной, слегка комковатой глины, поверхность их хорошо лощеная. Один из них имеет ручку энеолитического типа, два сохраняют на дне отпечатки грубой ткани типа мешковины (рис. 23—4).

¹ Начальник СКАЭ — Е. И. Крупнов, начальник отряда — В. И. Марковин. Научные сотрудники — Г. И. Андреев, А. А. Исламов, Е. Ф. Снежко, Т. Б. Тургиев, Р. Д. Цогоева.

² Материал осматривался П. И. Борисовским и А. П. Чернышом.

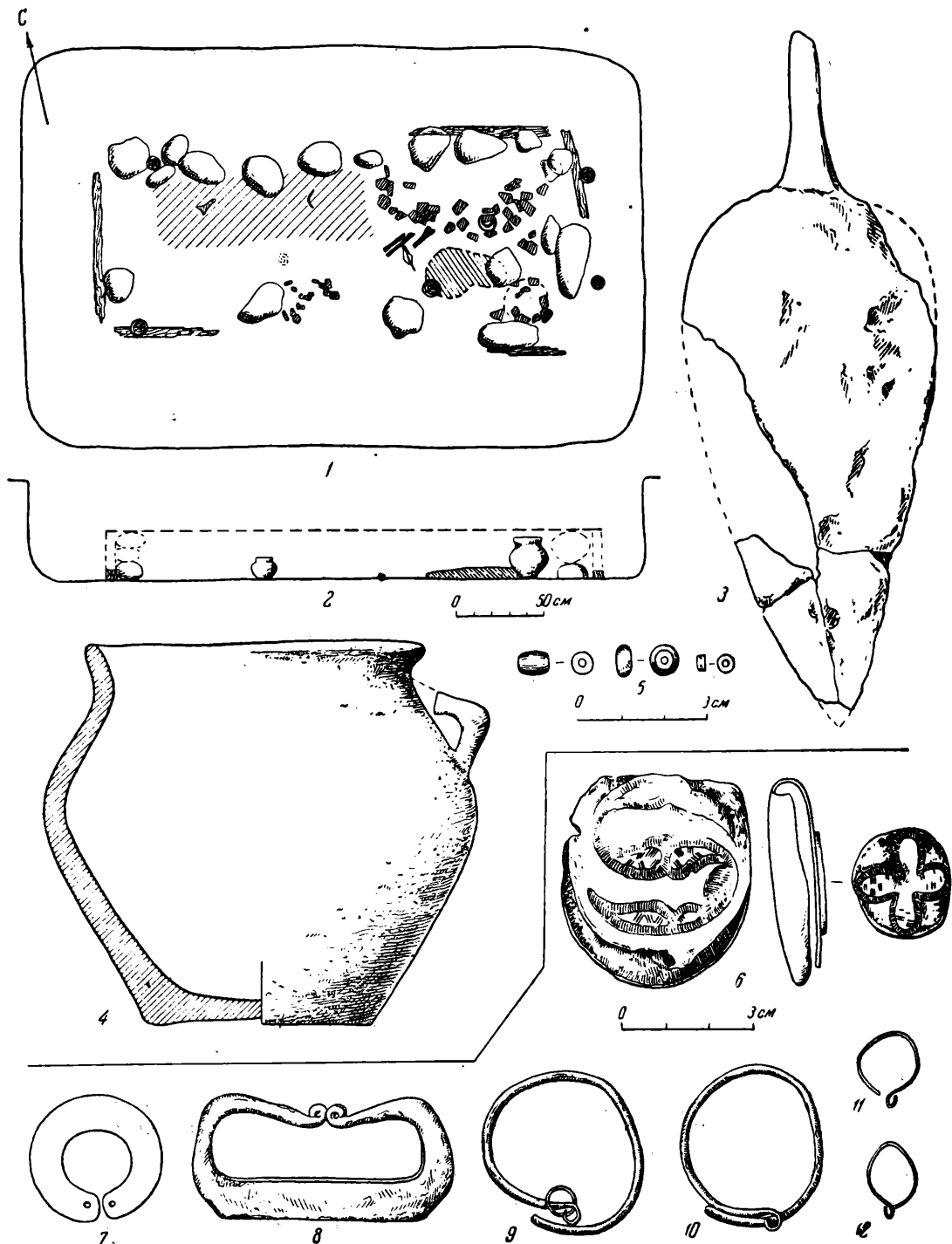

Рис. 23. Археологические памятники Северной Осетии

Курган в черте г. Орджоникидзе: 1 — план погребения; 2 — разрез погребения (реконструкция); 3 — бронзовый кинжал, 4 — сосуд с отпечатками ткани на дне; 5 — сердоликовые бусы. Находки из средневековых памятников: 6 — кожаная сумочка из с. Архон; 7 — сережка-подвеска из с. Архон; железное кресало из с. Цимити; 9, 10 — серебряные сережки из с. Дзвигис; 11, 12 — бронзовые сережки из с. Ардон (6—9 — из каменных ящиков; 11, 12 — из кургана)

Сосуды подобных форм известны из могильника Фаскау и с. Галиат (у одного из горшков отпечатки такой же плетенки на дне)³.

Бронзовый кинжал с удлинённым черенком (длина около 15,5 см) отдаленно напоминает кинжалы из дольменов ст. Новосвободной. Близки новосвободненским и сердоликовые бусы. Конструкция могилы архаична — близка майкопскому типу, хотя захоронения, обложенные деревом, известны в Северной Осетии и в довольно поздних памятниках (могильник Беахни-Куп у с. Чми). Исследованный курган мы склонны относить к первым векам II тысячелетия до н. э. Несомненно, необходимо продолжать раскопки подобных крупных курганов. Это позволит выяснить многие вопросы, связанные с культурой древних местных племен в эпоху бронзы.

В результате разведок по ущельям рек Архон, Гизельдон и Фиэгдон обнаружены средневековые могильники у с. Архон, местность Майрам (к западу от «города мертвых»), Даргавс (в селении, по левому берегу речки Лагкайдон), Цимити (в верхней части селения среди башен) и с. Дзивгис (на левом берегу Фиэгдона, в 1,5 км от селения вниз по течению реки). Могильники состоят из каменных ящиков удлинённых форм. Обряд погребения одинаков — костяки лежат вытянуто на спине, головой на запад, руки лежали вдоль тела, правая кисть иногда покоится на тазе. В ящике у с. Даргавс найдены остатки двух костяков, обломки керамики и костяная пуговка. В ящике у с. Архон обнаружены две плоские сережки (рис. 23 — 7), обрывки золотистой парчи (на правом плече), железный нож, кожаная сумочка с вышивкой (рис. 23 — 6) с обломком деревянного гребня и частью бронзового зеркала. В гробнице с. Дзивгис возле черепа человека распилены челюсти двух овец, рожок молодого бычка, подвеска-бусинка синего стекла с железным ушком, две серебряные сережки со спиральными окончаниями (рис. 23 — 9), железный нож и пряжка. В могиле у с. Цимити обнаружены железная пряжка, обломки двух ножей, остатки кожаного мешочка с кремнем и кресалом (рис. 23 — 8). Судя по находкам, могильники могут быть датированы XIII—XV вв. (анalogии вещам найдены в погребениях Чечни, Кабарды, в плоскостной части Северной Осетии). Особенно интересно то, что гробницы могильника в с. Цимити расположены на улицах между башен, уходят под некоторые постройки. Это позволяет более определенно датировать средневековые архитектурные сооружения, что обычно делалось только на основе анализа конструкции бойниц, машикулей и т. д.

В районе с. Ардон, на высокой террасе р. Водокачки зафиксирована курганная группа, носящая у осетин название «кашаджи уалмарта», т. е. кабардинские курганы. Она состоит из 137 насыпей высотой до 1,2 м и диаметром до 10—4 м. Здесь был раскопан один курган (высота — 0,45 м, диаметр — 5 м). Насыпь его состояла из почвенного слоя, выложенного речными валунами, и слоя глины. В материк впущена овальная яма (1,2 × 0,7 × 0,4 м), на дне которой на спине лежал вытянутый детский костяк, обращенный головой к западу. В районе черепа найдены остатки ожерелья, состоявшего из бронзового четырехгранного жгута ажурного плетения, зеленой стеклянной бусинки и бронзовой спиральки-пронизки. Тут же лежали две тонкие бронзовые сережки, оканчивающиеся спиральками (рис. 23 — 11, 12). Инвентарь и обряд погребения не оставляют сомнений в принадлежности кургана кабардинцам XV—XVI вв.⁴

Отрядом осматривались также осетинские средневековые архитектурные памятники.

В Чечне отряд продолжал исследования восточных, пограничных с Дагестаном, районов республики и вскрыл курганы у с. Гойты.

³ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 37, 38, рис. 6, 5.

⁴ О. В. Милорадович. Кабардинские курганы XIV—XVI вв. СА, XX, 1954, стр. 346—349.

Восточная часть Чечено-Ингушетии, особенно бассейны мелководных рек Яман-Су, Ярык-Су и Аксай, отделенные друг от друга невысокими лесистыми горами, очень интересны для археологического изучения. Русла этих рек выходят на плоскость и в то же время ведут в глубь Андийского хребта; они могли служить прекрасным путем для продвижения различных племен. Кроме того, восточные районы Чечни расположены на границе древних культур горного Дагестана и степной части Северного Кавказа. Археологические работы подтвердили специфичность этого участка.

В районе с. Зандак (бассейн р. Ярык-Су) отрядом исследовался грунтовый могильник и собраны интересные материалы⁵. Могильник расположен в местности Гегачу-Бурсане, на самой высокой террасе р. Ярык-Су, в трех километрах от ее русла (рядом с конторой колхоза им. Ю. А. Гагарина). Здесь было заложено два раскопа и вскрыто 29 погребений, из них 16 — в каменных ящиках, остальные грунтовые. Ящики по долине ориентированы с северо-востока на юго-запад и с севера на юг, образуя ряды. Сложены они из плит мягкого желтоватого песчаника, некоторые сохранили перекрытия (внутренние размеры ящиков: от $1,14 \times 0,9 \times 0,7$ м до $0,33 \times 0,27 \times 0,25$ м).

Установлен различный обряд погребений: в некоторых ящиках находилось по одному костяку в сильно скорченном положении, на левом боку, головой на юг (погребения 9, 10, 25); в других — костяки лежали в такой же позе, но на правом боку, головой на юго-запад (11, 26); расчищено погребение (27) с двумя скорченными детскими костяками, обращенными друг к другу. В трех погребениях (1, 5, 24) рядом со скорченными костяками лежали сдвинутые в сторону кости ранее погребенных и, наконец, обнаружены ящики с разбросанными костями (7, 14, 15, 23). Грунтовые могилы также большей частью содержали разбросанные кости. Рядом с одним грунтовым погребением (2) расчищен остов коня (на левом боку, головой на юго-восток). Во всех могилах найдено большое количество вещей.

Опишем некоторые из погребений в ящиках.

Погребение 9 — со скорченным костяком на левом боку, головой на юго-восток. Перед черепом стоял крупный сосуд с небольшим днищем (высота его 21,5 см, диаметр устья 24,5—23 см, дна — 8,2 см). У правого виска височная подвеска. В области груди обнаружены пять сердоликовых рубленных бусин (рис. 24 — 10). Тут же лежала плоская костяная туалетная ложечка, орнаментированная углублениями (рис. 24 — 3). На костях рук, обращенных к лицу, найден бронзовый кинжал ромбической формы с заклепками от рукоятки (длина клинка 12,2 см; рис. 24 — 4), на костях левой руки — браслет, оканчивающийся стилизованными головками животных (рис. 25 — 6). За спиной покойного лежала булава из известково-железистого минерала (диаметр 5,1 см, высота 3,7 см). В области таза найдена круглая подвеска, свернутая в 2,5 раза.

В погребении 10 (костяк находился в таком же положении) за черепом лежал бронзовый плоский наконечник стрелы-площика, а вдоль согнутой руки массивное бронзовое втульчатое копье (длина его 28,6 см, рис. 24 — 1). На костях правой руки найден пластинчатый браслет, а у груди — бронзовый нож (длина 8,2 см). В ногах стояли два крупных сосуда, под ними были кости коровы. Тут же лежал еще один площик и бронзовый предмет непонятного назначения. За спиной покойного был небольшой браслет и расчищены остатки колчана с пятью костяными наконечниками стрел (рис. 24 — 14) и четырьмя площиками. Тут же находилось бронзовое

⁵ С 1944 по 1956 г. с. Зандак называлось Дагбаш. В 1953 г. М. И. Пиккуль проводила здесь разведочные работы. См. М. И. Пиккуль. Дагбашский могильник. Ученые записки ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. IX. Махачкала, 1961, стр. 298—318. Исследованный нами могильник обнаружен в 1962 г. учителем Х. Т. Абдуллажковым.

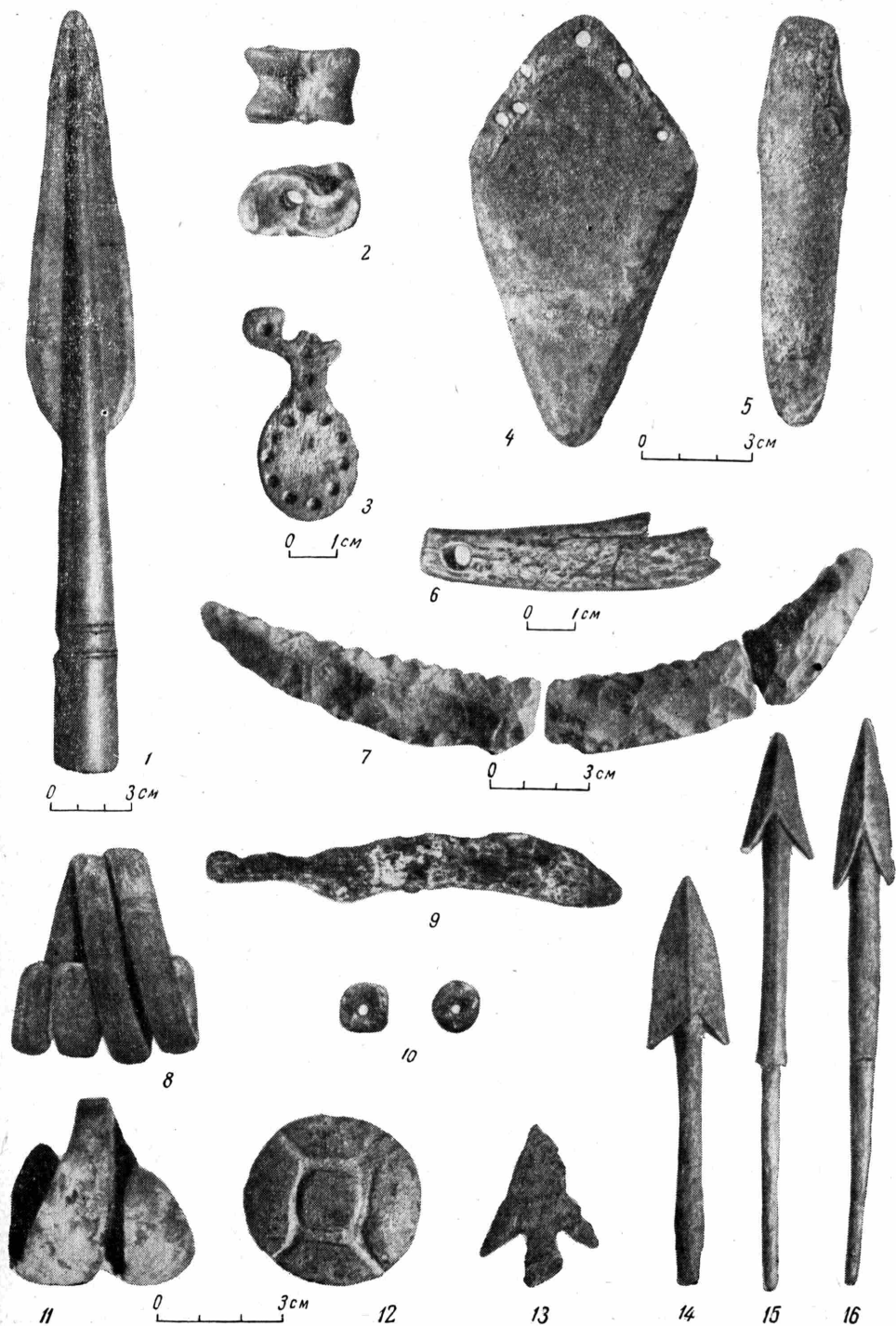

Рис. 24. Находки из могильника у с. Зандак.

1 — бронзовое копье; 2 — игральные кости — альчики; 3 — костяная туалетная ложка; 4 — бронзовый кинжал; 5 — бронзовый нож; 6 — костяной псалий; 7 — кремневые вкладыши серпа; 8 — двойные бронзовые височные подвески; 9 — железный нож; 10 — сердоликовые бусы; 11 — височная подвеска; 12 — бронзовая бляха; 13 — бронзовый наконечник стрелы-плошник; 14—16 — костяные наконечники стрел (11 — погр. 1; 3, 4, 10 — погр. 9; 1, 2, 14—16 — погр. 10; 9 — погр. 14; 5, 6 — погр. 15; 7, 8, 12 — погр. 23; 3 — погр. 29)

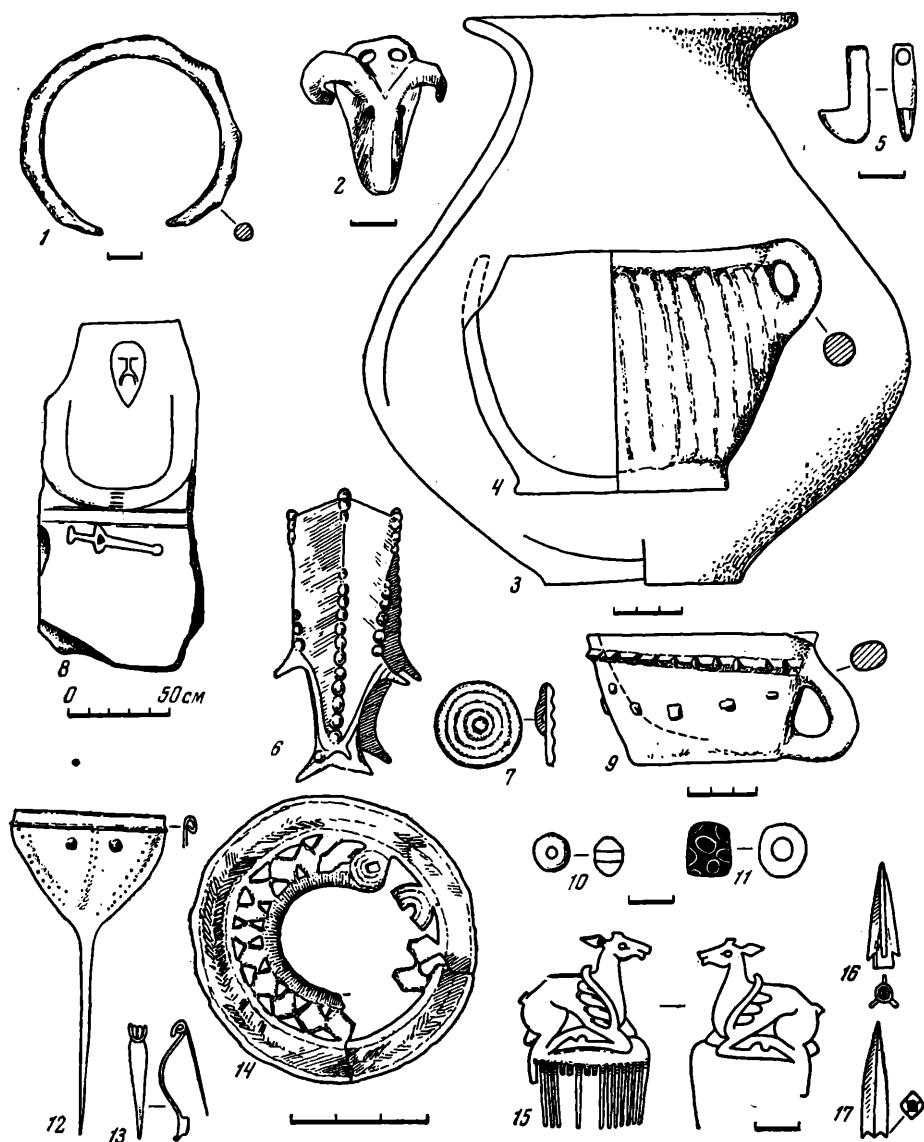

Рис. 25. Археологические памятники Чечни. Вещи из могильника у с. Зондак

1 — железный браслет из погр. 29; 2 — бронзовая головка барана — подвеска из погр. 15; 3 — сосуд из погр. 23; 4 — сосуд из погр. 10; 5 — костяная подвеска из погр. 11; 6 — бронзовый браслет из погр. 9; 7 — сурьмяная пуговка из погр. 23. Находки из склепа в с. Галайты; 8 — каменная стела; 9 — сосуд; 10, 11 — бусы; 14 — бронзовая бляха; могильник Яман-Су; 12 — бронзовая булавка из погр. 5; 13 — бронзовая фибула из погр. 6; курганы у с. Гойты; 15 — костяной гребень из кургана 4; 16, 17 — бронзовая и костяная стрелы из кургана 3

четырёхгранное шило в тополевой рукояти⁶. Близ шейных позвонков найдены еще два плошика. Почти все они сохранили остатки древков, к которым привязывались растительным волокном. В юго-восточном углу ящика стоял невысокий сосуд с ручкой, тулово которого было покрыто обмазкой (высота 10,4 см, диаметры: устья — 12 см, дна — 9,6 см. Рис. 25—4); рядом с сосудом лежали два просверленных альчика (барьяны астрагалы — игральные кости. Рис. 24 — 2) и бронзовая обоймочка.

⁶ Дерево определялось Г. Н. Лисицкой.

Погребение 23 содержало разбросанные кости двух скелетов. В северо-западном углу ящика стоял крупный сосуд с гладкой поверхностью, с сильно суженным и отвернутым венчиком (высота 25 см, диаметры: устья — 15 см, тулова — 25,3 см, дна — 8,6 см. Рис. 25 — 3). Рядом лежала литая бляшка от пояса (рис. 24 — 12) и пять кремневых вкладышей серпа. Три из них составляли целый серп (рис. 24 — 7), а два были положены как запасные. У черепа, лежавшего в северной части могилы, найдены каменная бусина, кость коровы, у другого черепа — кремневый отщеп и цилиндрический бисер из голубой пасты (более 300 штук), а также шесть круглых пастовых бусин и мелкие «рогатые» бусины (124 штуки). В юго-восточном углу стояла коническая мисочка. Кроме этого, на дне могилы найдены шесть сурьмяных пуговиц (рис. 25 — 7), четыре массивные бронзовые височные подвески (рис. 24 — 8) с перехватами в верхней части для привязывания.

Мы описали находки только трех могил. К этому можно добавить массивную муфту из рога оленя (погребение 19), костяные псалии (погребения 3 и 15, рис. 24 — 6), бронзовую подвеску в виде головки барана (рис. 25 — 2) и костяные пуговицы (погребение 15), костяные подвески в виде крючков или топориков-секирок (погребение 11, рис. 25 — 5), пряслица, оселки и массу других предметов. Особенно важны находки железных предметов — браслет с несомкнутыми концами (погребение 29, рис. 25 — 1) и нож со слегка выгнутой спинкой (погребение 14, рис. 24 — 9)⁷. Эти находки дают право говорить о принадлежности могильника к эпохе раннего железа. Однако такие предметы, как бронзовые четырехгранные шилья, ножи, кинжал, каменные рубленые бусы, изделия из кости, придают обнаруженному комплексу архаичный облик. Сравнивая эти предметы с закавказскими находками, Зандакский могильник в целом можно датировать концом II тыс. — XVIII в. до н. э., что позволяет говорить о раннем использовании железа не только на территории Грузии⁸, но и племенами Северо-Восточного Кавказа. Могильник у с. Зандак содержит черты каякентско-хороочевской культуры, что прослеживается в конструкции ящиков, их расположении, обряде погребения и в инвентаре (керамика с обмазкой, массивные подвески и проч.). Однако инвентарь могильника своеобразен — многие предметы из металла близки закавказским (копье находит аналогии в находках из Кахетии, кинжал — из Самтавро, Грма-Геле и т. д.), другие находят аналогии пока только в пределах Чечни (браслеты с зооморфными окончаниями — Сержень-Юрт, Шали)⁹. Полные раскопки Зандакского могильника помогут выяснить важный период в истории местных племен — конец эпохи бронзы и переход к освоению железа.

В с. Галайты (бассейн р. Аксай) отрядом исследован каменный склеп, обнаруженный жителями. Склеп (размеры камеры 1,54 × 1,05 м при высоте 0,8 м) был облицован каменными плитами, причем восточная оказалась грубым изваянием усатого мужчины — воина со сложенными на животе руками и со скифским мечом-акинаком на поясе (рис. 25 — 8). Плита лежала на боку (вторичное использование). Склеп был перекрыт косо положенной плитой, покоившейся на упорах (один сдвинут). Над одним из них

⁷ Оба погребения (14 и 29) в ящиках и содержат разбросанные кости. В № 14 найдена керамика с обмазкой, рубленые бусы, просверленные альчики; в № 29 — кремневые вкладыши, бронзовые площадки, костяные наконечники стрел и пр. Обломок железного ножа найден также в погребении 17.

⁸ С. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. Вестник Гос. музея Грузии, т. XIX А и XXI В. Тбилиси, 1957, стр. 140, сводная таблица; Он же. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. Вестник Гос. музея Грузии, т. XXII В. Тбилиси, 1961, стр. 378, 379.

⁹ Р. М. Муңчаев. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии. КСИА АН СССР, вып. 84, 1961, стр. 58—61, рис. 18, 3; браслет из Шали — находка Ш. Борщикова в 1913 г., Эрмитаж, № 451.

было совершенно захоронение — покойный лежал на спине, коленями вверх, головой на север, а немного в стороне — погребение в каменном ящике. У грунтового погребения найдена ручка от сосуда грубой лепки. Расчистка склепа дала обломки такой же керамики и две бусины — стеклянную желтого цвета и синюю глазчатую (рис. 25 — 10, 11). Кроме того, учителем А. Л. Лулуевым были переданы находки из склепа — серия бус (глазчатая, рифленая и др.), ажурная бронзовая бляха (рис. 25 — 14), которая напоминает бляхи из могильника Бежта в Дагестане, тонкий браслет, керамическое пряслице и пять сосудов: две кружки с налепным орнаментом (рис. 25 — 9), два горшочка и сосуд с ручкой. Все эти материалы находят аналогии в инвентаре Лугового могильника в Ингушетии¹⁰. Это дает право датировать материал скифским временем — скорее всего V в. до н. э. Степль, подобные найденной, известны из г. Дербента в Дагестане, с. Замни-Юрт, Мескеты, Бети-Мохк (бассейн р. Аксай) в Чечне. Как видно, влияние степных племен распространялось не только вдоль Каспия, но и вглубь гор по руслам рек.

На могильнике Яман-Су в районе дагестанского с. Шушия, на границе Чечни и Дагестана продолжены работы, начатые в 1962 г. Всего раскрыто 17 погребений. Установлено два типа захоронений — в каменных ящиках и в грунте. Ящики ориентированы длинной осью с северо-запада на юго-восток. Все погребения содержат отдельные разбросанные кости. Так, в погребении 16 (ящик 14,5 × 1,25 × 0,75 м) найдены останки шести человек. Черепа их и кости сдвинуты к длинной (восточной) стене могилы. В погребении 14 между мощными плитами обнаружены отдельные человеческие кости и лошадиные остовы (в юго-восточной части могилы находились три лошадиных черепа — один с удилами и псалиями в виде дуг). Инвентарь могильника (рис. 25 — 12, 13) и размещение погребений указывают на его двуслойность: с одной стороны, это вещи позднекобанского типа (булавки с лопатообразными навершиями из погребения 5, обломок подвески со спиральками из погребения 4, пронизки-спиральки из погребения 17, грубая керамика с налепными валиками и пр.), с другой, — вещи сарматского облика (бронзовая фибула из погребения 6, устроенного над № 16, обломок железной фибулы арбалетного типа из квадрата I—Б, обломки чаш и других сосудов (из прекрасно отмученой глины)¹¹, сделанных на гончарном круге. Могильник по инвентарю близок в некоторой степени таким памятникам позднекобанского времени, как Бети-Мохк, Исти-Су в Чечене¹², но еще более близок могильнику сарматского времени Карабудахкент I в Дагестане¹³. Наиболее поздняя дата могильника Яман-Су может быть II—III вв. н. э.¹⁴

Таким образом, в долинах рек Аксай, Яман-Су и Ярык-Су расположены памятники, отражающие сложные взаимоотношения носителей древних местных культур с пришлыми племенами, начиная с эпохи бронзы и до II—III вв. н. э.

В плоскостной части Чечни отрядом исследовалась курганная группа на поле совхоза «Красноармейский» у с. Гойты. Все раскопанные шесть курганов оказались скифского времени. Курганы крупные: диаметр меньшего (№ 5) — 25 м, высота — 2,3 м, диаметр большего (№ 4) — 55 м, высота — 5,1 м. Интересен курган № 4 с прекрасными находками. Под насыпью на древнем горизонте обнаружены остатки плетня или частокола диаметром

¹⁰ Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 100, рис. 5, 8, 13.

¹¹ Некоторые из вещей изображены на рис. 25.

¹² Р. М. Мулячев. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии. КСИА АН СССР, вып. 84, 1961, стр. 60—62.

¹³ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у с. Карабудахкент, МАД II. Махачкала, 1961, стр. 167 и сл.

¹⁴ Фибулы датированы А. К. Амбровом.

в 8,3 м, в центре которого над неглубокой чашевидной ямой — центральной могилой — устроен сруб (площадь 3 × 2,8 м, ориентирован с запада на восток). К северу от него на горизонте лежал на спине женский костяк («рабыня»), головой на запад. На правой руке был бронзовый браслет, а на левой — железный. К западу от сруба помещен конь на левом боку, головой на юг. При нем найдены железные удила со слегка изогнутыми псалиями. Могила в срубе оказалась ограбленной. Костяк почти не сохранился; судя по деталям, покойник лежал вытянуто, головой на восток. В центральной части могилы обнаружены череп теленка, зернотерка, изогнутый нож, по дну разбросаны золотые бляшки, тут же найдены золотой кулон-разделитель, обломки костяного гребня, выполненного в зверином стиле. В южной части могилы, в тайничке-углублении обнаружено много янтарного бисера, шесть золотых подвесок в виде стерженьков с зернью и прекрасной работы костяной гребень, увенчанный сидящим оленем-грифоном (рис. 25 — 15). В других курганах обнаружены бронзовые трехлопастные и костяные четырехгранные наконечники стрел (рис. 25 — 16, 17), остатки панцирей из железных и бронзовых пластин и другие вещи. Датировка курганной группы по характеру находок (наконечники стрел, стиль художественных предметов) не вызывает сомнений — это V в. до н. э. Раскопки курганов у с. Гойты важны и в том отношении, что они дают конкретный материал о пребывании так называемых скифских племен на Кавказе и, несомненно, помогут изменить то скептическое «отношение к признанию значимости взаимодействий скифской культуры и культуры Северного Кавказа»¹⁵, которое до сих пор существует в среде скифологов.

¹⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 356.

Р. М. МУНЧАЕВ, В. И. САРИАНИДИ

БАМУТСКИЕ КУРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Начиная с 1957 г. основные работы Северо-Кавказской археологической экспедиции сосредоточены в Чечено-Ингушской АССР, главным образом на территории собственно Чечни. Здесь постоянно ведут работы три больших отряда. Первый проводит исследования в горной полосе края, в пограничных с Дагестаном районах, второй раскапывает двухслойные (эпохи энеолита и раннего железного века) поселения на холмах у с. Сержень-Юрт (Шалинский район) и третий — Бамутский курганный могильник в Ачхой-Мартановском районе республики. Таким образом, археологическому исследованию подвергнута значительная территория Чечни, от восточных районов до западных. В результате планомерных и систематических работ экспедиции в 1959—1962 гг. в Чечено-Ингушетии впервые открыт и изучен целый ряд бытовых и погребальных памятников, позволяющих охарактеризовать развитие материальной культуры от эпохи палеолита до позднего средневековья.

Бамутский курганный могильник был открыт разведочным отрядом Северо-Кавказской экспедиции в 1958 г. и уже получил некоторое освещение в литературе¹. Это огромный могильник, включающий в себя несколько групп разновременных курганов. Он начинается от с. Ачхой-Мартан и тянется по левому берегу р. Фортанги на протяжении 10 км до с. Бамут, расположенного у самых предгорий.

Наиболее четко выделяется компактная группа примерно из 50 земляных курганов на северо-западной окраине с. Бамут. На расстоянии 0,4—1,5 км к северо-северо-востоку от нее, по краю террасы р. Фортанги находилась другая группа, состоящая исключительно из каменных насыпей². В этих двух группах в 1959—1960 гг. раскопано 25 курганов. Они содержали одиночные захоронения, иногда в дубовых колодах, относящиеся к позднему средневековью (XV—XVI вв.)³. Поэтому в данной статье мы их не рассматриваем, а остановимся на характеристике курганов, относящихся к эпохе бронзы.

Они расположены к западу, северу и северо-востоку от отмеченных двух групп разновременных курганов, в окрестностях и в самом хуторе Новый Аршти, примерно в 2 км к северу от с. Бамут. В связи с интенсивной застройкой территории между указанными населенными пунктами хутор

¹ Р. М. Мунчаев. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии. КСИА АН СССР, вып. 84, 1961; Он же. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961; Он же. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. СА, 1962, № 3, стр. 187—198; Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961.

² В этой группе нами раскопано несколько курганов. Остальные (их было не менее 15) разрушены при застройке данного участка в 1961—1962 гг.

³ Е. И. Крупнов, Р. М. Мунчаев. Бамутский курганный могильник XIV—XVI вв. Сб. «Древности Чечено-Ингушетии», М., 1963, стр. 217—242.

Новый Аршти почти слился с с. Бамут. Поэтому все курганы, находящиеся здесь, мы объединяем условно в единый курганный могильник и называем его Бамутским.

Основная масса курганов эпохи бронзы находится к северу и северо-востоку от хутора Новый Аршти, по обе стороны дороги из с. Ачхой-Мартан в с. Бамут. Определить общее количество курганов пока не удастся. Дело в том, что площадь к северу и северо-северо-востоку от хутора Новый Аршти, где находятся эти курганы, покрыта густым колючим кустарником. Это затрудняет и выделение здесь четких групп среди огромного числа курганов, и установление закономерности в их взаиморасположении. Сейчас ясно лишь, что рассматриваемые курганы тянутся по направлению с юго-запада на северо-восток. В этом большом курганном поле удастся лишь установить в некоторых случаях тяготение маленьких курганов к большому, вокруг которого, как правило, группируются несколько значительно меньших. Условно можно выделить сейчас не менее четырех групп. В первую из них входят три кургана, расположенные по краю террасы левого берега р. Фортанги, прямо у хутора Новый Аршти.

Они раскопаны в 1958 г. и, к сожалению, оказались значительно разрушенными. Но тем не менее в них обнаружен небольшой, но весьма интересный инвентарь (керамика), который указал на существование здесь памятников майкопской культуры и элементов других культур эпохи бронзы. Оригинальным оказался комплекс из трех сосудов (могила № 1 кургана № 1 по полевой документации 1958 г.). Один из них украшен рельефным орнаментом в виде лицевых изображений, а другой был на четырех ножках, имитирующих вымя животного⁴. В этом же кургане открыты остатки еще двух погребений. При одном из них, сильно разрушенном, находился красноохристый сосуд уплощенно-шаровидной формы с прямым коротким венчиком, отогнутым наружу⁵. Этот сосуд по форме, цвету и технологическим особенностям характерен для керамики майкопской культуры. В другом погребении (детском) найдены два бараньих астрагала и часть небольшого острореберного горшка, орнаментированного вокруг полосой заштрихованных треугольников (рис. 26 — 4).

В эту же курганную группу следует включить и четвертый курган; он расположен на юго-восточной окраине хутора Новый Аршти, также у края террасы р. Фортанги, примерно в 400 м к юго-западу от трех предыдущих. Он был раскопан в 1961 г. и вошел в полевую документацию под № 10. Это был округлый в плане курган диаметром по оси север — юг 25 м и высотой в среднем 1,8 м. В основании он (особенно северная половина) выложен слоем речных булыжников, которые засыпаны суглинком (мощностью до 1,2 м). Эта насыпь перекрыта сверху массивным каменным панцирем (мощностью до 0,5 м). Первоначально курган, по-видимому, имел вид массивного каменного сооружения диаметром около 21 м. Позже он покрылся дерновым слоем и вся его поверхность заросла колючим кустарником. К сожалению, и этот курган оказался разрушенным в результате ограбления.

В кургане открыты остатки двух захоронений. Основное, находившееся в центре на уровне древнего горизонта, было совершенно разрушено. К нему вела грабительская яма, четко прослеженная в разрезе кургана. В могиле на площади примерно 1 × 1 м, были разбросаны обломки отдельных костей черепа, грудной клетки и ног, рядом с которыми найдены два фрагмента бронзовой спиральной очковидной подвески (рис. 27 — 9) и черепок сосуда красноохристого цвета. Обломки такого же красноохристого сосуда вместе с берцовой костью и кремневой пластинкой, ретушированной по краям, найдены и между булыжниками, которые заполняли грабительскую яму.

⁴ Р. М. Мунчаев. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии..., стр. 59, рис. 17, 3 и 4.

⁵ Там же, рис 17, 2.

Рис. 26. Сосуды (1—9) из Бамутских курганов эпохи бронзы

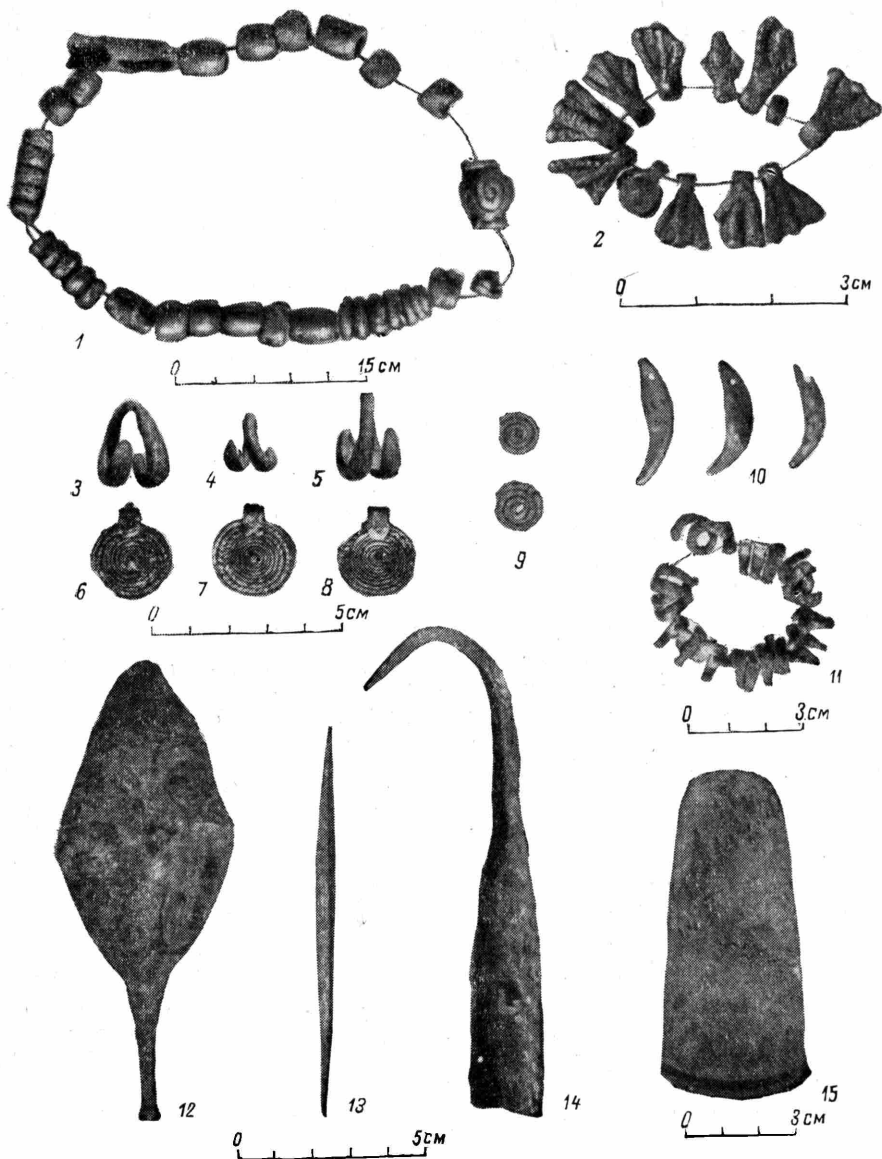

Рис. 27. Инвентарь из погребений Бамутских курганов эпохи бронзы

1 — бусы различные и цилиндрическая подвеска; 2 — подвески лапчатые; 3—8 — височные кольца и украшенные «веревочным» орнаментом подвески; 9 — бронзовая подвеска; 10 — подвески из зубов животных; 11 — каплевидные подвески; 12 — бронзовый наконечник копья; 13 — бронзовое шило; 14 — крюк с втулкой; 15 — бронзовое тесловидное орудие

Судить о характере захоронения трудно. Учитывая присутствие в инвентаре краснохристой керамики с пачкающей поверхностью, можно с большой долей вероятности предположить, что оно относится к кругу памятников майкопской культуры. Важно отметить при этом, что на одном фрагменте есть орнамент в виде округлой выпуклыны-жемчужины, который, как известно, типичен для керамики майкопской культуры. Кроме того, это погребение, как и большинство других, относящихся к майкопской культуре и открытых в Бамутском могильнике, совершено на уровне древнего горизонта. находка обломков бронзовой очковидной подвески не должна нас смущать. Хотя подобные украшения в памятниках майкопской культуры

не встречены, но они известны, например, из Карабудахкентского могильника в Дагестане⁶, хронологически весьма близкого майкопским древностям. Довольно любопытно, что наиболее ранние образцы бронзовых очковидных привесок, получивших в последующую эпоху, особенно в кобанской культуре, широкое распространение, обнаруживаются в древнейших памятниках Северо-Восточного Кавказа.

Второе погребение находилось в северо-западном секторе курганной насыпи, ближе к ее центру, на глубине 1 м. Захороненный лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад. Правая рука слегка согнута в локте, а левая вытянута. В погребении найдены три раздавленных сосуда, два из которых удалося восстановить. Один — сероглиняный грушевидный горшок на четырех ножках и с двумя ручками (рис. 26—5). Поверхность хорошо заглажена. В средней части сосуд опоясан двумя углубленными волнистыми линиями, над которыми в нескольких местах ряд косых углубленных насечек. Второй — большой красноохристый сосуд уплощенно-шаровидной формы с коротким прямым венчиком. На его тулове три симметрично расположенные «ручки» в виде вертикальных выступов с боковыми вмятинами (рис. 28—2). От третьего сосуда сохранились днище и отдельные фрагменты стенок. Это был большой толстостенный сосуд серовато-буроватого цвета. На одном фрагменте стенки сохранился рельефный орнамент в виде части концентрического круга.

На первый взгляд вызывает удивление наличие в одном комплексе серого горшка на четырех ножках и красноохристого сосуда. Аналогичный горшок на четырех ножках, имитирующий вымя животного, найден, как выше отмечено, в одном из Бамутских курганов, раскопанных в 1958 г. Эта форма керамики тяготеет к соответствующим закавказским образцам эпохи ранней бронзы⁷. А красноохристый сосуд — характерная форма керамики майкопской культуры. Следовательно, мы наблюдаем здесь сочетание элементов двух основных культур раннебронзовой эпохи Кавказа. Находящееся примерно в 30 км так называемое Луговое поселение, как известно, содержит материалы, характерные и для куро-араксской культуры Закавказья, и для майкопской культуры Северного Кавказа. Нам представляется, что наиболее важное значение данной группы Бамутских курганов заключается как раз в возможности установления на погребальном памятнике связи между древнейшими культурами Кавказа.

В следующую группу Бамутских курганов входят насыпи, находящиеся в самом хуторе Новый Аршти, к югу и особенно к северу от него. Они тянутся как бы в один ряд с юго-запада на северо-восток на расстоянии более 5 км. В этой группе не менее 20 курганов. Среди них есть очень большие, достигающие 10 м высоты. Раскопано 12 курганов. Насыпи, как правило, содержат большое количество речных булыжников, а в некоторых открыты кремлежи в виде массивных каменных колец. В отдельных случаях можно предполагать, что курганы первоначально представляли собой каменные насыпи. Например, курган № 6 (раскопанный в 1961 г.) высотой 3 м, диаметр его по оси север-юг 29 м. Центральная часть его в диаметре 20 м от основания и почти до дернового слоя представляла каменную насыпь⁸.

Курганы содержат всегда впускные погребения. Иногда их более десяти, например, в кургане № 9, раскопанном в 1959 г., их было 17⁹.

Основные, наиболее древние погребения в большинстве курганов по способу захоронения и отдельным деталям обряда, а также по сопровож-

⁶ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ с. Карабудахкент (ДАССР). МИА, № 68, 1958, стр. 154, рис. 7, 4.

⁷ Т. Чубинишвили. Амиранис Гора. Материалы к древнейшей истории Месхет-Джаваheti (на грузинском языке с русским резюме). Тбилиси, 1963, стр. 35, рис. 8.

⁸ По подсчетам Х. Мурдаева, каменная насыпь кургана (770 м³) включала около 640 000 булыжников.

⁹ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа..., стр. 140; Ош же: Памятники майкопской культуры..., стр. 189.

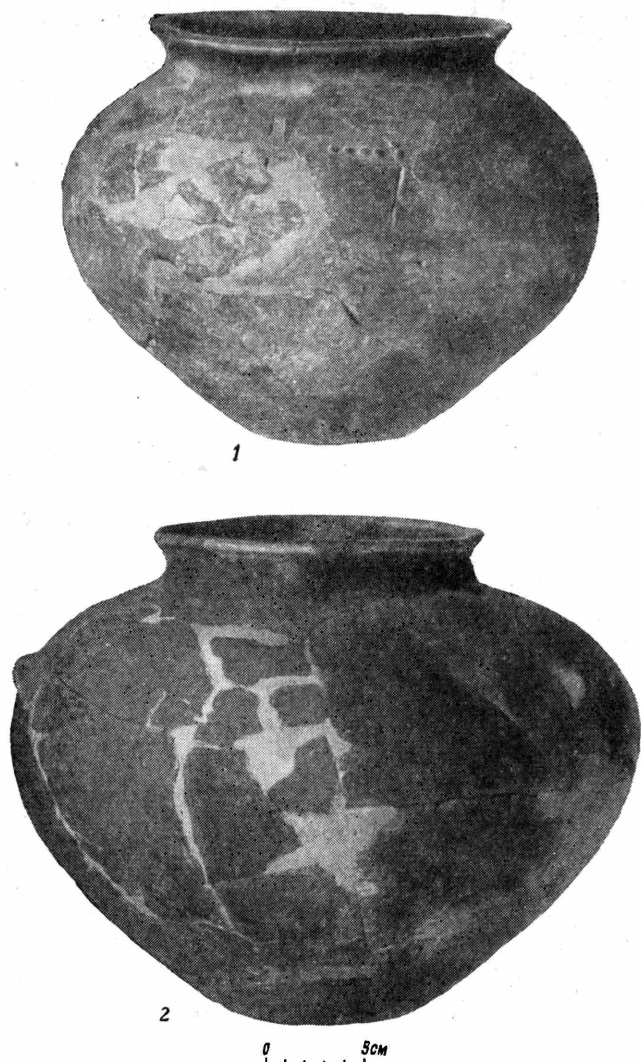

Рис. 28. Сосуды (1—2) из погребений майкопской культуры

дающей их керамике относятся к майкопской культуре, особенно к позднему этапу ее развития. Эти погребения находятся под насыпью в центре, почти на уровне древнего горизонта. Они часто заключены в массивные каменные кольца-кромлехи. Погребенные лежали обычно в скорченном положении, на боку, головой на юго-запад. Стенки могил в некоторых курганах, отличающихся, как правило, значительными размерами, сложены из дубовых бревен, а дно их выложено галечником. В этом отношении весьма характерно основное погребение в кургане № 9, раскопанном в 1959 г. Сравнительное изучение его показывает, что оно даже в мелких деталях повторяет погребения майкопской культуры¹⁰. Принадлежность его к майкопской культуре подтверждается характерными красноохристыми сосудами с пачкающей поверхностью.

Чрезвычайно яркий и выразительный комплекс предметов, типичных для майкопской культуры, был открыт и в 1961 г. Этот комплекс включал

¹⁰ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа..., стр. 140—146.

два бронзовых ножа-кинжала, бронзовое четырехгранное шило, медный сосуд, украшенный жемчужным орнаментом, бронзовое вилообразное орудие-крюк, точильный камень, каменную шарообразную ступку и два красноглиняных сосуда. Находки уже были опубликованы¹¹, за исключением одного глиняного сосуда. Он уплощенно-шаровидной формы с прямым коротким венчиком. На отдельных участках поверхности сохранились следы тонкого светло-коричневого ангоба. На тулове с одной стороны орнамент в виде ряда выпуклин-жемчужин (рис. 28 — 1). Все перечисленные металлические предметы, а также точильный камень находят прямые аналогии в материалах из дольменов ст. Новосвободной (б. Царская). Керамика же, украшенная жемчужным орнаментом, встречена во многих прикубанских памятниках майкопской культуры¹², а также в Долинском¹³ и Луговом¹⁴ поселениях. Спектральный анализ указанных металлических предметов показал, что они изготовлены из мышьяковистой бронзы, близкой по составу ранней прикубанской бронзе¹⁵.

Можно отметить еще, что в одном из курганов рассматриваемой группы (№ 9 по полевой документации 1962 г.) открыто скорченное погребение майкопского типа (на правом боку, головой на юго-запад), в котором находилось бронзовое тесловидное орудие (рис. 27 — 15). Такие тесла, как известно, часто встречаются в памятниках майкопской культуры.

Таким образом, древнейшие погребения Бамутских курганов, относящихся ко второй половине III тысячелетия до н. э., неоспоримо свидетельствуют о распространении в Чечено-Ингушетии майкопской культуры со всеми ее характерными атрибутами. Тем самым теперь значительно расширяется ее ареал в юго-восточном направлении. Не удивительно, что отдельные элементы майкопской культуры начинают сейчас прослеживаться в еще более восточных районах, на границе с Дагестаном¹⁶.

Значение рассмотренной группы курганов заключается и в том, что в них представлено большое количество впускных погребений, характеризующих различные этапы развития северокавказской культуры эпохи бронзы, слабо изученной в Чечено-Ингушетии.

Здесь раскопано более 50 погребений, относящихся ко II тысячелетию до н. э. Как правило, погребенные лежали скорченно на боку. Ориентировка различная, но преимущественно южная¹⁷. Открыты погребения с костяками, лежащими на спине, ноги подогнуты, голова обращена на восток. Впускные захоронения отличаются обычно бедностью инвентаря. Они содержат преимущественно керамику. Это, как правило, небольшие горшки с одной ручкой (рис. 26 — 1, 2, 8), но встречаются и без ручки (рис. 26 — 6). Почти все они серого цвета, с хорошо заглаженной поверхностью, иногда залощены или покрыты коричневато-буроватым ангобом. Орнаментированы лишь отдельные горшки. Так, в погребении № 5 кургана № 8, раскопанном в 1961 г., найдены два орнаментированных сосуда. Первый на месте перехода венчика в тулово опоясан горизонтальной линией «веревкой», сделанной путем вдавливания. Края ручки украшены таким же орнаментом. Вто-

¹¹ Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры..., стр. 189—197, рис. 8—13.

¹² ОАК, 1898, табл. V, 57, 59, 63; А. А. Формозов. Археологические исследования пещер в верховьях р. Белой в Краснодарском крае. «Сборник материалов по археологии Адыгеи», т. II. Майкоп, 1961, стр. 54, рис. 12; стр. 65, рис. 20; А. Д. Столяр. Мешоко — поселение майкопской культуры. «Сборник материалов по археологии Адыгеи», т. II, стр. 189, рис. 14, 1—3.

¹³ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА. № 3, 1941, табл. VI, 1—3.

¹⁴ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа..., стр. 101—108.

¹⁵ Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры..., стр. 195.

¹⁶ В. И. Марковин. Археологические разведки в восточных районах Чечни. КСИА АН СССР, вып. 93, 1963, стр. 63—64.

¹⁷ Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры..., стр. 193, рис. 9

рой горшок по всей верхней части, включая ручку, богато украшен веревочным и штампованным орнаментом¹⁸.

В погребении № 1 кургана № 6, раскопанного в 1961 г., найден горшок (рис. 26 — 6), на днище которого с внутренней стороны сделано округлое вдавление, а с внешней днище покрыто рогожными оттисками. Такие же оттиски встречены на днищах отдельных сосудов и из других погребений.

Такие горшки — характерные образцы посуды северокавказской культуры эпохи бронзы. Типичны для этой культуры также различные бронзовые украшения. Среди них разнообразные подвески: лапчатые (рис. 27 — 2), каплевидные (рис. 27 — 11), цилиндрические (рис. 27 — 1), украшенные иногда рельефными изображениями змей; подвески в виде топориков¹⁹, круглые и вытянутые и в 1,5 оборота (рис. 27 — 3—5), круглой формы, орнаментированные «веревочкой» (рис. 27 — 6—8), и др. Например, в погребении № 3 (скорченное на левом боку, головой на северо-запад) кургана № 9, раскопанном в 1962 г., найдено пять височных подвесок в 1,5 оборота (рис. 27 — 3—5) и три круглые, орнаментированные «шнуром» подвески (рис. 27 — 6—8). В рассматриваемых погребениях обнаружены разнообразные бусы — каменные, пастовые и бронзовые (рис. 27 — 1), а также подвески из зубов животных (рис. 27 — 10). Кроме того, следует упомянуть о находках кремневого наконечника стрелы с выемчатым основанием и каменной (мергель — ?) булавы (погребение № 2 кургана № 9 по полевой документации 1959 г.), каменного полированного сверленного топора (погребение № 1 кургана № 8, раскопанного в 1960 г.)²⁰ и бронзовых четырехгранных шилев. Все перечисленные предметы находят себе ближайšie аналогии в многочисленных памятниках Северного Кавказа II тысячелетия до н. э. Среди них особо следует отметить украшения в виде круглых, орнаментированных «шнуром» подвесок. Они встречаются исключительно в памятниках I и II этапов развития северокавказской культуры²¹, причем не только в Прикубанье и Кабардино-Пятигорье, но, как видим, и на Северо-Восточном Кавказе, вплоть до Дагестана²². Дата их определяется приблизительно серединой II тысячелетия до н. э.

Последняя группа Бамутских курганов расположена в 2—3 км северо-восточнее хутора Новый Аршти, по направлению к с. Ачхой-Мартан, в 0,4—3 км к северо-востоку и востоку от второй группы. Здесь до 30 курганов, расположенных как бы двумя компактными группами. Одна из них, состоящая примерно из 10 курганов, расположена по обе стороны дороги Ачхой-Мартан — Бамут, а вторая — примерно в 250—500 м к востоку от нее. Здесь раскопано всего 14 курганов, в том числе пять в первой подгруппе (раскопки 1961 г.) и девять во второй (раскопки 1962 г.).

У курганов первой подгруппы (диаметром 14—20 м, высотой 0,6—1,2 м) в основании, как правило, кромлех в виде каменного кольца диаметром в среднем около 12 м. Ширина каменной кладки кромлеха 0,5—0,8 м.

Опишем один из курганов в этой подгруппе (№ 5 по полевой документации 1961 г.). Он был неправильно округлой формы (диаметр по оси север — юг 20 м, высота 1,2 м). Насыпь земляная, но с большим включением, особенно в центральной части, камня. Под насыпью прослежен кромлех округло-овальной формы (диаметр по оси север — юг 13,7 м). В кургане открыто восемь погребений. Все они находились в пределах кромлеха в центральной части кургана, но на разных уровнях.

Основное погребение (№ 8) в могильной яме под центральной частью насыпи было на глубине 1,5 м. Могила в плане неправильно прямоуголь-

¹⁸ Там же, стр. 183, рис. 3, 5.

¹⁹ Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры..., стр. 190, рис. 7, 2, 3 и рис. 7, 7—9.

²⁰ Там же, рис. 7, 12.

²¹ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.). М., 1960, стр. 45, рис. 13.

²² Там же, рис. 27, 4, 5, 11.

ная, ориентирована по оси восток — запад. Ее длина 1,5 м, ширина 0,8—1 м, глубина 0,3 м. Костяк лежал в сильно скорченном положении, на левом боку, головой на запад. Череп деформирован (лобно-затылочная деформация). У ног стоял глиняный сосуд с двумя ручками по бокам (рис. 26—9). Поверхность его темно-серого цвета, хорошо заглажена, местами до блеска. Внутри сосуда находился миниатюрный горшок с одной ручкой (высота 5,5 см, диаметр дна 3 см). Других предметов не было. Перед костями грудной клетки отмечены мелкие кусочки красной охры.

В остальных курганах (№ 1—4) основные погребения также были в ямах под насыпью; захороненные лежали скорченно (за исключением кургана № 2), на левом боку, но головой на восток. Они отличаются бедностью инвентаря. Например, в погребении кургана № 3 был всего один глиняный горшок, в кургане № 4 — только бараньи астрагалы, а в погребении кургана № 1 вообще не было никаких вещей. В отдельных могилах отмечены кости мелкого рогатого скота.

Особо следует сказать о кургане № 2. В различных частях могильной ямы открыты остатки трех костяков, но ни один костяк не был целым: обнаружены только черепные кости и отдельные кости грудной клетки. Один из черепов деформирован (лобно-затылочная деформация). По всей вероятности, это обряд вторичного захоронения. Были погребены останки трех костяков, по-видимому, только верхние части туловища вместе с черепом. В могиле найдено 400 разноцветных пастовых бус, в том числе так называемые бородавчатые, а также бронзовое височное кольцо в 1,5 оборота. Над останками одного из погребенных был зажжен ритуальный костер, в результате чего в юго-восточном углу могилы часть черепных костей оказалась обожженной, и там образовался плотный слой угля. Кстати, в этом же кургане под насыпью недалеко от могильной ямы открыты остатки еще одного кострища. Следует отметить, что следы ритуального кострища прослежены и над основным погребением (№ 3) в кургане № 4.

Детали обряда захоронения и немногочисленный инвентарь позволяют достаточно уверенно относить курганы к эпохе бронзы и датировать их примерно серединой II тысячелетия до н. э. Деформированные черепа прямо свидетельствуют об определенной связи курганов с катакомбной культурой, особенно с ее предкавказским или волго-маньчским вариантом. Костяки с деформированными черепами, как известно, открыты в ряде курганов катакомбной культуры в астраханской и калмыцкой степях²³. У племен северокавказской культуры обычай деформации головы не был распространен. До раскопок этих курганов нам был известен всего один случай находки деформированного черепа в могильниках Северо-Восточного Кавказа, относящихся ко II тысячелетию до н. э. (курган у ст. Манас в Дагестане). Кстати, и данный памятник обнаруживает тесные связи с катакомбной культурой²⁴.

Что же касается подавляющего большинства остальных погребений, открытых в данной подгруппе Бамутских курганов, то они также относятся к эпохе бронзы. Здесь, например, есть погребения, где умершие лежат на спине, ноги подогнуты, голова обращена на восток. Они содержат обычно по одному горшку с ручкой или без нее (рис. 26—7), а в стельных случаях — рог животного. Хронологически, по всей вероятности, эти погребения относятся так же, как и основные захоронения, примерно к середине II тысячелетия до н. э.

Таким образом, здесь мы наблюдаем сочетание погребений, связанных с двумя синхронными культурами: местной — северокавказской и степной —

²³ М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маньч в 1937 г. СА, XI, 1949, стр. 335.

²⁴ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, 1956, стр. 189.

катакомбной. К курганам второй подгруппы относятся в основном погребения, связанные с катакомбной культурой.

Самый большой из раскопанных курганов во второй подгруппе достигал в диаметре 26 м при высоте 1 м, а наименьший — соответственно 7,5 м при высоте 0,45 м. Ни в одном случае не встречен кромлех. В них редки впускные погребения — не более двух в кургане. Под насыпью обычно большая могильная яма прямоугольной формы, заполненная речными булыжниками. Могилы и сверху перекрыты мощным слоем камня. На дне — одиночное захоронение в скорченном положении на левом боку, головой чаще на юго-восток. Инвентарь состоит из керамики и бронзовых предметов.

Опишем один из курганов (№ 3 по полевой документации 1962 г.). В плане он был округло-овальный; диаметр по оси север — юг составлял 10 м, а по оси запад — восток — 12 м. Насыпь высотой 0,75 м состояла в основном из булыжников. В центре под насыпью — большая могильная яма — прямоугольная, заполненная камнями. Длина ее 2,8 м, ширина — 2,2 м, глубина — 1,75 м. В ней два погребения. Первое — в верхней части южного угла могилы, на глубине 1 м от «0» точки кургана. Костяк лежал в сильно скорченном состоянии, на левом боку, головой на юго-восток-восток. Инвентарь отсутствовал.

Второе погребение в самом центре могилы на дне. Вокруг него прослежены остатки дерева. Костяк лежал скорченно, с сильно подогнутыми ногами, на левом боку, головой на юго-восток-восток. В погребении найдены бронзовые предметы: наконечник копья листовидной формы (рис. 27 — 12), четырехгранное шило (рис. 27 — 13), крюк с втулкой, в которой сохранилось дерево (рис. 27 — 14), височная подвеска в 1,5 оборота, кусочек красной охры, пастовая и три сердоликовые бусинки и большой глиняный сосуд, богато орнаментированный веревочным и штампованным орнаментом. Такие же шилья, наконечники копья и керамика обнаружены и в других курганах этой подгруппы. Эти предметы, особенно наконечник копья и украшенная веревочным и штампованным орнаментом керамика, довольно характерны для катакомбной культуры. Не случаен здесь и бронзовый крюк. Хотя такие предметы характерны больше для дольменов Кавказа, они встречаются иногда и в катакомбных памятниках. Например, аналогичный бронзовый крюк с втулкой для насадки деревянной рукояти найден в катакомбном погребении под Луганском²⁵. В 1962 г. два таких крюка обнаружены в курганах катакомбной культуры в районе г. Элисты²⁶.

На прямую связь второй подгруппы курганов с катакомбной культурой указывает открытие в одном из них (курган № 4) катакомбы — погребального сооружения, совершенно не характерного для культуры Северного Кавказа II тысячелетия до н. э. Об этом же свидетельствует находка в погребении кургана № 6 глиняной курильницы на четырех спаянных ножках, с внутренним отделением, богато украшенной таким же орнаментом, как и сосуды.

На основании этих данных можно утверждать проникновение в данный район Северо-Восточного Кавказа в первой половине II тысячелетия до н. э. с севера (с Волго-Манычских степей) степных культурных и этнических элементов.

В целом же совершенно ясно исключительно важное значение всего Бамутского курганного могильника, уже давшего много ценных материалов для решения некоторых актуальных вопросов археологии Северного Кавказа III—II тысячелетий до н. э. Поэтому необходимо более полное исследование этого памятника.

²⁵ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. М., 1955, стр. 100—101.

²⁶ Сведения об этих находках нам любезно сообщил И. В. Синицын.

Е. Е. КУЗЬМИНА

АНДРОНОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
И МОГИЛЬНИК ШАНДАША

Еленовский отряд Оренбургской археологической экспедиции поставил своей задачей изучение комплексов — поселений и относящихся к ним могильников — в Еленовском микрорайоне андроновской культуры. В 1961—1962 гг. под руководством автора были произведены рекогносцировочные раскопки поселения и могильника Шандаша, расположенных на берегах р. Шандаши, относящейся к системе правых притоков Ори. Могильник состоит из 46 сооружений, образующих четыре группы по левому равнинному берегу. Господствующий тип сооружений здесь — каменные кольца небольшого диаметра, но в центральной группе встречаются курганы среднего диаметра, высотой 0,4—0,7 м, часто с каменной наброской в центре; кроме того, есть несколько овальных и смыкающихся друг с другом оградок. Те же типы надмогильных сооружений зарегистрированы в Еленовских могильниках Атакен-сай и Турсумбай III. Особенностью могильника Шандаша — курган с «усами» и курган с вытянутым от него к востоку замкнутым земляным валом, аналогичные сооружения, известным на других андроновских могильниках, особенно в Центральном Казахстане, где они датируются эпохой ранних кочевников¹. В разных группах могильника Шандаша I были произведены раскопки восьми сооружений (№ 13, 18, 21, 23, 33, 38—40), позволившие заключить, что погребальный обряд во всех случаях единообразен. Погребения совершались в грунтовых подпрямоугольных ямах, глубиной 0,5—0,75 м, ориентированных длинной осью с запада на восток, часто с отклонением на юго-запад — северо-восток. На глубине 0,1—0,2 м от поверхности они перекрыты плоскими каменными плитами. Кольца № 18, 38—40 содержали одиночные погребения взрослых, кольцо № 13 — погребение ребенка, в кольцах № 21, 23 и 33 в центральной яме находилось погребение взрослого (в кольцах 21 и 33, безусловно, женские), а в отдельных маленьких ямах похоронены дети — один или двое. Судя по расположению детских костяков и костей ног в разграбленных погребениях взрослых, можно заключить, что умершие лежали скорченно, на левом боку, лишь в кольце № 39 скелет женщины лежал на правом боку. В головах погребенных стояло 2—3 сосуда. В детском погребении № 13 на месте сосудов положено три глиняных кружка, вокруг которых выложено 13 альчииков овцы. Из-за разграбления могила еще в древности украшений найдено мало. Лишь в кольце № 39 обнаружены бронзовые бусы на ногах, а в кольцах № 21 и 33 — отдельные бусинки; следы меди от браслетов на костях рук и от бус на костях ног сохранились на скелете женщины из кольца № 33; на руке девочки в кольце № 23 уцелел один из браслетов. Он изготовлен из бронзовой пластинки с сужающимися концами, обернутой вокруг прутика или шнура, и аналогичен браслетам из дет-

¹ А. Маргулан, Т. Басенов, М. Мендиккулов. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959; М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР т. VII, 1959, стр. 163.

ских погребений в могильниках Урал-сай (кольцо 9)², Кожумберды (кольцо Ж)³ и из женского погребения огады 44 в Тасты-Бутаке⁴.

Найдные в могильнике Шандаша сосуды делятся на три типа: первый — горшковидные сосуды с прямым уплощенным или округлым венчиком, широким дном и резко подчеркнутым уступом на плечике, под которым — максимальное расширение стенок. Часто эти сосуды бывают вытянутых пропорций, по венчику они орнаментированы треугольниками или зигзагом, на плечике располагаются два ряда косых ромбов, елка, зетобразные фигуры. Второй тип — горшочки с прямым венчиком и уступом на плечике. Обычно они не орнаментированы, лишь у двух по венчику нанесены равнобедренные треугольники. Наконец, к третьему типу могут быть отнесены три грубых толстостенных сосуда с прямым венчиком и резким перегибом стенки в верхней части тулова, напоминающие по профилю срубные горшки. Они украшены грубо нанесенным орнаментом в виде треугольников, обращенных вершинами вниз, противостоящими вдавлениями и лесенками по венчику и елкой или зигзагом в верхней части тулова. У сосудов всех трех типов орнамент нанесен очень небрежно гладким штампом, изредка сочетающимся с крупнозубчатым штампом. Сосуды двух первых типов сходны с керамикой могильника Атакен-сай и относятся к III этапу развития андроновской культуры в Еленовском микрорайоне⁵. Форма и орнаментация этих сосудов находят некоторые аналогии в керамике Тасты-Бутака⁶, Ново-Аккермановки⁷, отчасти Алакуля⁸ и Алексеевского могильника⁹, что позволяет датировать комплекс Шандаши позднеалакульским этапом и относить памятник к Орско-Актюбинскому варианту андроновской культуры.

В 400 м к северо-востоку от могильника Шандаша I располагался распаханный ныне могильник Шандаша II, состоявший из нескольких крупных земляных курганов, окруженных кольцом из каменных глыб¹⁰.

К северо-востоку от могильника Шандаша I на склоне высокого правого берега реки располагалось поселение Шандаша. С севера, востока и запада оно защищено грядой прибрежных холмов и скал, восточная и южная части поселения частично размыты, зато центральный и северо-западный участки не нарушены.

На площади поселения прослеживается не менее шести оград из каменных глыб, поднимающихся над дерном на 0,15—0,25 м. Ограды — почти правильной прямоугольной формы и вытянуты с сев.-зап. на юго-восток вдоль по склону двумя рядами, образуя «улицу», параллельную реке. Нами вскрыто два сооружения (рис. 29). Первое из них (северное) площадью примерно 11 × 7 м, представляет котлован, стенки которого укреплены плотно пригнанными друг к другу каменными плитами разме-

² М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки», вып. 11. Л., 1927, стр. 186, 207, рис. 24—3.

³ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, т. XVII. М., 1948, стр. 169, рис. 73—3.

⁴ В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак, I, МИА, № 120, 1962, табл. XLI, 1.

⁵ Е. Е. Кузьмина. Периодизация андроновских могильников Еленовского микрорайона. Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964.

⁶ В. С. Сорокин. Указ. соч., сосуды 5, 15, 42, 61, 72, 140 и др.

⁷ Г. В. Подгаецкий. Андроновский могильник у г. Орска. МИА, № 1, 1940, рис. 5.

⁸ К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль. МИА, № 24, 1952, рис. 9—5.

⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., рис. 52—9, 12; 53; 54—15, 17.

¹⁰ На основании раскопок пар могильников Байту I, II и Турсумбай I, II нами было высказано предположение, что в каждой паре оба могильника не только синхронны, но и принадлежали одной общине, причем в малом курганном могильнике были погребены наиболее почитаемые представители рода, а большой могильник служил родовой усыпальницей рядовых членов общины. К сожалению, правильность этой гипотезы на Шандаше проверить уже невозможно.

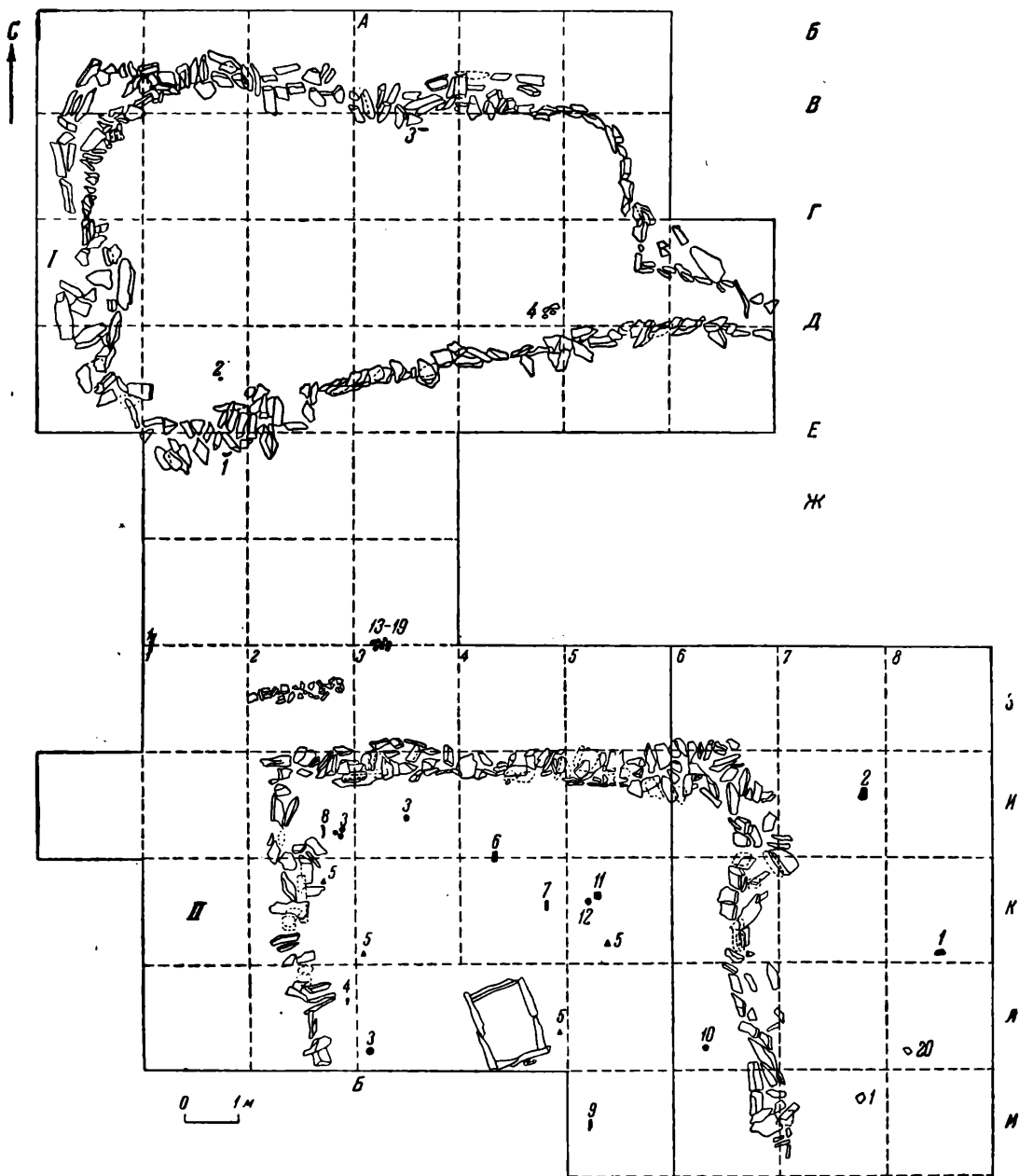

Рис. 29. План раскопа на поселении Шандаша

I — землянка I: 1 — костяная поделка, 2 — каменный диск, 3 — ножевидная пластина, 4 — охра, шлак;
 II — землянка II: 1 — мотыга каменная; 2 — тупик костяной, 3 — диски камечные, 4 — раковина; 5 — охра, 6 — каменный
 кест; 7 — пластина ножевидная, 8 — костяная поделка, 9 — шило медное; 10 — глинный кружок; 11 — каменная палтка; 12 —
 терочник; 13—19 — камни точильные, лощило, пест; 20 — шавки

ром 0,2—0,4 × 0,75—0,95 × 0,08—0,2 м и более, врытыми вертикально на ребро, местами в два ряда. Глубина котлована—0,6 м, с наружной стороны за стеной материк выступает на глубине 0,25—0,4 м, камни, составляющие стену, врыты в пол на глубину до 0,2 м. Вдоль стен идет развал камней шириной до 1,5 м. Сооружение не совсем прямоугольной формы: его западная стенка длиной 7 м идет с северо-северо-запада на юго-юго-восток, северная стена длиной 11 м—по линии запад-восток, южная протяженностью 12 м почти параллельна ей. Наиболее сложна конструкция восточной стены, образующей в юго-восточном углу входной коридор длиной 3 м, шириной внутри помещения 1,5 м, сужающийся наружу до 0,8 м. У входа земляной порог высотой 0,15 м. Пол несколько покат к реке и состоит из красной плотной материковой глины. В восточной части прослеживалось небольшое скопление обожженных камней и костей, однако вряд ли можно считать это очагом, а следовательно трудно признать исследованное сооружение жилищем (скорее это какое-то хозяйственное помещение).

Сооружение II расположено в 7 м к югу и отличается своей монументальностью. Это землянка глубиной 1—1,1 м от поверхности, за стеной сооружения материк выступает на глубине 0,25—0,35 м. Стены укреплены плотно пригнанными друг к другу мощными каменными плитами размером 0,3—0,5 × 0,08—0,2 м, высотой 0,9—1,2—1,55 м. Плиты местами врыты в два ряда «в перевязку». Северная стена сооружения длиной 8,6 м идет по линии запад-юго-запад—восток-северо-восток, восточная и западная стены образуют с ней прямой угол. Внутри землянки вдоль стен лежал развал крупных плит, в центре сооружения камней нет. Полом восточной и центральной частей помещения была слоющаяся желтая плотная глина (вероятно, обмазка), в западной части она сменяется материковой щебенкой. Пол чашеобразно углубляется к центру, к очагу правильной прямоугольной формы (1,55 × 1,15 м); он составлен из врытых на торец плиток. Материковый щебень внутри очага прокален, на дне отмечено очень немного золы.

По пропорциям, глубине котлована, конструкции коридора-входа раскопанные нами сооружения¹¹ сходны с жилищами землянками андроновской¹², срубной¹³, приказанской¹⁴, тазабагъябской¹⁵ и других родственных культур степной и лесостепной полосы Евразии. Существенное их отличие—укрепление нижней части стены каменными блоками. Такая конструкция жилищ в западных районах известна только в Еленовском микрорайоне, где аналогичные сооружения исследованы нами на поселе-

¹¹ Вскрытая площадь—292 м². Раскопки велись послойно, по квадратам 2×2 м. Первоначально расшилились и наносились на план все камни, после раскопок всей площади сооружения камни развала были удалены, и на план нанесена стена.

¹² А. А. Кривцова-Гракова. Адексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, стр. 73—100; Е е же. Садчиковское поселение. МИА, № 21, 1951, стр. 152—182; К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 102—103; Е го же. Андроновские поселения Зауралья. СА, XX, 1954, стр. 217—250; Е го же. Кипельское селище. СА, XXVII, 1957, стр. 193; Е го же. Раскопки у с. Ново-Бурино. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 175—179; В. С. Сорокин. Жилища поселения Тасты-Бутак. КСИА АН СССР, вып. 91, 1962, стр. 51—55.

¹³ А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей восточной Европы. ИГАИМК, вып. 119, 1935, стр. 112—127; И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 196—224; М. П. Грязнов. Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону. КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 138—168; Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 107—118; Н. В. Трубикинова. Некоторые итоги археологических исследований на р. Усе. МИА, № 61, 1958, стр. 183—187.

¹⁴ А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Среднем Поволжье. КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 31—37; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье. МИА, № 42, 1954, стр. 168—180.

¹⁵ М. А. Итгина. Новые стоянки тазабагъябской культуры. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 2. М., 1959, стр. 52—69; Е е же. Раскопки стоянок тазабагъябской культуры в 1957 г. Труды Хорезмской экспедиции, т. IV, М., 1960, стр. 86—96.

ниях Ушкаты II¹⁶ и VIII и зарегистрированы на других памятниках¹⁷. На востоке жилища, подобные еленовским, известны на поселениях Центрального Казахстана: Акбаур, Бугулы I, II, III, Шортанды-Булак и другие, особенно близко жилище № 17 в Ата-Су¹⁸. Тщательно сложенный большой очаг жилища Шандаша похож на очаг в Ата-Су, но гораздо совершеннее, чем очаги на других синхронных поселениях; открытые костры (Садчиково, Ново-Бурино, Кипель, Алексеевка) или же ямки небольшого диаметра с камнями (Садчиково, Кипель, Тасты-Бутак, Алексеевка, Ушкаты II). Отсутствие столбовых ямок в сооружениях Шандаши, как и в некоторых других жилищах в безлесных районах, свидетельствует о том, что здесь не применялась столбовая конструкция, так хорошо прослеженная в Поволжье¹⁹, Приуралье и Казахстане²⁰. Наиболее достоверной поэтому представляется реконструкция перекрытия, предполагающая сооружение над землянкой пирамидального наката бревен²¹. Могло употребляться и перекрытие типа чор-хона, когда балки свода укладываются наискось, срезая углы; на образованный таким образом квадрат или шестиугольник кладутся, опять срезая углы, балки, составляющие каркас ступенчатого сводчатого перекрытия. В центре над очагом устраивается дымовое отверстие. Этот прием дает большую экономию дерева, позволяет обходиться балками незначительной длины²² и очень облегчает вес перекрытия. В Средней Азии и Казахстане эта древняя система применяется при строительстве и современных жилищ²³. Поверх деревянного каркаса кладется байра — слой камыша, на который насыпается земля²⁴.

В жилище Шандаша привлекает внимание завал каменных глыб вдоль стен землянки, лежащих почти плашмя или наклонно от стены жилища к центру. Вероятно, эти плиты лежали плашмя вдоль края стены с напуском внутрь котлована землянки, а балки шатрового перекрытия опирались на них и, таким образом, ширина пролета уменьшалась не менее чем на 1,5 м²⁵. Каменный и деревянный каркас кровли засыпались землей.

С востока к жилищу вплотную примыкает зольник мощностью 0,65 м. Очевидно, аналогичный зольник тянется к западу от сооружения I. Обнаруженные на площади раскопа находки на разных участках поселения распределяются крайне неравномерно: в обоих сооружениях они встречаются только в верхнем слое (до 0,15—0,20 м) и особенно на полу, где они концентрируются главным образом вдоль стен и у очага; все же заполнение котлованов почти не содержит находок. В обоих случаях обломки костей

¹⁶ Е. Е. Кузьмина. Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области. «Вопросы археологии Урала», вып. 2. Свердловск, 1962, стр. 9—15.

¹⁷ Е. Е. Кузьмина. Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры. КСИА АН СССР, вып. 88, 1962, стр. 88—91.

¹⁸ А. Маргулан, Т. Басенов, М. Мендикулов. Указ. соч., гл. 1; А. Х. Маргулан. Главнейшие памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. ВАН Каз. ССР, 1956, № 3, стр. 25, рис. 3.

¹⁹ Н. Я. Мерперт. Указ. соч., рис. 13; Н. В. Трубников а. Указ. соч., рис. 3.

²⁰ К. В. Сальников. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, рис. 19; А. Х. Маргулан указывает, что на центральноказахстанских поселениях также были открыты столбовые ямы (Указ. соч., табл. 4).

²¹ М. П. Грязнов. Указ. соч., рис. 63.

²² При перекрытии жилища площадью 10 × 20 м по системе чор-хона потребуется 20 балок длиной не более 7 м: пирамидальным срубом — 7 бревен длиной более 10 м и не менее 30 бревен длиной от 7 до 10 м; по системе, предложенной А. Х. Маргуланом, — не менее 8 балок длиной от 10 до 20 м и ряд опорных столбов и поперечных балок.

²³ В. Л. Воронина. Жилище Ванча и Язгулема. Сб. «Архитектура республик Средней Азии». М., 1951; А. К. Писарчик. Строительные материалы и приемы мастеров Ферганской долины. «Среднеазиатский этнографический сборник». М., 1954, стр. 271—273, рис. 23; Т. К. Басенов. Архитектура Казахстана VII—IX вв. Сб. «Архитектура Казахстана». Алма-Ата, 1959, рис. 13, 19.

²⁴ В. Л. Воронина. Узбекское шародное жилище. СЭ, 1949, № 2, стр. 69—70.

²⁵ Традиция употреблять камень в качестве кровельного материала отражается в андроновских погребальных сооружениях — в перекрытиях могил Шандаши и др., особенно в пирамидально-ступенчатых сводах гробниц Бегазы.

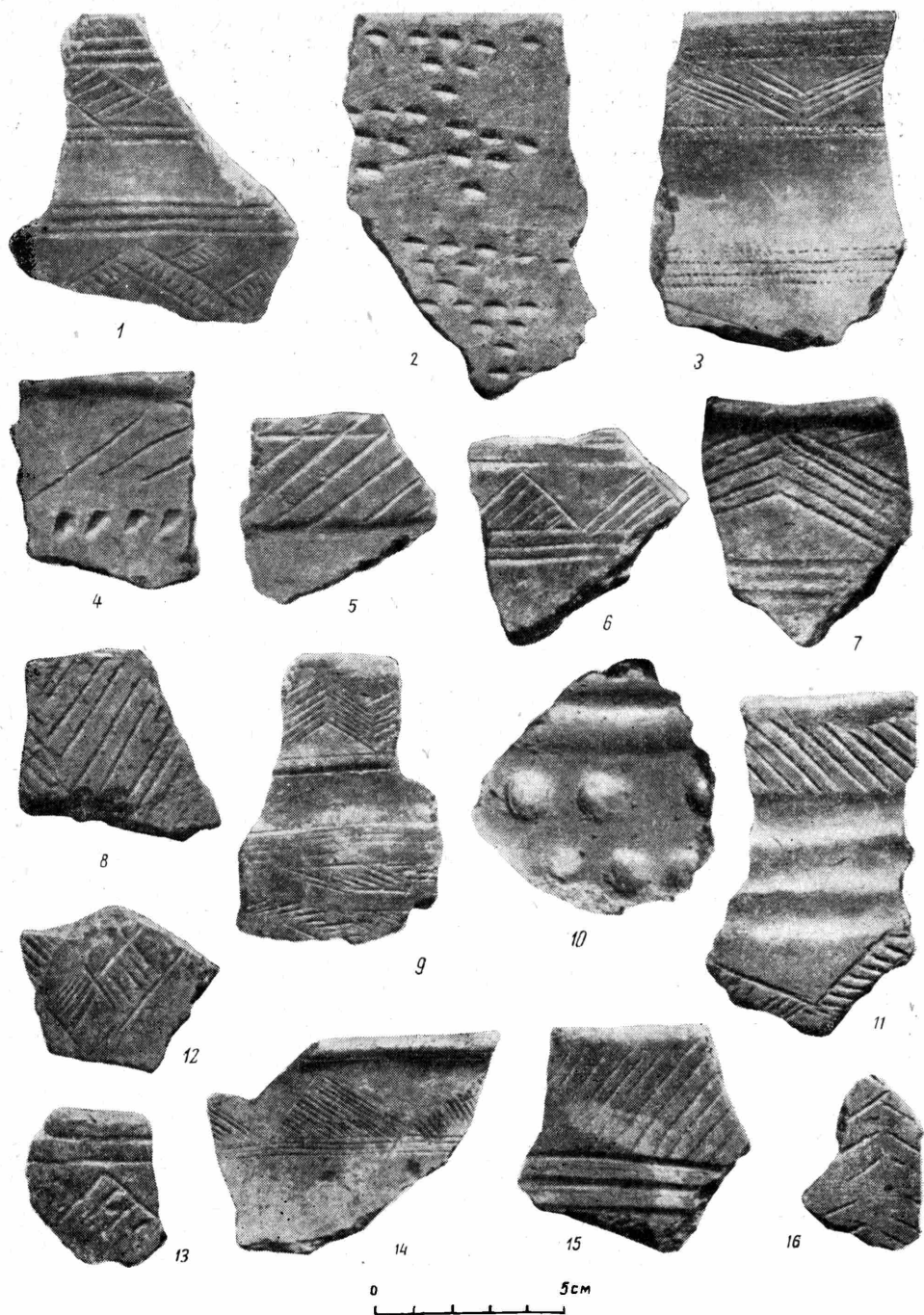

Рис. 30. Керамика (1—16) поселения Шандаша

животных попадают в очень небольшом количестве. В сооружении I на один квадрат приходится примерно 18,7 фрагмента керамики, в жилище II — 17,6. О различном, видимо, назначении двух землянок свидетельствует размещение индивидуальных находок: в землянке I на полу найдены только каменный диск, ножевидная пластина и кусочки охры и шлака, в жилище же обнаружены медное четырехгранное шило, раковина, куски

охры, костяная поделка, глиняный кружок, каменный пест, обломок терочника, плитка и многочисленные каменные диски²⁶, около очага — половина сосуда. Наиболее насыщен культурный слой зольников, где на квадрат приходится 54,6—57,5 фрагмента керамики, отсюда же происходит и огромная часть костей животных²⁷, костяные орудия, каменные мотыги, песты.

В межземляничном пространстве культурный слой несравненно беднее: здесь собрано примерно 27,8 фрагмента керамики на квадрат²⁸. Интересен производственный комплекс (кв. Ж-2), где рядом с вымосткой длиной 2 м, выложенной из мелких камней на материке, открыто скопление каменных орудий: пест-молот, ложила и ряд точильных камней и плиток.

Керамика поселения Шандаша представлена теми же тремя типами, на которые делятся сосуды могильника, кроме того, есть толстостенные большие сосуды. Особенно характерны горшки с резко подчеркнутым уступом на плечике, почти прямыми стенками и широким дном. 81,3% орнаментированной керамики поселения украшено гладким штампом. Резко преобладает орнаментация в виде зигзага и равнобедренных треугольников по венчику и елочки по плечу (рис. 30). Сосуды поселения и могильника очень сходны. Установленная типологическим методом идентичности керамики подтверждена петрографическим анализом²⁹. Это позволяет их синхронизировать и считать оба памятника принадлежащими одной общине.

Какова вероятная продолжительность существования этого комплекса? В зависимости от того, все ли сооружения на поселении были жилищами и строго ли они одновременны, численность населения в этом небольшом поселке могла колебаться от 60 до 200 человек. Судя по имеющимся данным, родовой могильник поселка содержал около 100 погребений. Считая среднюю продолжительность жизни в андроновском обществе от 20 до 30 лет³⁰, мы получили, в зависимости от допущенных нами вариантов плотности одновременного населения в поселке, что 100 погребений могильника могли быть совершены в течение промежутка времени от 10 до 50 лет, причем наиболее вероятен промежуток 25—50 лет (при плотности населения 60—100 человек). Подобные демографические подсчеты помогут при разработке относительной и абсолютной хронологии андроновской культуры.

По-видимому, непродолжительность существования поселка объясняется придомным скотоводческим хозяйством, которое вела община, ежедневно пригоняя скот для дойки. При этом площадь пастбищ ограничивалась ближайшими окрестностями и скоро вытаптывалась. Это заставляло периодически покидать места жительства в поисках новых угодий³¹. Перемещения групп андроновского населения приводили к интенсификации культурных связей племен и создавали предпосылки для перехода андроновцев к кочеванию.

²⁶ Возможно они употреблялись как крышки. В одном случае таким диском был покрыт сосуд в могиле.

²⁷ По заключению В. И. Цалкина, среди находок есть кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади, собаки, кабана и лисицы-корсака.

²⁸ Следует учитывать и толщину слоя, что делает картину еще выразительней.

²⁹ Петрографический анализ любезно произведен О. Ю. Круг. Выделяются две группы керамики: с примесью кварцита и доломита и с примесью талькового сланца с магнетитом. Обе группы представлены на поселении и в могильнике.

³⁰ Продолжительность жизни устанавливается по проценту детских захоронений ко взрослым, а также по этнографическим и другим параллелям. Приношу глубокую благодарность Г. Ф. Дебецу, оказавшему мне большую помощь в разработке этого вопроса.

³¹ Время использования пастбищ определялось почвенно-климатическими условиями и поголовьем скота. После восстановления пастбищ община вероятно часто возвращалась на старое место; чем объясняется многослойность многих андроновских поселений.

В. А. КУЗНЕЦОВ

РАСКОПКИ АЛАНСКИХ ГОРОДОВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА в 1962 г.

Летом 1962 г. Северо-Кавказская экспедиция ИА АН СССР продолжала исследование двух крупных средневековых городищ Северного Кавказа — Верхний Джулат в Северной Осетии и Нижне-Архызского в Карачаево-Черкесской АО. По значительности занимаемой площади и открытых древних сооружений и памятников архитектуры оба городища с полным основанием могут быть названы городами, один из которых был центром восточной, другой — западной части исторической Алании. Расположенные на важных военных и торговых путях, в областях с густым оседлым населением, городища эти — одни из основных археологических объектов, исследуемых СКАЭ в последние годы. Раскопки городища Верхний Джулат производились в тесном сотрудничестве с Северо-Осетинским НИИ, а Нижне-Архызского — в сотрудничестве с Карачаево-Черкесским НИИ.

Верхний Джулат. Раскоп I (400 м²) заложен в северо-западной части памятника, в 150 м к югу от Татартупского минарета. Это наиболее изученная часть города, где были сосредоточены раскопки прошлых лет¹.

На глубине 0,2 м обнаружилась почти сплошная булыжная вымостка (рис. 31) в один ярус. Местами она выбрана, очевидно, в позднейшее время. Вымостку трудно рассматривать иначе, как остатки булыжной мостовой, находящейся в окружении монументальных архитектурных памятников — двух мечетей с минаретами (одна из них соборная), христианской церкви, жилых зданий. Датировка мостовой возможна и на основании стратиграфического расположения керамики XIII в., находившейся на одном горизонте с мостовой и под ней, и на основании датированных предметов, найденных в том же слое. К их числу относятся: железный серп, обломок ключа от замка, обломки ножей, костяная рукоять плети (?), покрытая нарезным циркульным орнаментом, обломки кирпичей толщиной от 4 до 5 см. Аналогичные предметы на Верхнем Джулате встречались и раньше. В отдельных квадратах расширены скопления так называемых золотоордынских кирпичей, размером 23 × 23 × 4—5—6 см.

Приведенные данные позволяют отнести вскрытую мостовую скорее всего к XIII в. — времени интенсивной жизни на городище. Она свидетельствует о том, что в это время город уже обладал элементарным благоустройством.

Из находок, обнаруженных в культурном слое ниже мостовой и в других секторах, отметим костяные поделки, разрозненные куски глиняной обмазки, пять обломков каменных мельничных жерновов, обломок стенки железного котла, пряслица, сделанные из черепков, наконецник четырехгранной бронебойной стрелы, ножи и их обломки, фрагменты средневеко-

¹ См. информационные статьи О. В. Милорадович. КСИА АН СССР, вып. 85 86, 90.

вой черепицы — плоской и полукруглой. Наиболее массовым материалом была керамика и кости животных. Ниже приводится таблица, показывающая распределение этого материала по слоям.

Т а б л и ц а

Глубина, м	Керамика, шт	Кости, шт
0—0,2	1120	498
0,2—0,4	8587	3307
0,4—0,6	5446	2287
0,6—0,8	6402	2261
0,8—1	4573	1433
Всего . .	26128	9786

Таблица показывает, что максимальная насыщенность культурного слоя наблюдалась на уровне 0,2—0,4 м, что соответствует уровню мостовой. Керамика из этого пласта почти вся датируется XIII в. На глубине 0,4—0,8 м (штыки третий и четвертый) встречались фрагменты более ранней керамики — например два обломка глиняных котлов с внутренними ушками, которые могут относиться к X—XII вв.

Второй этап работ на раскопе I был связан с исследованием могильника, расположенного под мостовой. Всего обнаружено 28 погребений; они совершены в грунте, на глубине до 0,68 м и ориентированы на запад, северо-запад. Лишь один скелет был ориентирован головой на северо-восток и лежал необычно: скорченно на правом боку, тогда как остальные погребенные лежали вытянуто на спине. Инвентаря не было почти во всех могилах. Только в погребении № 9 обнаружены три медных наперстка, вставленных друг в друга, а в погребении № 28 — бронзовый перстень с синей стеклянной вставкой.

Отсутствие вещей затрудняет датировку. Те погребения, которые были расположены под мостовой XIII в., следует датировать предшествующим временем, — очевидно, XII в. Во многих из них отмечена любопытная особенность — булыжная кладка в один ряд с северной стороны скелета. В районе Джулата такая особенность обряда наблюдается впервые. В качестве аналогии можно указать на кочевнические подкурганские захоронения, раскопанные Т. М. Минаевой у аула Кубины в Черкесии. Т. М. Минаева приписывает их половцам и датирует концом XI в.² (не ранее).

В 1,2 км к югу от Татартупского минарета был заложен раскоп II, площадью около 140 м². Исследованное здание оказалось остатками небольшой одноапсидной церкви, длиной 15,4 м (рис. 31—б), состоящей из двух помещений — центрального и маленького притвора. Притвор сложен из кирпича на известковом растворе. Кирпичи разномерны, но преобладают квадратные, размером 25 × 25 × 5, 25 × 24 × 5,5 см. Характерна техника кладки стен: ряды кирпича чередуются с тесаными каменными блоками и валунами. Подобная техника кладки наблюдалась на Верхнем Джулате и в раскопках прошлых лет.

Притвор в плане образует сложный вписанный крест, создаваемый за счет восьми внутренних выступов. Он аналогичен притвору Джулатской церкви № 1, раскопанной О. В. Милорадович в 1959 г.³ Зафиксирован

² Т. М. Минаева. Городище близ аула Кубины в Черкесии. Изв. Северо-Осетинского НИИ, т. XXII, вып. IV. Орджоникидзе, 1960, стр. 175, рис. 16.

³ В. А. Кузнецов и О. В. Милорадович. Археологические раскопки в Северной Осетии в 1959 г. КСИА АН СССР, вып. 86. 1961, стр. 96.

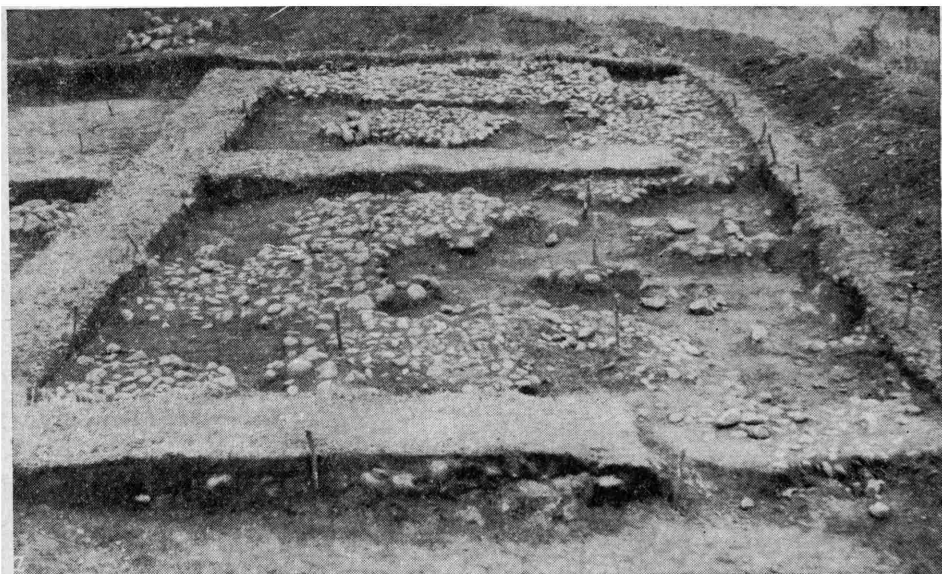

Рис. 31. Верхне-Джулатское городище

а — остатки булыжной мостовой в раскопе 1; б — руины церкви № 2, вид с востока; на переднем плане крппта

вход с западной стороны. Следует также отметить, что стены притвора с внутренней стороны были оштукатурены.

Центральное помещение в плане прямоугольное.

Восточная стена сохранилась очень плохо, поэтому невозможно восстановить контуры апсиды. Стены значительно шире стен притвора и отличаются иной строительной техникой: их цоколь сложен из больших валунов и камней на растворе, почти без применения кирпича. Техника кладки значительно грубее. Изучение строительных швов в их взаимосвязи показало, что центральная часть была пристроена к притвору.

Северо-восточную часть церкви занимала упавшая внутрь северная стена, сложенная из кирпича на растворе. Длина упавшего участка — 3,4 м.

С учетом растяжки и деформации, происшедшей в результате падения, нормальная высота стены может быть определена в пределах 3 м.

С восточной стороны к центральному помещению примыкает подалтарный склеп-крипта, сложенный из квадратного кирпича на толстом слое раствора. Камера ее в плане четырехугольная. На высоте 0,55 м от пола отвесные стены постепенно выведены в сферический свод, в плане круглый. С восточной стороны в крипту вел сложенный из кирпичей и плит узкий дромос с тремя ступенями. Входное отверстие оформлено стрельчатой аркой. Пол камеры из толстого слоя известкового раствора.

В земле, заполнявшей крипту, обнаружены перемешанные остатки нескольких взрослых и детских скелетов, число которых не устанавливалось. Кроме того, на полу расшищены разрозненные кости еще шести погребенных.

Описанная крипта аналогична крипте под Джулатской церковью № 1, раскопанной в 1959 г. Это еще более сближает оба памятника.

Из находок, обнаруженных при раскопках церкви, отметим массу битого кирпича и черепицы двух видов — полукруглой и плоской. Несколько фрагментов плоской были с рельефными знаками — по предварительному определению, буквами армянского алфавита⁴. Внутренняя поверхность стен была покрыта фресками, на что указывают кусочки штукатурки со следами красок (красной и черной). При раскопках притвора найдена ножка стеклянного сосуда⁵.

Датировка церкви № 2 определяется ее близостью джулатской церкви № 1 не только по плану, но и по отдельным деталям и по однотипному строительному материалу. Церковь № 1 датируется концом XII — первой половиной XIII в.⁶ Эту дату следует принять и для раскопанной нами церкви (№ 2). Отметим, что наконечник стрелы, найденный в крипте, по мнению А. Ф. Медведева, относится к XII в.

В ходе раскопок вокруг церкви и внутри ее притвора расширено 29 грунтовых погребений, совершенных по христианскому обряду и без инвентаря. Погребения, несомненно, разновременные, но их в основном можно отнести к XIII—XIV вв. Погребение № 30 было совершено в кирпичном саркофаге с двускатной крышей, пристроенном к северной стене церкви. Мужской скелет был сильно перемешан, у черепа найдено серебряное височное колечко.

Далее велись раскопки другого всхолмления, также ориентированного с запада на восток и усеянного битым кирпичом. Раскоп III находился на расстоянии около 700 м к юго-востоку от церкви № 2, недалеко от обрывистого берега поймы Терека. Площадь раскопа около 150 м². После удаления слоя строительных остатков были открыты руины второй небольшой одноапсидной церкви (№ 3). Ее длина 9 м, ширина 5,6 м (без пристроек). По своему плану она проще церкви № 2 и состоит из одного помещения, притвора нет. Нет и крипты. Стены сложены из чередующихся рядов кирпича и валунов (как в церкви № 2) и скрепленных известковым раствором. С внутренней стороны на стенах сохранились остатки штукатурки.

Помещение церкви прямоугольное. Пол был тщательно выложен квадратным кирпичом стандартных размеров: 24 × 24 см, 25 × 25 см и сверху покрыт слоем серого известкового раствора, почти целиком выбитого. Алтарная часть отделялась от зала алтарной преградой, сложенной из кирпичей в два ряда на растворе. Апсида, судя по остаткам булыжной кладки, была полуциркулярной, с небольшими угловыми выступами с севера и юга. В южной части ее, под основанием, отмечена более древняя яма с керамической X—XII вв.

⁴ Определение произведено проф. Е. А. Пахомовым.

⁵ Аналогию см. Б. Н. Аракелян, Г. О. Караханян. Гарни. Археологические раскопки в Армении, № 10. Ереван, 1962, табл. 1, третий ряд.

⁶ В. А. Кузнецов и О. В. Милорадович. Указ. соч., стр. 98. См. также статью Е. И. Крупнова. Христианский храм XII в. на городище Верхний Джулат. МИА. № 114, 1963, стр. 65.

При раскопках церкви найдены пять обломков железных клепаных крестов и железный четырехгранный гвоздь.

С западной стороны к церкви № 3 были пристроены склеп и мавзолей. Склеп сложен из серых песчаниковых блоков без раствора и содержал разрушенное погребение без вещей. Мавзолей также четырехугольный в плане, сложен из квадратного кирпичика на растворе. Изнутри стены были оштукатурены. В юго-западном углу мавзолея — дверной проем шириной 0,73 м. Внутри мавзолея расчищено девять христианских погребений, одно из них в кирпичном гробе. При погребенных найдены два красно-коричневых кувшина с ручками, два железных кольца, круглая костяная пуговица с резным циркульным орнаментом, серебряная пуговица типа «жолудя», покрытая зернью, два железных креста.

У южной стены церкви исследован кирпичный саркофаг с двускатной крышей, аналогичный исследованному у церкви № 2. Он ориентирован с запада на восток. На полу камеры лежал мужской скелет без вещей.

Вокруг церкви, кроме вышеописанных, было раскопано еще 13 грунтовых христианских погребений. В погребении № 18 найдены: серебряное височное кольцо в полтора оборота с гроздью из четырех шариков на конце, серебряная пуговица «жолудь» с зернью и серебряная орнаментированная пуговица-бубенчик.

Дата церкви № 3 определяется характером строительного материала и техники, а также отдельными находками. Кирпич аналогичен кирпичу из церквей № 1 и 2, датированных XII—XIII вв. Одинакова в церквях черепица — плоская с бортиком и полукруглая с упором. Одинаковы и строительные приемы — чередование кирпичей и валунов в стенах. Костяная пуговица из мавзолея идентична такой же, найденной при раскопках церкви № 1⁷. Ювелирные серебряные пуговицы «жолудь» хорошо известны в материалах XIII—XIV вв. из «Волжской Болгарии»⁸. Встречались они и в раскопках О. В. Милорадович на христианском могильнике XIII—XIV вв. у церкви № 1. К тому же времени можно отнести найденные нами кувшины, кресты, височные кольца и т.д. Все эти вещи указывают на дату окружающего церковь могильника. Время же строительства самой церкви можно определить XIII в.

Наиболее важные результаты раскопок Верхнего Джулата состоят в том, что вновь подтверждено наличие здесь в XII—XIII вв. крупного аланского центра, несомненно, городского типа, обладавшего элементами благоустройства (мостовая) и многочисленными памятниками архитектуры. Теперь нам известны те три джулатские церкви, которые наблюдали здесь русско-грузинские миссионеры в 1745 г. и «ис которых две без глав, а одна с главою, токмо весьма обветшали и развалились»⁹. Важно также отметить, что при раскопках 1962 г. впервые выявлены архитектурные сооружения в южной части городища. Это свидетельствует о том, что кирпичные здания не были сосредоточены лишь в северной части города, где, возможно, находился его центр. Три церкви в разных районах, вероятно, имели значение местных капелл, удовлетворявших потребности прилежащих христианских кварталов. Изучаемый городской центр, связываемый в последнее время с Дедяковым, по нашему мнению, был экономическим и политическим центром Восточной Алании в XII—XIII вв. В этом состоит большое значение его раскопок.

Нижний Архыз. Раскопки на Нижне-Архызском городище (в ущелье р. Большой Зеленчук) были продолжением исследований, начатых здесь в 1960 г. Сначала на территории основной части городища были заложены два разведочных шурфа, выявивших культурный слой X—XII вв.

⁷ В. А. Кузнецов и О. В. Милорадович. Указ. соч., рис. 40, 12.

⁸ А. П. Смирнов. Волжские Булгары. М., 1951, табл. IV, 70.

⁹ М. М. Блиев. Осетинское посольство в Петербурге 1749—1752 гг. Орджоникидзе, 1961, стр. 15, примеч. 1.

Толщина слоя 0,7—1 м. В третьем шурфе, заложенном к югу от церкви № 6, обнаружен слой с гончарной красноглиняной керамикой XIII—XIV вв., а также основания каменных стен и большое количество железных шлаков.

Основной раскоп разбит в средней части города, наиболее интенсивно застроенной. Исследованы руины церкви № 4, давно отмеченной археологами, но оставшейся неизученной. Она находится около центральной улицы города, к северу от балки Подорванной.

После разборки завалов выявилась конструкция церкви в основных ее деталях. Она одноапсидная, в плане состоит из трех частей: алтаря, центрального помещения и притвора. Длина здания 11,7 м, ширина 4,4 м, сложена из подтесанного плитняка без раствора. Апсида отделена от центрального помещения алтарной преградой, расчищенной до основания фундамента на глубину 2,2 м.

Стены центрального помещения сохранились в высоту до 2,4 м (южная стена), но ни в одной нет никаких следов дверных или оконных проемов. Внутри помещения была расчищена полукруглая в плане стена, идущая от западной стены к южной. Посредине стены — ниша, выложенная четырьмя небольшими плитами. При расчистке в ней найдено несколько уголков.

Притвор небольшой, прямоугольный. Снаружи к юго-западной части его пристроена лестница с пятью ступенями, ведущая на каменное крыльцо.

В высоту крыльцо сохранилось на 1,12 м, но первоначально оно было, несомненно, выше (рис. 32).

Церковь № 4 оказалась весьма интересным и своеобразным памятником. По своему плану она тождественна многим церквям X—XII вв. Нижнего Архыза и Верхнего Прикубанья. Но совершенно новое в ней — глухой цокольный этаж — подклет, о чем свидетельствует отсутствие дверных проемов (при значительной высоте сохранившихся стен) и наличие лестницы и крыльца с западной стороны. Последнее указывает на то, что вход в церковь был поднят на значительную высоту (примерно 1,5 м над уровнем древнего горизонта). Соответственно должна определяться отметка уровня древнего пола церкви, по-видимому, деревянного. Все эти факты говорят об устройстве под полом центрального помещения низкого темного подклета, разделенного на две части стеной с нишей. Подклет, вероятно, был и под алтарем. Он мог использоваться для хранения церковного имущества.

В целом церковь № 4 — оригинальный памятник архитектуры с ярко выраженным вертикализмом основных объемов, особенно ощутимым при небольших размерах здания. Следует также отметить, что апсида снаружи была украшена цветными изразцами, обломки которых найдены в

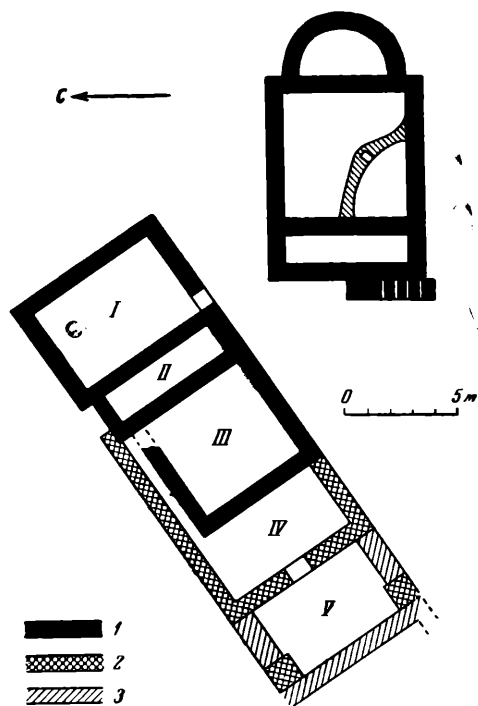

Рис. 32. Нижне-Архызское городище. План церкви № 4 и комплекса жилых и производственных помещений

I—V — помещения I—V; 1 — первый строительный период; 2 — второй строительный период; 3 — третий строительный период

Рис. 33. Нижне-Архызское городище. Остатки железоплавильного горна

слое завала. Дата церкви № 4 определяется как архитектурно-стилистическими особенностями, так и стратиграфически — ее расположением на культурном слое X—XII вв. На основании этих данных вероятным временем строительства ее можно считать XII в.

На расстоянии 3,7 м к северо-западу от притвора отмечалось курганообразное возвышение, на поверхность которого выходили тесаные камни. При раскопках выявлено, что оно состояло из задернованной груды тесаных камней и плит, после удаления которых открылось четырехугольное помещение I. Позже расчищены примыкающие с юго-запада помещения II—V, составляющие с первым единый комплекс (рис. 32).

Стены помещения I сложены из камня-плитняка насухо. Лучшее всего сохранилась юго-восточная стена высотой 2,25 м. В южном углу стены — дверной проем шириной 0,92 м. Дверь вела из помещения I на улицу к церкви. На древнем горизонте около этого входа найдена тесаная плита с изображением креста, которая, возможно, была вмонтирована в стену над дверью.

Наиболее интересный объект был открыт у юго-западной стены помещения, на глубине 1,4 м. Здесь под завалом обнаружили остатки небольшого горна для выплавки железа (рис. 33). Горн состоит из трех камер. Камера А вплотную примыкала к стене здания, сверху накрыта разбитой плитой, с соседними камерами не сообщалась. Внутри найдено несколько древесных угольков. Камеры Б и В образованы тремя большими тесаными камнями (один из них со сквозным отверстием), поставленными на торец. Боковые камни поставлены под углом по отношению к среднему. Размеры камеры Б — 0,34 × 0,34 × 0,3 м, камеры В — 0,29 × 0,34 × 0,34 м (высота). Пол камер был выложен плоскими закопченными камнями. Важно отметить, что камни, составляющие камеры, прокалены и растрескались, а на поверхности, обращенной внутрь горна, образовались шлаковые накипи.

На использование горна для выплавки железа указывают железные шлаки, заполнявшие камеры Б и В и все пространство перед ними. Всего из горна и с производственной площадки извлечено 205 кусков шлака, некоторые весом в несколько килограммов. Кроме того, вокруг горна найдены

кусочки прокаленной глины и прослежен толстый слой древесного угля, несомненно, связанный с работой горна.

Анализ шлака, произведенный в лаборатории ИА АН СССР О. Ю. Круг, показал большое содержание магнетита и, следовательно, высокое качество руды. На основании того же исследования шлака устанавливается сыродутный процесс плавки.

Выявление остатков железоделательного производства на Нижне-Архызском городище — факт весьма важный. Значение его состоит не только в том, что явные и документированные остатки железного производства выявлены впервые в истории изучения аланской культуры¹⁰, но и в том, что они еще раз подтверждают роль Нижне-Архызского городища как важного производственного центра в X—XII вв.

К помещению I примыкает помещение II, без следов дверных проемов. При разборке завала встречены кусочки розовой цемьянки, обломки полукруглой черепицы, фрагменты керамики. Вдоль юго-восточной стены помещения расчищена кладка из больших каменных плит. Под ними оказалось погребение, совершенное уже после того, как здание было заброшено. Скелет головой ориентирован на юго-запад-запад, положение — вытянутое на спине. Вещей не обнаружено. В помещении II мы не обнаружили материалов, которые позволили бы определить его назначение.

Помещение III почти квадратное, размеры — 4,85 × 4,2 м. Здесь при разборке завала найдены обломки полукруглой черепицы и кусок стеклянного браслета. На глубине 1 м все помещение было завалено слоем коричнево-красной глины, которую подстилал слой древесного угля. Отметим также, что в слое глины повсеместно встречались кусочки многослойной поделки.

Эти напластования трудно представить иначе, как рухнувшую внутрь помещения крышу, которая, по-видимому, была плоской (типа горской сакли), глинобитной, выложенной крупными обожженными глиняными плитами. Некоторые плиты сохранились почти целиком; они достигали 31 см в длину при ширине 28 см и толщине 8—9 см. Плиты лежали на турлучном каркасе (куски турлука найдены), с внутренней стороны выбеленном. Пол здания был деревянным — при тщательной зачистке в слое угля удалось проследить отдельные куски сгоревших досок.

Находки в основном связываются с конструкцией крыши. Это железные гвозди двух видов, скобы, костыли, стержни и т. д. Найден также плоский наконечник стрелы, около 30 мелких обломков листовой меди (от чаши или котла), два обломка стеклянных сосудов, обломок стенки каменного сосуда (?), выточенного из агата, изменившего свою структуру под воздействием высокой температуры¹¹.

Стены с внутренней стороны сохранили остатки серой штукатурки. Помещение III можно рассматривать как жилое (хотя и без очага), уничтоженное в результате пожара.

Помещение IV пристроено к помещению III позднее. Размеры его — 5,6 × 2,55 м. Поскольку оно на 0,6 м шире помещения III, северо-западная стена его оказалась возведенной параллельно той же стене помещения III. Образовался узкий «коридор»¹² шириной 0,35 м. Вряд ли он использовался как проход, так как был забит камнями и землей.

Под южной стеной примерно на уровне пола вскрыта каменная кладка, длиной 4,5 м. Вероятнее всего, это остаток более древней стены, перекры-

¹⁰ Ближайшую территориально и хронологически аналогию см. Б. Е. Деген-Ковалевский. К истории железного производства Закавказья. ИГАИМК, вып. 120. М.—Л., 1935.

¹¹ Определение материала и его исследование произведены в Музее минералогии АН СССР М. Е. Яковлевой.

¹² Сходный «коридор» см. Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гилляч в верховьях Кубани. МИА, № 23, 1951, стр. 273, рис. 3.

той при строительстве. В стене помещения IV, которая шла над кладкой, удалось выявить дверной проем, позднее заложённый камнями.

Судя по большому количеству костей животных и черепков, помещение IV было связано с хозяйственной жизнью. Отметим также обломки четырёх стеклянных браслетов и мелкие фрагменты стеклянной посуды.

Дверной проем ведет из помещения IV на юг. Здесь расчищены остатки помещения V, которое напоминает открытую на солнечную южную сторону веранду. От этого помещения (вернее пристройки) сохранились две четырёхугольные каменные базы одинаковых размеров (1,17 × 1,17). Кладка аналогична кладке стен здания. Базы расположены точно по линии стен. Можно полагать, что на этих базах-основаниях стояли деревянные или каменные столбы, поддерживавшие крышу-навес. Промежутки между зданием и базами в позднейшее время заложены весьма примитивной каменной кладкой.

Исследованное нами сооружение включает комплекс помещений различного назначения. Это первое большое здание, раскопанное на Нижне-Архызском городище. Оно даёт много интересного материала о производстве, хозяйстве и быте обитателей городища. Что касается даты здания, то она определяется находками и стратиграфическим соотношением с церковью № 4. Этой датой можно считать XI—XII вв.

Одновременно с раскопками церкви № 4 и здания у северного Зеленчукского храма исследовался древнехристианский могильник, раскопки которого начаты в 1960 г. Он состоит из каменных ящиков. В 1960 г. было раскопано 53 ящика. В 1962 г. исследовано исключительно у апсидной части храма 32 ящика. Данные, полученные в 1962 г., подтверждают основные наблюдения, сделанные в 1960 г.¹³ Все погребённые лежат вытянуто на спине, головой на запад. В заполнении многих ящиков зафиксированы деревянные угольки, кирпичная крошка, заменяющая реальгар, и кусочки мела. Под черепа некоторых скелетов подложены плоские камни. Найденный в могилах немногочисленный инвентарь подтверждает и намеченную ранее дату — XI—XIV вв. Керамики нет. В ящике № 79 найден стеклянный темно-коричневый браслет. Из ящика № 56 интересна крупная серебряная ювелирной работы подвеска со стеклянными глазками. При помощи трёх бронзовых цепочек она была вплетена в косу.

В засыпи ящика № 59, непосредственно под покровной плитой, обнаружена медная византийская монета императора Константина Багрянородного, чеканенная в Константинополе в январе — апреле 945 г.¹⁴ Отверстия нет, поверхность сильно стерта. Монета к погребению не относится и попала в ящик из слоя.

В итоге раскопок 1962 г. огромное Нижне-Архызское городище вновь представляется как один из основных археологических памятников западной части Алании, один из важнейших ее экономических и политических центров X—XII вв.

¹³ В. А. Кузнецов. Археологические раскопки в верховьях Кубани в 1960—1961 гг. КСИА АН СССР, вып. 96.

¹⁴ Монета определена В. В. Кропоткиным.

Г. А. БРЫКИНА

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ КАРАБУЛАК
в 1961—1962 гг.

Среди археологических памятников, обследованных в горном районе Юго-Западной Ферганы, очень интересно средневековое городище, расположенное в неширокой долине в кишлаке Карабулак (Ляйляжский район Ошской области).

В 1958—1959 гг. нами проводились здесь раскопки высокого подчетырёхугольного в плане холма-тепе, заключавшего в себе остатки древнего сооружения — дома или замка. В 1958—1960 гг., работы проводились на возвышении в южной части тепе и на восточной половине площадки, примыкающей к возвышению. Кроме того, в 1959 г. была проведена зачистка восточного склона, а в 1960 г. здесь заложена траншея, прорезавшая всю толщу холма до материка¹. В 1961—1962 гг. исследовалась северная часть тепе. Всего в настоящее время на памятнике вскрыта площадь в 1600 м².

Наилучшая сохранность отмечена для северо-восточного угла здания, где можно выделить четыре последовательно сменяющихся строительных горизонта, совпадающих с четырьмя периодами жизни здания. В северо-западном углу обнаружены постройки, относящиеся к двум наиболее ранним строительным горизонтам.

В основе всего сооружения лежит глинобитный цоколь, часть которого обнаружена нами в траншее 1960 г. На цоколе возведены сооружения, относившиеся к первому периоду жизни здания. В этот период оно имело массивную глинобитную внешнюю стену, часть которой исследована нами в 1959 г., и башню в южной части. Ее стена из нарезных блоков открыта нами в 1958 г. (рис. 34).

К этому же периоду относятся пять помещений, вскрытых в восточной части тепе: одно из них — в 1959 г., другое — в 1960 г. (помещение № 26); в 1961 г. к северу от него раскопаны еще три комнаты, стены которых сложены из сырцовых длинномерных кирпичей цепной кладкой и покрыты толстым слоем саманной обмазки. Полы глинобитные, высотные отметки² их — 3,23—3,35 м. Все комнаты в плане удлиненной четырехугольной формы. Вдоль восточной и западной стен помещения № 26 устроены высокие суфы. У западной стены одного помещения, раскопанного в 1961 г., также находилась невысокая суфа, в которую был встроен очаг подковообразной формы. В другом помещении очаг расположен около северной стены. Рядом с ним обнаружено небольшое углубление, в которое, очевидно, ставили кухонные сосуды с уплощенным дном. Сооружения первого периода открыты

¹ Об истории исследования городища, а также о результатах работ 1958—1960 гг. см. Ю. Д. Баруздин и Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962 г. (раздел «Земледельческие поселения юго-запада Ошской области»).

² За нулевую отметку принята наивысшая точка в южной части холма.

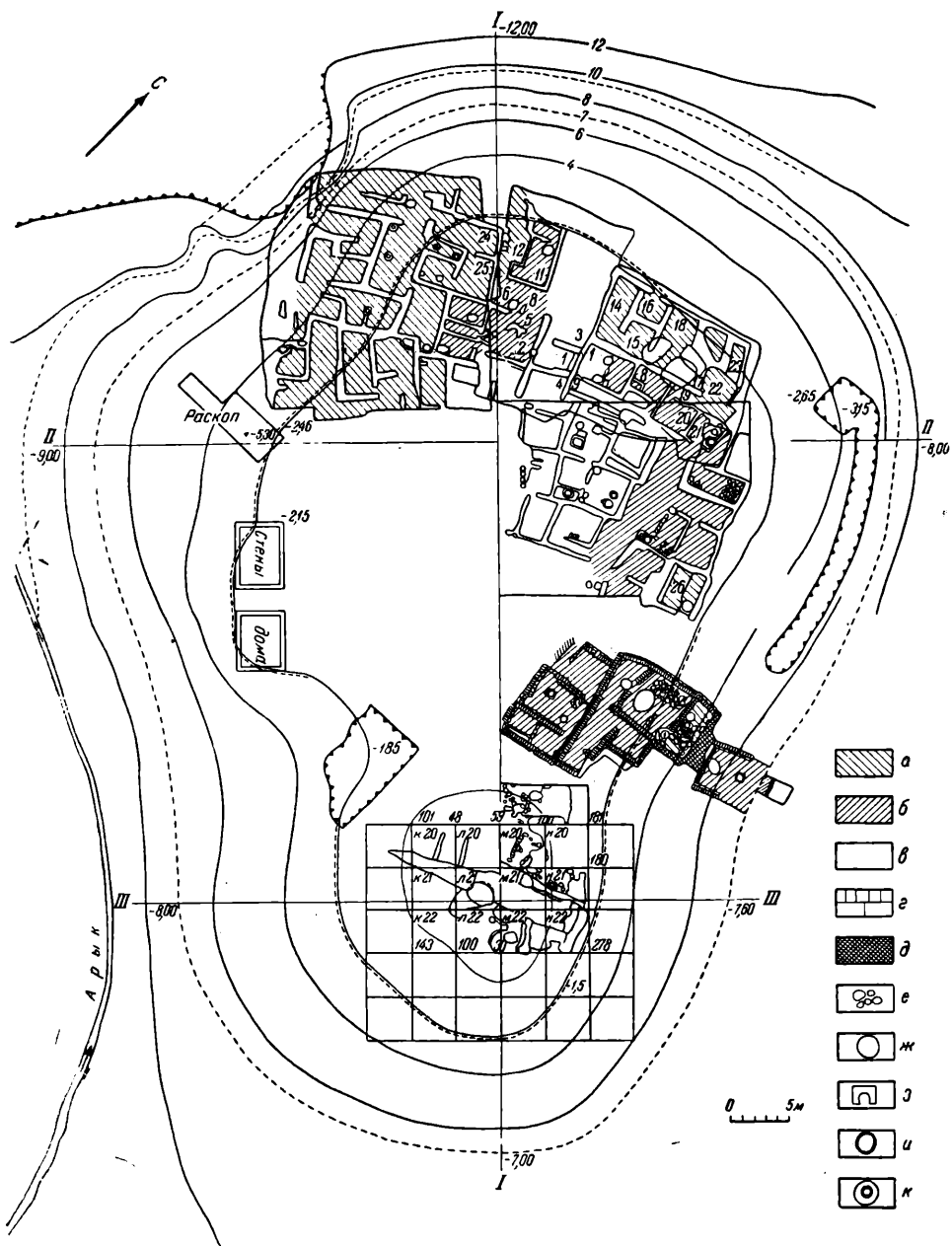

Рис. 34. План городища Карабулак

а — помещение первого периода; б — помещение второго периода; в — помещение третьего периода;
 г — кладки сырцовых кирпичей; д — глинобитные стены; е — каменные вымостки; ж — ямы; з — очаги;
 и — очаги и тандыры; к — сосуды, вкопанные в пол; 1—26 — номера помещений

в северной части тепе. В раскопе 1961 г., в северо-западном углу тепе, 19 помещений из 21 относились к первому периоду. Отметки полов колеблются от 3,12 до 3,5 м. В северо-восточном углу тепе, на участке, ограниченном двумя длинными параллельными стенками, в 1962 г. открыты восемь комнат, относящихся к первому периоду. Отметки полов 3,1—3,59 м.

Ко второму периоду относятся помещения, высотные отметки полов которых колеблются от 2,5 до 3 м. К этому периоду могут быть отнесены все

помещения в раскопе 1959 г., шесть помещений в восточной части раскопа 1960 г., три комнаты в восточной части раскопа 1961 г. и пять комнат в раскопе 1962 г. При возведении сооружений этого периода завалы, образовавшиеся при разрушении первоначального здания, были использованы в качестве платформы. Все комнаты в плане удлиненные четырехугольные, небольшие, площадью до 15—16 м²; три комнаты (раскоп 1961 г.) площадью 6—8 м². Стены сохранились в высоту от 0,2 до 0,8 м. В двух помещениях выявлены подковообразные очаги. В помещении № 8 (1962 г.) в южном углу обнаружен заком, предназначавшийся, очевидно, для хранения продовольственных запасов.

К третьему периоду относятся семь комнат раскопа 1960 г. и четыре комнаты в южной части раскопа 1962 г. Размеры их также невелики. Отметки полов колеблются от 2,1 до 2,4 м.

Сооружения четвертого, наиболее позднего периода выявлены в раскопах 1960 и 1962 гг. Сохранились лишь основания стен, сложенные из крупных окатанных речных камней, располагавшиеся правильными рядами, в основном в направлении северо-восток — юго-запад, с небольшими отклонениями. Камни были положены на утрамбованную глинобитную поверхность, перекрывавшую стены помещений предыдущего периода.

Сооружение помещений всех периодов сопровождалось перестройками и изменением планировки здания. Это хорошо прослежено на всех участках. Планировка каждого последующего периода не совпадала с планировкой предыдущего. Но в отдельных случаях стены помещений первого периода продолжали функционировать и в последующее время. Так, к внешней стене здания первого периода были пристроены помещения второго периода. Длинная стена, возведенная в северо-восточном углу в первый, функционировала во второй и третий периоды. В помещении № 7 (раскоп 1962 г.) к восточной стене, возведенной во второй период, при перепланировке здания в третий период сделана пристройка шириной 48 см. Она возведена на аморфном завале, образовавшемся в связи с разрушением здания предшествующего времени. На пол в целях ремонта неоднократно делались подсыпки. В результате наиболее поздний в этот период пол имел отметку 2,15 м. На нем около южной стены был сооружен подковообразный очаг с прямоугольной оградкой у топочного отверстия.

Полы во всех помещениях глинобитные. В четырех они дополнительно вымощены крупными, плоскими, хорошо окатанными камнями. Как правило, в помещениях второго и третьего периодов у стен уровень полов выше, а к центру помещения они проседают. Это объясняется тем, что подстилающим слоем служит не специальная забутовка, а аморфный рыхлый завал, связанный с разрушением предшествующих построек.

Стены сооружений всех периодов сложены в основном из длиномерных сырцовых кирпичей цепной кладкой. Однако наряду с этим отмечена кладка кирпичей на ребро наклонно. По мнению В. Л. Ворониной, такой способ кладки был одним из антисейсмических приемов в строительстве³. Этим же можно объяснить то обстоятельство, что кирпичи не скреплены крепким раствором, а положены на довольно рыхлый глинистый раствор, что делает стену более эластичной при землетрясениях. В помещении № 24 северная стена сложена из чередующихся рядов камней и слоев глины толщиной 10—12 см. Поверхность стен покрыта ровным слоем саманной обмазки толщиной до 2,5 см. В основании всех стен лежали крупные, хорошо окатанные речные камни. Как правило, стены возводились на плотном глинобитном слое толщиной до 20—25 см. Подстилал его аморфный завал, состоящий из рыхлой земли и обломков кирпичей. Местами отмечено большое скопление золы и древесных углей. Стены не имели прочного скрепления с по-

³ В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. «Архитектурное наследство», вып. 3. М., 1953, стр. 12.

верхностью, на которой они возводились: на ней лежал слой рыхлой земли толщиной до 3 см.

О перекрытиях из-за плохой сохранности сооружений можно судить только предположительно. В некоторых помещениях есть завал кирпичей, упавших на торец, что дает возможность допустить сводчатые перекрытия. В то же время в пяти помещениях обнаружены большие куски досок и балок и куски обуглившегося дерева, очевидно, остатки конструкций плоского перекрытия. Почти во всех комнатах на полу ровным слоем лежал древесный глел.

О жилом и хозяйственном назначении открытых помещений свидетельствует наличие в них хозяйственных и мусорных ям, очагов, сосудов, врытых в пол и предназначенных для хранения продовольственных запасов, а также весь комплекс находок.

Из 15 ям, открытых в сооружениях всех периодов, 10 были хозяйственного назначения, а остальные были мусорными. О назначении ям мы судим по их заполнению: мусорные ямы заполнены золистой землей, в них найдено большое количество битой посуды и костей животных. Заполнение хозяйственных ям связано с разрушением здания и состоит из обломков кирпичей, глины.

В помещениях первого периода обнаружены четыре очага подковообразной формы. Фасадные стенки украшены штампованным орнаментом, перед топочными отверстиями находились небольшие, полукруглые в плане углубления, заполненные золой.

Очень интересен очаг, обнаруженный в северном углу помещения № 8 (второй период). Он также подковообразной формы, и его лицевые стороны украшены штампованным орнаментом. Стенки сильно прокалены. Перед топочным отверстием — небольшое углубление, заполненное золой. Оно ограждено прямоугольной в плане оградкой из обожженных плит, поставленных на ребро. Такая же оградка была у очага в помещении № 7, в слое, относящемся к третьему периоду.

В помещении № 21 (1962 г.) очаг расположен около северо-западной стены. Он также подковообразный, но его фасадные стенки не орнаментированы. Внутренняя поверхность покрыта ровным слоем саманной обмазки и слабо обожжена. Полуовальное углубление перед топочным отверстием заполнено золой. Очаги этого вида служили для приготовления пищи. В древности они были широко распространены и характерны для оседлых среднеазиатских народов и в настоящее время⁴. Для обогрева помещений применялись, очевидно, переносные очаги — глиняные толстенные жаровни, обломки которых найдены во многих помещениях. Использование жаровен в качестве переносных очагов отметил Н. Н. Негматов при раскопках в Шахристане. По его сведениям, подобные очаги употребляются таджиками Матчи и в настоящее время⁵.

В сооружениях, относящихся ко всем периодам жизни здания, найдено большое количество предметов материальной культуры, позволяющих судить о многообразии хозяйственной деятельности обитателей городища.

Как и в прошлые годы, в помещениях найдены фрагменты массивных алебастровых столиков. Круг аналогий им был намечен нами ранее⁶. Здесь отметим только, что наиболее ранние находки этого предмета встречены на

⁴ О находках очагов этого типа см. В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Самарканд, 1926, стр. 53; М. Е. Массон. Ахангеран. Ташкент, 1953, стр. 58, рис. 33; Е. Д. Салтовская. Археологические памятники близ кишлака Рохаты. Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.», стр. 102—105; В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 107; Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Указ. соч., стр. 110, 124.

⁵ Н. Негматов. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1956 г. Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1956 г.», стр. 120.

⁶ Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Указ. соч., стр. 96, 113.

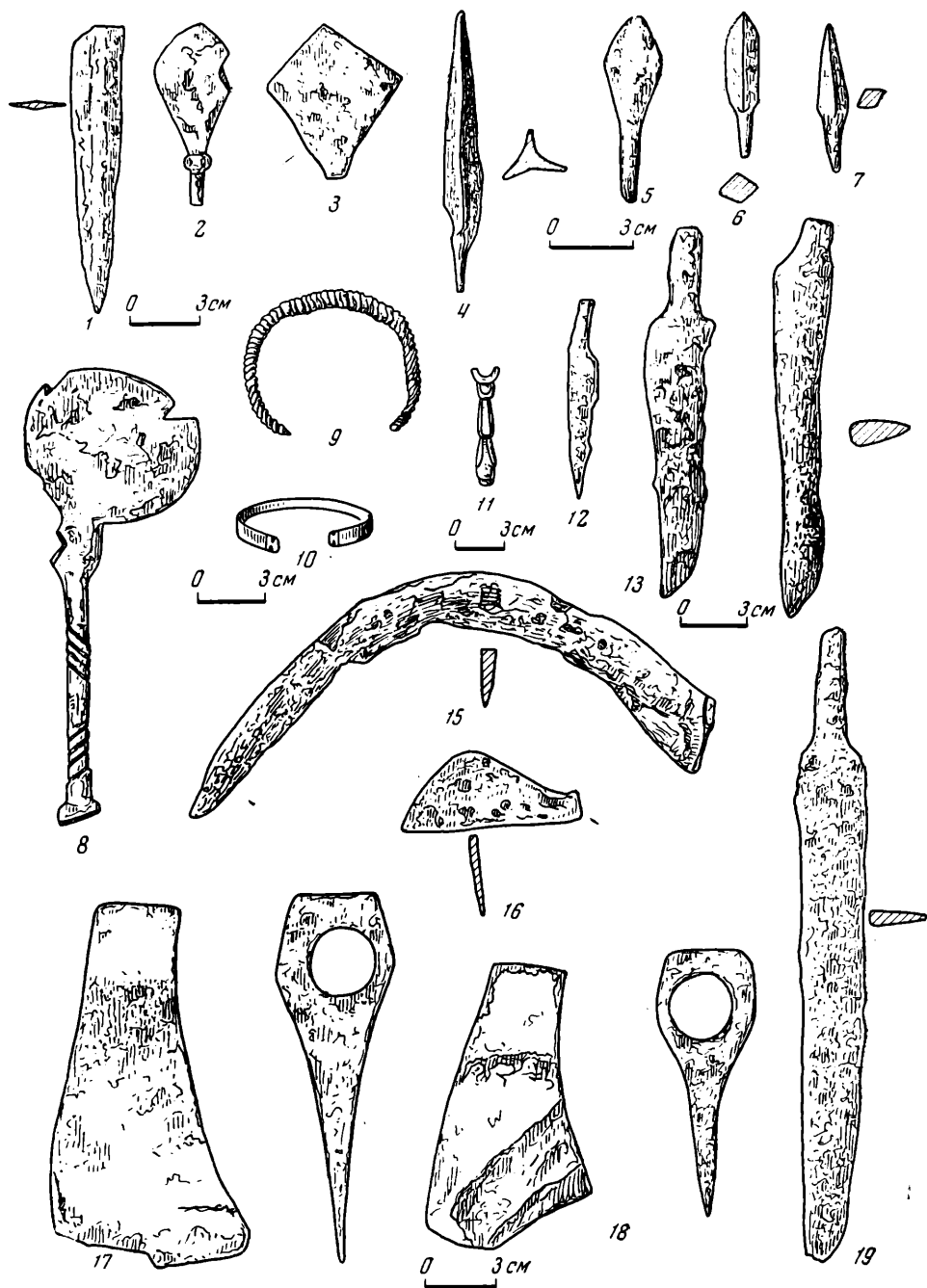

Рис. 35. Изделия из железа и бронзы из раскопок городища Карабулак

1 — фрагмент железного кинжала; 2—7 — наконечники стрел; 8 — кыпкыр; 9, 10 — бронзовые браслеты; 11 — бронзовая серьга; 12—14, 19 — железные ножи; 15 — железный серп; 16 — железная бритва; 17, 18 — железные топоры

памятниках VI—VIII вв. Исфары и Баткена. В более западных районах они найдены только на памятниках X—XII вв. Самая западная находка — стол из Мунчак-тепе (XI—XII вв.). В порядке предположения можно сказать, что сюда они распространились из восточных районов.

В помещениях первого и второго периодов найдены два массивных железных проушных топора с расширяющимся лезвием, нижний край которого оттянут; обушок уплощенный прямоугольный (рис. 35 — 17, 18). Топоры — очень редкая находка на среднеазиатских памятниках⁷. В качестве более далеких аналогий можно отметить топоры из хазарского и славянского слоев Саркела⁸.

Интересной находкой, свидетельствующей о большой роли в Карабулаке земледелия, были серпы. Фрагменты их найдены в разных помещениях, в завалах и при зачистке полов. А при зачистке пола в помещении № 1 (раскоп II, 1961 г., восточный край тепе) первого периода найден один целый экземпляр. Серп сделан из тонкой треугольной в сечении пластины. Один конец его заострен, другой, к которому должна прикрепляться ручка, загнут; длина по хорде 27 см (рис. 35 — 15). Большое количество аналогичных серпов найдено при раскопках первого буддийского храма в Ак-Бешиме⁹ в слоях, связанных с разрушением храма, и в слое VI—VIII вв. на городище Пянджикент¹⁰. На городище Мунчак-тепе в слое XI—XII вв. найден целый серп, аналогичный карабулакскому¹¹. В слое, относящемся ко второму периоду, найдена железная лопаточка для размешивания пищи при приготовлении. У нее рабочая часть овальной формы и длинная витая ручка (рис. 35 — 8). В археологических материалах нам такие находки неизвестны, но подобные лопаточки бытуют в настоящее время у киргизов и узбеков и известны под названием «кыпкыр» и «кыргыч».

В завалах и при зачистке полов в помещениях найдены целые ножи и большое количество их фрагментов. Все ножи черешковые, однолезвийные, с прямой утолщенной спинкой и изогнутым лезвием. На черешок насаживалась деревянная рукоятка. Следы дерева сохранились на рукоятках некоторых ножей (рис. 35 — 12—14, 19).

Особую группу находок составляют предметы вооружения — наконечники стрел и кинжал. Наконечники стрел железные, черешковые, формы их различны. Два больших наконечника трехлопастные (рис. 35 — 4). Эта форма наиболее ранняя для Карабулакского городища. Аналогичные им есть в коллекциях из могильников первых веков н. э.¹² Они найдены также и на средневековых памятниках, в частности при раскопках первого буддийского храма в Ак-Бешиме (слои VIII—IX вв. и X—XI вв.)¹³. В помещениях первого периода найдены три плоских, ромбической формы наконечника. Черешок в сечении круглый, у основания поясок, отделяющий его от боевой части (рис. 35 — 2). Форма обычна для X—XI вв. Подобные наконечники встречены на многих средневековых памятниках от Киева до Минусинской котловины, где они есть в Тюхтятском кладе¹⁴. И, наконец, упомянем, три

⁷ Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина (ред. А. Н. Бернштам), МИА, № 14, 1950, табл. XXXVII.

⁸ С. С. Сорокин. Железные изделия Саркела-Белой Вежи. МИА, № 75, рис. 4, 11.

⁹ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II, 1959.

¹⁰ А. М. Беленицкий. Археологические раскопки в Пянджикенте. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 37, рис. 4, 9, 10.

¹¹ Гос. Эрмитаж. Экспозиция отдела Советского Востока.

¹² С. С. Сорокин. Боркорбазский могильник. Труды Гос. Эрмитажа, т. V, Л., 1962, табл. II, XV; Ю. Д. Баруздин. Карабулакский могильник. Изв. АН Кирг. ССР, вып. 3, 1961.

¹³ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования в Ак-Бешиме в 1953—1954 гг. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1959, стр. 215, рис. 44, 8, стр. 222, рис. 49, 9.

¹⁴ Л. А. Евтюхова. Археологические памятники кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, стр. 68, рис. 118.

бронзобойных или пулевидных наконечника, ромбических в сечении. Аналогии им есть среди ак-бешимских находок¹⁵.

Клинок железного черешкового кинжала был ромбический в сечении (рис. 35 — 1). Кинжалы подобной формы со средневековых памятников Средней Азии неизвестны. На Алтае же они найдены в кочевнических курганах VII—IX вв.¹⁶ Кинжалы, аналогичные карабулакскому, есть в Тюхтатском кладе, датированном Л. А. Евтюховой IX—X вв.¹⁷

Из других находок отметим бронзовую ложку, два браслета (рис. 35 — 9, 10) (один — витой, другой — плоский, из согнутых тонких пластин с концами, имитирующими головки змей) и круглое бронзовое зеркало с петельчатой ручкой, прикрепленной с оборотной стороны. Интересны также находки бус, сделанных из различного материала (из сердолика, стекла, кашина). Особо отметим стеклянную кружку, подражающую по форме серебряным, так называемым сасанидским кружкам. Вероятно, она местного производства. О наличии местных стекольных мастерских свидетельствуют находки шлакированного стекла.

Основную массу находок составляет керамика. Она, за очень небольшим исключением, гончарного производства. Несмотря на большое количество находок, разнообразием форм найденная посуда не отличается. Это полевые котлы, горшки, кувшины, сосуды, связанные с молочным хозяйством, крышки, хумы, поливные тарелки, блюда, чаши разных размеров, светильники. Раскопки последних двух лет пополнили коллекцию керамики из Карабулака, за небольшим исключением, лишь количественно, и так как публикация материалов из раскопок предыдущих лет дана нами ранее¹⁸, здесь приведем лишь краткую их характеристику.

Котлы изготовлялись из специального, так называемого котлового, огнеупорного теста с большим количеством мелкого песка и известковых включений (возможно, толченой ракушки). Большинство котлов с широким сферическим туловом, уплощенным дном, с дуговидными или круглыми в сечении ручками, которые прикреплялись под венчиком (рис. 36 — 11). Кроме того, найдены невысокие, большого диаметра котлы с прямостоящими стенками и вертикальными ручками, прикреплявшимися к верхней площадке венчика.

Горшки были разных размеров и разного обжига — желтого и серого (рис. 36 — 8). Тулово их украшалось росписью в виде широких мазков, нанесенных черной и бурой краской.

Широкогорлые, небольших размеров кувшины серого обжига богато украшались штампованным, прочерченным и наlepным орнаментом (рис. 36 — 4, 5, 6).

Узкогорлые кувшины разных размеров изготовлялись из глины с небольшим количеством песка. Тулово и горло их украшались прочерченным линейно-волнистым орнаментом, наносившимся до обжига (рис. 36 — 7)¹⁹.

Для переноски воды, помимо кувшинов, служили сосуды-мургоби. Фрагменты небольших сосудов этой формы, изготовленных из довольно грубой глины и украшенных пятнистой росписью, найдены в сооружениях всех периодов (рис. 36 — 2).

Очень интересна группа сосудов, связанных с молочным хозяйством. Это — маслoбойки и цедалки. В раскопах всех лет в сооружениях, относящихся ко всем периодам, найдены фрагменты толстостенных маслoбоек. В 1961 г. в помещениях первого периода найдены две маслoбойки, врытые

¹⁵ Л. Р. Кызласов. Указ. соч., стр. 222, рис. 49, 45.

¹⁶ С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Труды ГИМ, вып. XVI, 1941, стр. 97, рис. 18.

¹⁷ Л. А. Евтюхова. Указ. соч., стр. 68, рис. 121.

¹⁸ Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Указ. соч., стр. 113—122.

¹⁹ Круг аналогий сосудам описанных форм весьма широк. См. Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Указ. соч., стр. 114—116.

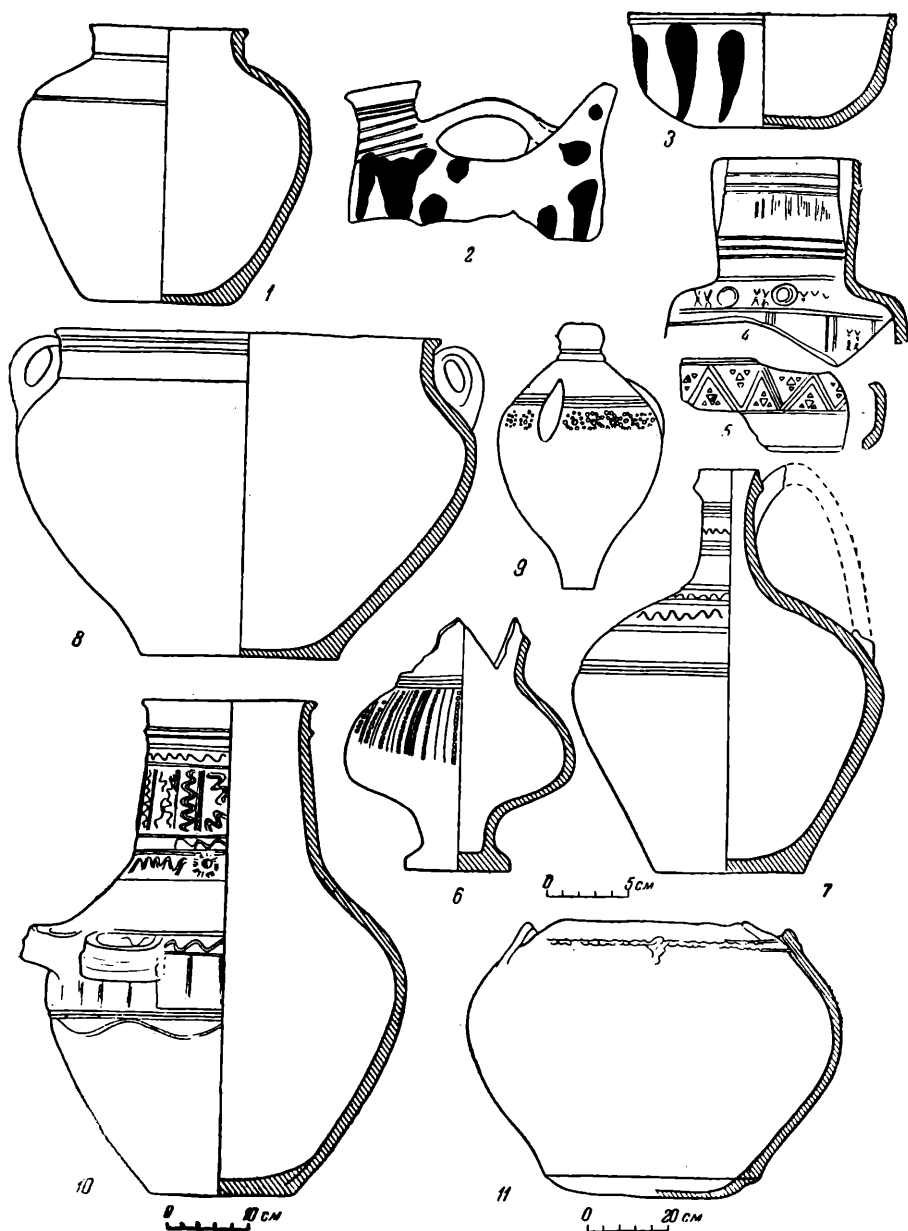

Рис. 36. Керамика из раскопок городища Карабулак

1 — корчага; 2 — верхняя часть мургоби; 3 — миска; 4—6 — части сероглиняных кувшинов; 7 — кувшин; 8 — горшок; 9 — сфероконус; 10 — маслябойка; 11 — котел

в пол, что, очевидно, связано со вторичным их использованием для хранения продовольственных запасов. Одна из них сохранилась полностью, другая раздавлена землей. Оба сосуда имеют форму высокогорлых корчаг с очень широким туловом, в верхней части которого есть отверстие, окруженное валиком. Сбоку от отверстия, чуть ниже его располагались две горизонтальные ленточные ручки. Одна маслябойка украшена прочерченным линейно-волнистым орнаментом, а другая еще и штампованным (рис. 36—10). Маслябойки подобной формы, но меньшего размера, найдены в сред-

невековом слое городища Мунчак-тепе близ Беговата²⁰ и на городище близ Ургута²¹ (в 40 км на юго-восток от Самарканда). Маслобойки описанной формы выделены Е. М. Пещеревой во II тип. Населению средневековых городов Центральной и Восточной Ферганы они не были известны. Здесь использовались другие — цилиндрической формы, — выделенные Е. М. Пещеревой в I тип²². Они найдены при раскопах в Куве. Очевидно, второй тип в средневековье был характерен для Усрушаны и Согда. В настоящее время описанный тип маслобоек известен у таджиков-ягнобцев, а также у узбеков в районе Бухары и Мерва. В последнем они изготавливаются гончарами, выходящими из Каракульского района Бухарской области²³. Цедилки делались в форме мисок с уплощенным дном, биконическим корпусом и отогнутым бортиком, к которому прикреплялась петлевидная ручка. Отверстия диаметром около 1 см располагались по дну и нижней части корпуса. Фрагменты цедилок описанной формы найдены в слоях, относящихся ко всем периодам жизни здания.

В слое, связанном с последним периодом, найдены два целых сфероконуса, украшенных штампованным орнаментом и четырьмя симметрично расположенными в верхней части валиками. Кроме них в сооружениях всех периодов найдены фрагменты сосудов этого типа (до 10 экз.). Все они зеленовато-серого цвета (рис. 36 — 9).

Поливная посуда составляет около 50% всей найденной керамики. При ее изготовлении использовались и глухие и прозрачные поливы. Тарелки, блюда и большие чаши, как правило, покрывались прозрачными поливами желтовато-лимонного и зеленоватого цвета. Прозрачные поливы наносились по ангобу, причем такие сосуды украшались орнаментом сграфито в виде спиралевидных завитков и ломаных линий. Гравировка в большинстве случаев сочетается с пятнистой росписью, выполненной красной, зеленой, коричневой, желтой красками (рис. 37 — 1, 2). Непрозрачными поливами (голубой и зеленой) покрывались небольшие чаши, украшенные по краю зашипами, и светильники с каннелированным резервуаром. Светильники с резервуаром в виде ложки покрывались прозрачной поливой по белому ангобу и украшались пятнистой росписью. Сосуды высоких форм (горшки, кувшины) представлены всего одним фрагментом, сохранившим кольцевой поддон и граненый корпус, покрытый голубой глазурью. Поливная керамика находит широкие аналогии в памятниках X—XI вв. В частности, поливная керамика, аналогичная карабулакской, найдена в замке Калаи-Боло²⁴, на городищах Ахсыкет²⁵ и Кува²⁶, Шахристан²⁷ Мунчак-тепе у Беговата²⁸, Афрасиаб, Мунчак-тепе (Сурхан-Дарьинский)²⁹. Она есть в случайных находках из Андижана³⁰ и Ленинабада³¹. Аналогии двум блюдам, богато украшенным гравировкой и росписью и имеющим треугольный выступ в нижней части бортика, находим в материалах из Самарры³².

При раскопках в течение двух последних лет найдены одиннадцать монет: десять — в дерновом слое и в завале под дерном, одна — при зачистке

²⁰ Фонды отдела Советского Востока Гос. Эрмитажа, инв. № СА 8823, СА 12464.

²¹ Е. М. Пещерова. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 304.

²² Там же, стр. 302.

²³ Там же, стр. 304.

²⁴ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Труды АН СССР, т. XXXV, 1955, стр. 109.

²⁵ Фонды Наманганского музея.

²⁶ Фонды Ин-та истории и археологии АН Уз. ССР, Ташкент.

²⁷ Фонды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, Душанбе.

²⁸ Фонды отдела Советского Востока Гос. Эрмитажа, Ленинград.

²⁹ Фонды Ин-та истории и археологии АН Уз. ССР, Ташкент.

³⁰ Фонды Андижанского областного краеведческого музея.

³¹ Фонды Ленинабадского областного краеведческого музея.

³² F. Saige. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1925, t. XXVI, 2.

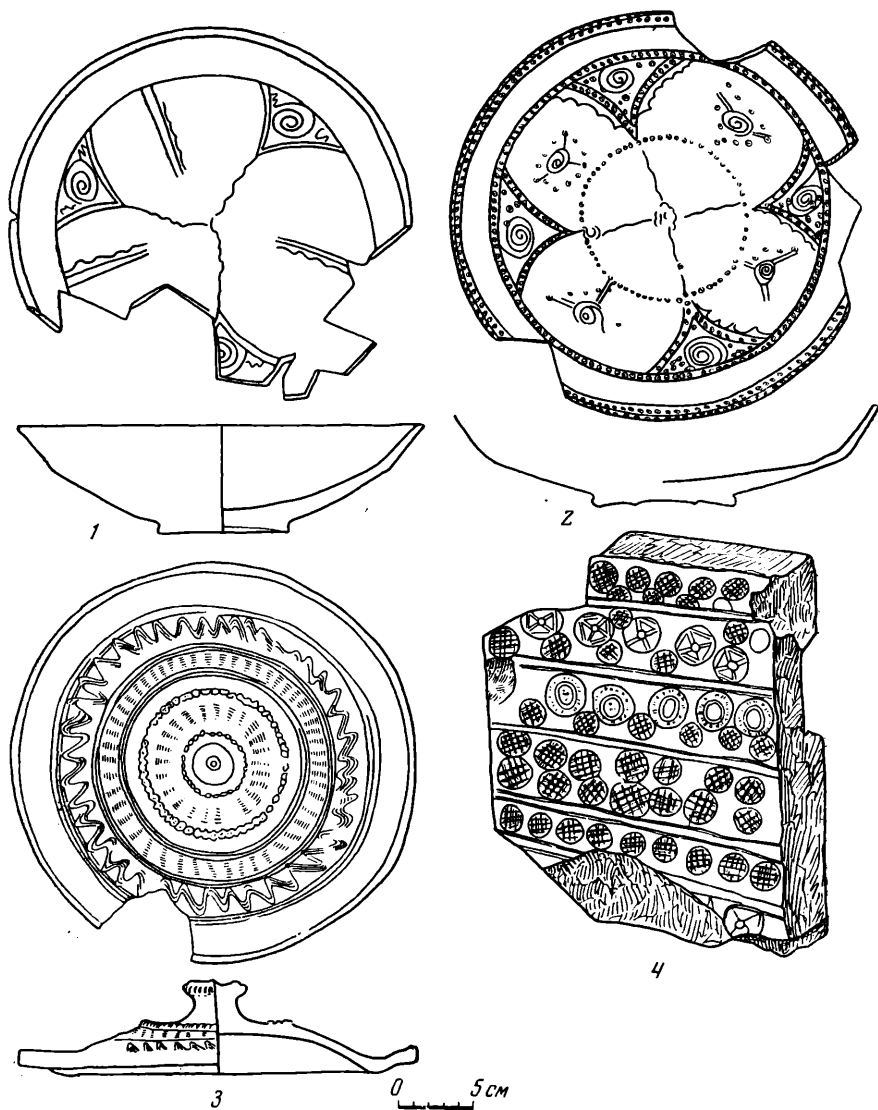

Рис. 37. Керамика из раскопок городища Карабулак
1, 2 — поливные блюда; 3 — крышка; 4 — стенка очажка

тандыра в помещении второго периода. По определению С. А. Яниной, все монеты чеканены в Уэджде (Уэгене) от имени Ибрахима Арслана. Дата их — 570—573 гг. х. (= 1174/1175—1177/1178 гг.).

В целом материал, полученный в результате раскопок, свидетельствует о широких торговых и культурных связях обитателей городища с внешним миром. Он позволяет датировать сооружение XI—XII вв. Поскольку материал очень однороден, более дробную датировку отдельных периодов дать нельзя.

IV. ХРОНИКА

РАБОТА СЕКТОРОВ И ГРУПП ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
АН СССР

1. СЕКТОР СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА в 1962 г.

Сотрудники сектора Средней Азии и Кавказа (заведующий сектором — М. П. Грязнов) в 1962 г. работали над коллективными трудами, монографическими работами и выпусками Свода археологических источников. Тематика сектора была направлена на разрешение двух основных проблем: связанной с изучением закономерностей первобытного общества на территории Средней Азии, Кавказа, Поволжья, Сибири, и касающейся истории средневековых городов Средней Азии.

В 1962 г. был завершен ряд крупных работ и написаны многочисленные статьи. Остановимся на основных из них.

«Археология Средней Азии» — коллективный труд в трех томах. В этой работе принимают участие А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, Ю. А. Заднепровский, В. М. Массон, А. М. Мандельштам, И. Н. Хлопин. К работе привлечен А. П. Окладников. Завершен первый том, посвященный каменному и бронзовому векам (А. П. Окладников, В. М. Массон, Ю. А. Заднепровский, И. Н. Хлопин). Книга разделена на три части. В первой дана характеристика каменного века Средней Азии, во второй рассматриваются культура земледельческо-скотоводческих общин юга Средней Азии V—III тысячелетий до н. э. и охотническо-рыболовецкий неолит севера. Заключительная часть посвящена бронзовому веку Средней Азии, а также периоду раннего железа. В книге дана общая характеристика основных культур, памятников и комплексов, предложены четкие определения для уточнения терминологии, освещено современное состояние вопросов относительной и абсолютной хронологии. Вместе с тем дается общая картина культурного и хозяйственного развития Средней Азии, рассматриваются связи с Древним Востоком (культуры расписной керамики) и сибирско-казахстанским миром (кельтеминар, андроновские комплексы), затрагиваются вопросы этногенеза.

Второй том (А. М. Мандельштам, В. М. Массон, Ю. А. Заднепровский) посвящен характеристике памятников с середины I тысячелетия до н. э. до I тысячелетия н. э. В 1962 г. велась разработка общего плана этой части, написаны отдельные ее главы.

По третьему тому, посвященному эпохе средневековья (А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков), проводился сбор материалов.

На заседаниях сектора заслушивались сообщения о ходе работы над «Археологией Средней Азии». Первый том обсуждался в целом и получил одобрение.

Завершено монографическое исследование В. М. Массона «Средняя Азия и Древний Восток». Построенная на очень обширном археологиче-

ском материале, добытом в результате интенсивных исследований в Южной Туркмении под руководством автора, с привлечением огромной литературы по древнейшим памятникам Передней Азии (Месопотамия, Сирия, Палестина, Иран, Индия), книга эта является первым обобщающим трудом по истории культур Древнего Востока, построенном на основе марксистской методологии. Монография обсуждалась неоднократно, по главам. При обсуждении работы в целом подчеркивался широкий хронологический и территориальный охват материала, углубленное его исследование, позволившее автору поставить ряд теоретических вопросов развития первобытного общества (характер общины, переселения, взаимовлияния и контакты в древнеземледельческом обществе и пр.). Работа В. М. Массона рекомендована сектором для защиты в качестве докторской диссертации.

С проблемой древнеземледельческих культур Средней Азии связана и работа И. Н. Хлопина «Племена раннего энеолита Южной Туркмении», успешно им защищенная в качестве кандидатской диссертации (июнь, 1962 г.). Она посвящена исследованию древнеземледельческих поселений Геокюрского оазиса (IV тысячелетие до н. э.); в ней дается публикация новых памятников и их историко-культурное и хронологическое осмысление. После обсуждения на секторе и авторской доработки работа подготавливалась к печати.

В 1962 г. А. М. Мандельштамом завершена последняя редакция монографии «Кочевнические могильники античного периода в Северной Бактрии»; это — полная публикация трех больших курганных могильников Бишкентской долины (Южный Таджикистан), по утверждению автора, первых памятников Северной Бактрии, принадлежавших тем кочевникам, которые уничтожили греко-бактрийское царство и впоследствии создали новое государство, возглавляемое Кушанской династией. Работа очень интересна, она освещает события последних веков до н. э. и дополняет данными материальной культуры сведения письменных источников. При обсуждении работы сектором автору сделаны некоторые замечания, в частности пожелание о сокращении работы, особенно ее описательной части (М. П. Грязнов).

Кроме монографических исследований сотрудниками сектора подготовлены три сборника материалов крупных экспедиций — Таджикской, Азербайджанской и экспедицией в Объединенную Арабскую Республику.

«Труды Таджикской археологической экспедиции», т. IV (редактор А. М. Беленицкий) включают итоговые отчеты за несколько лет о раскопках на раннесредневековом городище Пянджикенте (раскопки отдельных объектов, исследования по архитектуре и керамике) и некоторых других памятников Таджикистана. Кроме статей сотрудников сектора (А. М. Беленицкого, И. Б. Бентович, О. Г. Большакова) в сборнике публикуются статьи и других участников экспедиции (Б. Я. Ставиского, Б. И. Маршака, Е. В. Зеймаля, В. Л. Ворониной, Н. Негматова).

«Труды Азербайджанской археологической экспедиции», т. II (редактор А. А. Иессен). Том построен на новых материалах 1956—1960 гг. Основная часть статей посвящена памятникам первобытнообщинного строя на территории Мильско-Карабахской степи и Нахичеванской АССР от энеолита до эпохи железа. Продолжается публикация материалов со средневекового городища Орен-кала. Помимо сотрудников Института археологии (А. А. Иессен, А. Л. Якобсон, К. Х. Кушнарева) в сборнике участвуют и сотрудники Института истории и археологии АН АзССР (Н. В. Минкевич, И. Г. Нариманов, О. А. Абибуллаев, О. Ш. Исми-заде).

Сборник «Древняя Нубия» (редактор Б. Б. Пиотровский) построен на материалах археологической экспедиции ИА АН СССР в ОАР и состоит главным образом из статей участников этой экспедиции (Б. Б. Пиотровского, О. Г. Большакова, Н. Я. Мерперта, А. В. Виноградова, В. П. Любица). В сборнике содержится публикация памятников, открытых экспеди-

цией в районе строительства Ассуанской ГЭС, начиная с палеолита, кончая средневековьем; особо интересны надписи в Вади-Алаки и поселение первых династий (начало III тысячелетия до н. э.) в Хор-Дауде.

В 1962 г. в секторе шла работа также над отдельными выпусками Свода археологических источников. Сданы в печать два выпуска из серии «Энеолит южных областей Средней Азии» — «Памятники раннего энеолита Южной Туркмении» (И. Н. Хлопин) и «Памятники развитого энеолита юго-западной Туркмении» (В. М. Массон). Выпуски снабжены картами и наглядными синхронистическими и сводными таблицами по архитектуре, керамике, орнаментальным мотивам, статуэткам и пр. М. П. Грязнов продолжал работу над выпуском «Памятники афанасьевской культуры», С. С. Черников — «Неолитические памятники Казахстана».

На заседаниях сектора сделано около 40 докладов и сообщений об экспедиционных работах и связанных с изучением полученных материалов.

Аспирант А. Аскарлов сделал доклад о своих раскопках на поселении Заман-Баба. Он подробно познакомил присутствующих с характером жилищ и предметами материальной культуры. Единство поселения и могильника Заман-Баба теперь уже бесспорно. Автор на основе привлеченных аналогий из хорошо стратифицированных памятников Ирана и Южной Туркмении датирует заман-бабинскую культуру первой половиной II тысячелетия до н. э. По вопросу происхождения этой культуры автор высказался несколько осторожно, однако считает несомненной преемственную связь ее с предшествующей местной кельтеминарской культурой. Выступавшие в прениях А. А. Иессен, С. С. Черников и М. П. Грязнов отметили важность открытой недавно заман-бабинской культуры и правильность ее осмысления. В. М. Массон полагает, что это как бы вторая зона земледельческих племен, своего рода сельские поселения, относящиеся к периоду Намазга V.

С большим интересом заслушан доклад Г. Н. Лисицыной (ИА АН СССР, Москва) о палеогеографических работах в Геоксюрском оазисе. С помощью аэрофотосъемок и тщательных обследований местности автору удалось выявить основные направления древней гидрографической сети; результатом этих работ было вскрытие древних русел и хаузов и установление соотношения между древней системой орошения и культурными слоями поселений Геоксюрского оазиса. При обсуждении доклада А. А. Иессен подробно остановился на научном значении подобных работ; необходимо учесть их сильную методическую сторону и воспользоваться ею для изучения других районов, в частности степных районов Предкавказья и Закавказья. М. П. Грязнов отметил важность изучения всего оазиса в целом, что дает широкое представление о древнейших его обитателях; он добавил, что сейчас уже назрела необходимость сделать попытку реконструкции гидрографической сети и жилых комплексов.

В. П. Шилов прочел доклад на тему: «Подонье в доримскую эпоху», в котором главным образом на материалах Елизаветинского городища дал характеристику хозяйственной базы культуры племен, населявших Подонье. Основное возражение при обсуждении вызвал его тезис о преобладающей роли рыболовства. А. А. Иессен сомневается в верхней дате Елизаветинского поселения, которая требует уточнения; возможно, что жизнь здесь прекратилась под воздействием Боспора или сарматских вторжений.

В. А. Ильинская (Киев) сделала доклад на тему «О некоторых мотивах раннескифского звериного стиля». Основным недостатком анализа скифского звериного стиля предшествующими исследователями докладчик считает преувеличение роли тех или иных влияний на скифское искусство. В. А. Ильинской удалось выделить чистую и оригинальную группу раннескифских изображений, свободных от воздействия внешней среды; это изображения в резной кости образов коня, барана, грифо-барана, хищной птицы, лося и оленя; вторую группу составляют золотые изображения, связанные с искусством древнего Востока и Закавказья — львиный хищник, гор-

ный козел, грифон. В VII — начале VI в. до н. э. обе группы не только существуют параллельно, но и тесно сплетаются. Появление восточных мотивов автор связывает с походами скифов в Переднюю Азию и непосредственным их контактом с такими государствами, как Ассирия, Мидия, Урарту. Позднее, в конце VI — начале V вв. до н. э., в связи с греческим влиянием, раннескифские образы трансформируются. По докладу В. И. Ильинской выступили А. А. Иессен, М. П. Грязнов, С. С. Черников. А. А. Иессен напомнил, что первая попытка выделения этапов развития скифского искусства была предпринята покойным Б. Э. Рабиновичем; к проблеме возникновения скифского искусства следует подходить всесторонне, учитывая его местные истоки и влияния южных культур, ибо в начале I тысячелетия до н. э. на всей Передней Азии сложился своеобразный звериный стиль. М. П. Грязнов отметил, что в раннескифских памятниках Сибири есть много материалов, иллюстрирующих доклад В. А. Ильинской. С. С. Черников подчеркнул большую тщательность проделанного анализа.

Сектором была обсуждена работа Я. А. Шера «Древнетюркские изваяния Семиречья», в которой автор на основе метода математической статистики предлагает свою классификацию «каменных баб», подробно останавливается на вопросах семантики и хронологии этих памятников; Я. А. Шер считает эти изваяния фигурами покойных и разбивает их на пять иконографических групп. При обсуждении доклада было высказано единодушное мнение о высоком методическом уровне работы. Применение статистического метода дало возможность автору по ряду различных признаков выработать обоснованную классификацию 367 изваяний. А. М. Беленицкий считает, что эти изваяния созданы народом, который, безусловно, имел какие-то связи с оседлыми народами юга Средней Азии, и эти связи необходимо было бы проследить. С. С. Черников предложил заменить в работе термин «каменная баба» термином каменное изваяние. А. Д. Грач отметил, что Я. А. Шер ввел в научный оборот новую большую культурно-историческую зону; он считает, однако, что пять хронологических групп автора недостаточно обоснованы и советует уточнить понятие «Южная Сибирь», не включая туда Туву и Монголию. А. А. Гаврилова заметила, что семантика каменных изваяний до настоящего времени представляется не вполне ясной; существуют две точки зрения — что это фигуры убитых врагов или фигуры погребенных; возможно, что в каждом отдельном случае к изваяниям надо подходить особо, без предвзятой точки зрения.

Сотрудниками сектора заслушаны и другие доклады. К. Х. Кушнарера (в соавторстве с Т. Н. Чубинишвили) сделала доклад на тему: «Историческое место культуры Южного Кавказа III тысячелетия»; Г. А. Максименков — «Впускные могилы окуневского этапа в афанасевских кольцах»; Ю. А. Заднепровский (в соавторстве с М. А. Безбородовым) — «Древние и средневековые стекла Средней Азии»; А. М. Беленицкий — «Символика небесных светил в изобразительном искусстве Согда»; А. А. Гаврилова — «Нижневожские погребения и сибирские памятники X—XIV вв.» С сообщениями о полевых исследованиях в 1961 г. выступили В. П. Шилов, В. М. Массон, С. С. Черников, Г. А. Максименков, А. М. Мандельштам, Ю. А. Заднепровский, А. Н. Мелентьев.

В соответствии с разрабатываемыми проблемами сектор проводил экспедиции. Одной из самых крупных была Красноярская экспедиция (начальник М. П. Грязнов), которая вела исследования в ложе будущего водохранилища Красноярской ГЭС. Шесть отрядов произвели раскопки огромного количества памятников; среди них: пять стоянок каменного века, многослойная неолитическая стоянка, поселения и могильники афанасьевской, андроновской, карасукской культур, а также курганы байновского и подгорного этапов. Помимо стационарных работ экспедицией открыты и обследованы десятки новых памятников. На основании собранных материалов появилась возможность составить археологическую карту большой тер-

ритории, по-новому решить вопрос о стратиграфии верхнего палеолита на среднем Енисее, подтвердить хорошо документированным материалом наличие там окуневского этапа, дать интерпретацию некоторым вопросам, связанным с техникой охоты верхнепалеолитического периода и изобразительного искусства раннебронзового века.

Таджикская экспедиция (начальник А. М. Беленицкий) продолжала исследование ранее начатых объектов Пянджикента. Открыто 60 помещений, среди них ремесленные мастерские, хозяйственные сооружения. Выясняется, что постройки торгово-ремесленного назначения занимали большое место в общей застройке города, что дает новые материалы для решения вопросов о социально-экономической структуре города.

Кара-Кумская экспедиция (руководитель В. М. Массон) изучала памятники в зоне орошения Кара-Кумского канала и продолжала раскопки на Джейтуне и Кара-депе. Особенно ценные результаты были получены при изучении древних русел в Геоксюрском оазисе, где открыт водоем IV тысячелетия до н. э.

Астраханская экспедиция (руководитель В. П. Шилев) занималась выяснением времени освоения открытых степей в южной части Волгоградской, Астраханской и Ростовской областей. Исследовано 76 курганов. Полученные материалы свидетельствуют о том, что открытые степи осваивались древним населением в эпоху ямной культуры, т. е. в III тысячелетии до н. э.

Кроме того, работали Восточно-Казахстанская экспедиция (руководитель С. С. Черников), Ферганский и Дальверзинский отряды (руководитель Ю. А. Заднепровский), Копетдаго-Бадхызский отряд (руководитель А. М. Мандельштам) и Тянь-Шаньский отряд (руководитель Я. А. Шер).

На территории ОАР работала Нубийская экспедиция (руководитель Б. Б. Пиотровский), которая обнаружила несколько местонахождений палеолитических орудий, исследовала поселение времени первых династий и могильник Среднего царства, а также обнаружила значительное число петроглифов и древнеегипетских надписей Нового царства.

К. Х. Кушнарева

2. СЕКТОР СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ в 1962 г.

В 1962 г. сектор продолжал разработку различных тем археологии скифо-сарматского времени, причем в некоторых случаях использовались материалы эпохи поздней бронзы, что давало возможность проследить генезис культуры и этноса отдельных групп населения.

В 1962 г. было закончено многолетнее исследование К. Ф. Смирнова «Савроматы». Это один из важнейших вопросов не только нашей, но и европейской истории. В дореволюционное время эта проблема почти не привлекала внимания исследователей. Углубленное археологическое изучение памятников савроматов относится к советскому времени. В древней истории нашей страны сарматы, именовавшиеся ранее савроматами, сыграли, как и киммерийцы и скифы, большую роль. Активная роль сарматов на рубеже античности и средневековья доказывается многочисленными свидетельствами древних авторов. Позднее, в средние века, имя сарматов уже по традиции долгое время не сходило со страниц хроник. Наша отечественная история не может получить исчерпывающую характеристику без привлечения сарматского материала. Это верно не только для истории ираноязычного населения Северного Кавказа, Средней Азии, но и других народов, в том числе племен — носителей культуры «полей погребений», с которыми сарматы были теснейшим образом связаны не только этнически, но и в культурном отношении.

В своей монографии К. Ф. Смирнов разрешил проблему происхождения савроматов. Изучая памятники андроновской и срубной культур, он нашел об-

щие элементы в погребальном обряде и вещевых комплексах у этих племен бронзовой культуры и савромат. Такой экскурс в область прошлого позволил ему также выделить переходную группу VIII—VII вв. до н. э.

В монографии уточнена хронологическая систематика материала, начало которой надо отнести к трудам исследователя Поволжья — покойного П. Рау. Источниковедческие главы, касающиеся погребального обряда и материальной культуры, дают их исчерпывающую характеристику. Помимо проблемы происхождения савромат, уделено внимание особенностям их общественного строя — проблема, давно интересовавшая историков. Античная традиция, отметившая господство женщин в общественной жизни савромат, выделяла их из числа других племен, описанных древними авторами.

К. Ф. Смирнов исследовал вопросы о матриархате о сложении классовых отношений, о территории кочевий, о формах собственности. Интересно поставлен вопрос о рабстве в семье, об убийстве детей и стариков, довольно широко практиковавшемся в древности.

Перекрестное сопоставление археологических и письменных источников позволило всесторонне осветить затронутые вопросы. Интересны соображения автора о религии савромат и тесно связанном с ней зверином стиле. Много нового и интересного сообщает автор о торговле савромат и культурных связях с соседями. В данной работе, пожалуй, впервые получили всестороннюю характеристику связи со Средней Азией и Передним Востоком. Заканчивается эта интересная монография экскурсом о сложении прохоровской культуры, относящейся к последующему историческому этапу.

Следует здесь же отметить, что сектор подготовил по сарматам два выпуска Свода археологических источников (САИ): 1) Савроматы и 2) Прохоровская культура (В. Г. Петренко, К. Ф. Смирнов и М. Г. Мошкова). По савроматской тематике велись и полевые работы. Интересны раскопки Ново-Кумакского могильника, проведенные М. Г. Мошковой. Получен материал от эпохи бронзы до поздних кочевников включительно. Особенно интересны данные о характере погребальных сооружений и материалы, характеризующие близкие связи со Средней Азией.

Продолжались работы по изучению Среднего Дона, который известен археологам по Частым и Мастюгинским курганам (П. Д. Либеров). Здесь велись работы также с довольно широким хронологическим охватом, включая и памятники эпохи бронзы, что дало возможность проследить генезис культуры местного населения. Большого внимания заслуживают раскопки поселения № 8 у с. Вознесенки, принадлежавшего носителям абашевской культуры. Отдельные абашевские сосуды неоднократно находили на Волге и Дону. Погребения, относящиеся к абашевской культуре, были известны на Дону еще по раскопкам В. Н. Глазова близ с. Тюнино в 1910 г. Новый материал, анализ форм керамики позволил П. Д. Либерову сделать вывод о появлении абашевцев на Среднем Дону в результате их расселения со Средней Волги. Широкое привлечение материала эпохи поздней бронзы позволило выявить истоки культуры населения Среднего Дона в скифское время. Положительного отношения заслуживает точка зрения П. Д. Либерова на этнический состав населения того времени, который он сопоставляет с гелонами, жившими по правому берегу Дона, и будинами, обитавшими к востоку от Дона и к югу от Тихой Сосны.

Продолжались работы А. И. Мелюковой по теме «Культура племен степного Поднепровья в скифское время». Автор всесторонне осветил вопрос о взаимных связях гетов и скифов. Раскопки двух поселений на левом берегу Днестра вновь подтвердили мнение А. И. Мелюковой о границе между скифами и гетами по р. Днестр. На обоих поселениях открыты остатки жилищ, зерновые и хозяйственные ямы, большие зольники с культурными остатками. Материальная культура обитателей поселений носит смешанный, греко-варварский характер. Очевидно, основными жителями поселений были скифы, подвергшиеся сильной эллинизации. Последнее объяс-

няется близостью Тиря и других греческих колоний западного Причерноморья. Исследователь считает, что по характеру жилищ и местной лепной посуды поселения левого берега Днестра и Днестровского лимана отличаются от правобережных.

Проблема взаимоотношений гетско-фракийского и скифского миров — одна из важнейших в древней истории нашей страны. И если сегодня нельзя согласиться с точкой зрения о фракийском происхождении лучших произведений скифской торевтики, то нельзя и отрицать связь между скифским и фракийским мирами, которая хорошо прослеживается на многих произведениях звериного стиля.

Продолжались работы в Степной Скифии, где в могильной группе Солоха раскопаны шесть рядовых курганов IV—III вв. до н. э. Особого упоминания заслуживают погребения женщины и ребенка, позволяющие говорить о захоронении там не только дружинников, но и членов их семей.

О. Д. Дашевская продолжала работать над темой «Скифы в Крыму», исследуя один из интереснейших памятников — Донузловское городище IV—II вв. до н. э.

Отметим завершение работ И. С. Каменецкого по изучению этнического состава племен Нижнего Дона в I—III вв. н. э. На основе сравнительного анализа памятников на этой территории с памятниками Кубани и Поволжья им выявлено меотское в своей основе население, близкое по этническому и культурному характеру кубанскому населению. Теснейшим образом с сарматами связаны племена зарубинецкой культуры.

Проблема этнического состава племен различных вариантов культуры «полей погребений», в настоящее время по существу зашедшая в тупик, требует большой источниковедческой работы, мобилизации всего материала. Ю. В. Кухаренко подготовил к публикации выпуск САИ «Зарубинецкая культура». В нем читатель познакомится с поселениями, могильниками, с вещевым материалом. Автор определяет хронологические рамки этой культуры. Вся характеристика построена по формальному признаку, что и требуется для такого рода издания. Вопросы общеисторического порядка, связанные с происхождением, этнической принадлежностью и социально-экономическим строем, в работе не затрагиваются.

Сектор продолжал работать над изучением материалов, которые могут быть привлечены при разрешении проблемы славянского этногенеза. Здесь прежде всего надо отметить исследование О. Н. Мельниковской памятников милоградской культуры, относящейся к раннему железному веку Белоруссии и Северной правобережной Украины. Автор провел всю источниковедческую работу и завершает разработку исторической характеристики. О. Н. Мельниковская склонна связать носителей милоградской культуры с неврами Геродота. Изучение этой культуры имеет непосредственное отношение к исследованию проблемы славянского этногенеза, поскольку в лингвистике существует мнение о славянской прародине на пространствах Западного Буга и Днестра¹. К этому же кругу надо отнести и проблему юхновской культуры, мало еще изученной, хотя со времени выделения ее прошли десятки лет. В этом плане А. Е. Алихова проводит раскопки городищ Курской области. Л. В. Артишевская закончила изучение раннеславянских памятников среднего течения Десны. Ее монография содержит характеристику Кветунь-Макаринского поселения и Владимирского городища V—VII вв.

Большое внимание уделяет сектор изучению черняховской культуры. Необходимо отметить работу Э. А. Сымоновича «Северные границы черняховской культуры», уточнившую прежние археологические карты Е. В. Махно и И. И. Ляпушкина. Автор установил наличие черняховских поселений в Посеймье и совпадение границ черняховской культуры с северной границей распространения чернозема. В. В. Кропоткин проводил раскопки могиль-

¹ Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М., 1962, стр. 176.

ника этой культуры III—IV вв. н. э. в Уманском районе Черкасской области. Он же продолжал разработку весьма важной для понимания экономики племен черняховской культуры темы «Экономические связи Восточной Европы с Римской империей и Византией».

Большую ценность представляют проведенные Ю. В. Кухаренко раскопки могильника у Брест-Тришин, этническую принадлежность которого исследователь связывает с прибалтийскими племенами. Сходные материалы известны и на юго-востоке, на Днестре. По-видимому, выделенная им культура, отличная от черняховской, принадлежит каким-то древнегерманским племенам.

Следует также отметить подготовленный к изданию том «Черняховская культура» (в серии МИА СССР). Все исследователи согласно признают, что черняховская культура — важный этап в истории Восточной Европы, хотя остаются нерешенными основные вопросы: дата и этническая принадлежность. Скорейшее издание большого числа памятников, исследованных в настоящее время, позволит прийти к правильному решению. В этом томе издаются материалы Черняховского могильника, раскопанного В. Хвойко.

Продолжалось изучение памятников Северного Кавказа, теснейшим образом связанного со скифо-сарматским миром. Под руководством Е. И. Крупнова работали шесть отрядов Северо-Кавказской экспедиции. Получены важнейшие данные по древней и средневековой истории края. Е. И. Крупнов начал работу по истории железного века в Чечено-Ингушетии. Продолжалась работа по изучению важнейшего памятника средневековой истории Северного Кавказа, Верхнего Джулата (О. В. Милорадович).

Сектор внес в план работ изучение гунно-аварских древностей Восточной Европы. Эта тема принадлежит к числу наименее разработанных в науке. Вопрос о гуннах в Восточной Европе еще не изучен. Предстоит еще выделение материалов, которые могут быть связаны с движением гуннов. По-видимому, они входят в число позднесарматских памятников.

В текущем году завершена работа по подготовке выпуска Свода «Городецкая культура». Здесь собран весь немногочисленный материал из музеев Москвы, Саранска, Саратова. Выпуск содержит характеристику отдельных этапов этой культуры и локальных ее особенностей. Эта культура за последние годы почти не привлекала внимания исследователей, и основная характеристика ее основана на дореволюционных работах, а из исследований советского периода привлечены раскопки П. Д. Степанова. Более других районов стало известно за последнее время Чувашское течение Волги, где благодаря работам экспедиций Чувашского научно-исследовательского института исследовано несколько городищ, относящихся к поздней стадии городецкой культуры.

Хуже обстоит дело с составлением выпуска Свода «Дьяковская культура». Изучение всего накопленного материала и истории вопроса привело Е. И. Горюнову к выводу, что в настоящее время нельзя еще четко определить характерные признаки дьяковской культуры. То, что признавалось характерным ее признаком, — наличие двух элементов: грузиков дьякова типа и сетчатой керамики, — как оказалось, не совпадает по времени. Кроме того, грузики не охватывают всю территорию распространения сетчатой керамики. Вместе с тем сетка на керамике появляется не позднее конца II тысячелетия до н. э., когда никаких грузиков еще нет. Точно так же и время исчезновения грузиков и сетчатой посуды не совпадает. Все это, а также неудовлетворительное состояние материала, в том числе плохая изученность жилищ, укреплений, не позволили Е. И. Горюновой завершить работу по составлению выпуска Свода. Важность изучения дьяковской культуры понятна всем археологам, занимающимся ранним железным веком и ранним средневековьем. Помимо выяснения формальных признаков, должен быть решен вопрос об этнической ее принадлежности. Если ранняя дата условно определялась половиной I тысячелетия до н. э. с колебанием

в пределах VI—IV вв. до н. э., то вопрос о поздней дате все еще продолжает оставаться дискуссионным. После ряда лет, когда дата как будто оставалась на III—V вв. н. э., Е. И. Горюнова в своей монографии «Этническая история Волго-Окского междуречья», следуя положениям, выработанным в свое время А. А. Спицыным, доводит дьяковскую культуру снова до VI—VII в. Вопрос об этнической принадлежности остается совершенно нерешенным. Высказывались разные точки зрения о принадлежности дьяковской культуры балтам или финно-угорским племенам. После многих лет господства финно-угорской теории мы снова возвращаемся к балтской теории. Правда, влияние балтов почти всегда отмечалось в наличии прототипов латенских вещей.

В 1962 г. продолжала свои исследования Поволжская экспедиция. Выделяется городище Хулаш в Буинском районе ТАССР, содержавшее три культурных пласта: срубный, городищский и болгарский домонгольского времени. При раскопках собран богатый материал, в том числе местная и привозная керамика, в частности поливная X—XI вв., киевская и саманидская. Установлено, что город погиб при каких-то военных действиях, причем были разрушены все укрепления.

Интересны болгарские могильники, раскопанные на территории с. Андреевка Ульяновской области. Один из них, ранний, датируется приблизительно IX—X вв. н. э. Антропологический материал может быть отнесен к европеоидам, что противоречит точке зрения, высказанной в печати, о том, что болгары принадлежат к европеоидному типу с примесью монголоидных черт, который представлен в Эливкинском могильнике.

Кроме того, раскопаны курганы абашевской культуры, и под руководством Г. А. Федорова-Давыдова производились раскопки городища Новый Сарай.

Сектор уделял некоторое внимание и проблемам археологии Средней Азии. Исследования последних лет все ярче выявляют глубокие связи племен, населявших в эпоху раннего железа евразийские степи, с населением более южных областей, с бассейнами Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. В этом аспекте изучение памятников эпохи раннего железа на территории Средней Азии очень важен. В горах и предгорьях Ферганы в эпоху раннего железа обитали сакские племена скотоводов, от которых остались лишь курганные могильники. Земледельческие поселения этого времени известны мало. Слои эпохи раннего железа встречены только на нескольких поселениях Ферганы, но везде они перекрыты и испорчены мощными толщами позднейших напластований. Лишь на городище Эйлатан (по которому и весь культурно-исторический этап получил свое название) поселение этого времени сохранило оборонительные стены, строительные остатки и четко выраженный культурный слой. Здесь изучаются (Т. Г. Оболдуева) жилые комплексы и сложные оборонительные сооружения. Уточнена дата второго этапа жизни городища (первые века н. э.), установлены генетические связи с поселениями эпохи бронзы.

Таковы основные вопросы, над которыми работал сектор в 1962 г.

А. П. Смирнов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВАН — Вестник Академии наук
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ДТММ — Древности Теджен-Мургабского междуречья
ИАН — Известия Академии наук
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии
КАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР
КИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР
КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ — Ленинградский Государственный Университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАЭ — Музей археологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТИИА — Труды Института истории и археологии
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
MDFa — Memoires de la Délégation Archéologique Française en Afganistan
SPA — A Survey of Persian Art
SPAW — Sitzungsberichte d. Preussischen Akademie d. Wissenschaften

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

Е. И. Крупнов. Некоторые нерешенные вопросы первобытной археологии Кавказа	3
--	---

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

А. А. Формозов. Палеолитические стоянки в пещерах Прикубанья	9
Ю. А. Заднепровский. Основные этапы истории Карадарьинского оазиса	18
А. М. Мандельштам. К истории Бактрии — Тохаристана (некоторые археологические наблюдения)	23
С. С. Черников. Золотой курган Чиликтинской долины (к вопросу о происхождении «скифского искусства»)	29
А. М. Беленицкий. Из истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннем средневековье	33

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. Любин. Неолитические кремневые мастерские в Дигории (Северная Осетия)	43
И. Н. Хлопин. Модель круглого жертвенника из Ялангач-депе	47
Г. Н. Лисицына. Растительность Южной Туркмении в эпоху энеолита по палеоботаническим данным	52
А. Я. Щетенко. Расписная керамика эпохи бронзы из Намазга-депе	57
В. И. Сариниди. Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы	60
Я. А. Шер. Археологические разведки на озере Сон-Куль (1960—1962 гг.) .	66
В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г.	73
В. И. Марковин. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни	81
Р. М. Мунчаев, В. И. Сариниди. Бамутские курганы эпохи бронзы	90
Е. Е. Кузьмина. Андроновское поселение и могильник Шандаша	100
В. А. Кузнецов. Раскопки аланских городов Северного Кавказа в 1962 г. . . .	107
Г. А. Брыкина. Раскопки на городище Карабулак в 1961—1962 гг.	116

IV. ХРОНИКА

Работа секторов и групп Института археологии АН СССР	126
1. Сектор Средней Азии и Кавказа в 1962 г. (К. Х. Кушнарера)	126
2. Сектор скифо-сарматской археологии в 1962 г. (А. П. Смирнов)	130
Список сокращений	135

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. Вып. 98

Памятники Кавказа и Средней Азии

Утверждено к печати Институтом археологии АН СССР

Редактор Издательства М. Г. Воробьева

Технические редакторы О. Г. Ульянова, О. М. Гуськова

Сдано в набор 24/XI 1963 г. Подп. к печати 12/III 1964 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 8¹/₂ + 1 вкл. Усл. печ. л. 11,98 (11,64 + 0,34).

Уч.-изд. л. 11,5 (11,3 + 0,2 вкл.). Тираж 1500 экз. Т-03159. Изд. № 2246.

Тип. зак. № 2977. Темплан 1964 г. № 119

Цена 70 коп.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
7	5 сн.	...меди, олова и железа	...медь, олово и железо
50	17—18 сн.	нахолась	находилась.
61	7 сн.	камерой	камеры.
87	28 св.	XVIII в. до н. э.	VIII в. до н. э.